

А.П. Богданов

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ИМПЕРАТОР
ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Тайны
Российской
Империи

А.Л. Богданов

**Несостоявшийся
император
Федор Алексеевич**

Москва
ВЕЧЕ
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Б37

Богданов, А.П.

Б37 Несостоявшийся император Федор Алексеевич / А.П. Богданов. — М. : Вече, 2009. — 320 с. — (Тайны Российской империи).

ISBN 978-5-9533-4271-1

Как золотые годы благоденствия вспоминалось россиянами царствование старшего брата Петра I, мудрого и образованного государя, при котором Россия осуществила глубокие преобразования и утвердила в мире в качестве великой державы. Именно царь Федор Алексеевич утвердил новую, имперскую концепцию Российского самодержавного православного царства, которая стала фундаментом государственной идеологии Российской империи. Однако царствование его было забыто, а личность преобразователя искажалась ради возвышения его младшего брата. Четверть века архивных изысканий позволили автору воссоздать истинный образ Российского государства XVII столетия. Вместо привычной картины «темной, непросвещенной предпетровской Руси» читатель знакомится с подлинным обликом богатой и цветущей России, могучего и быстро развивавшегося государства.

УДК 94(47)
ББК 63.3(46)5

ISBN 978-5-9533-4271-1

© Богданов А.П., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

ОТ АВТОРА

В истории России трудно найти самодержца, о котором не только широкий читатель, но и специалисты-историки знали бы столь же мало, как о сыне Алексея Михайловича и старшем брате Петра I – царе Федоре (1676–1682). Дело не в том, что отсутствуют документы. Государственные архивы Российского государства за эти годы сохранились на удивление хорошо. «Не обидели» царствование Федора и современники – летописцы, авторы воспоминаний и придворные литераторы, иностранные путешественники и дипломаты, вездесущие (уже тогда!) газетчики.

И чиновникам, документировавшим государственную деятельность Федора Алексеевича, и свидетелям его царствования было о чем писать. Когда в результате ожесточенной придворной борьбы бояре возвели на престол законного наследника Алексея 15-летнего Федора, они убедились, что править из-за спины царя-марионетки не удастся. Образованный, энергичный и богобоязненный царь за несколько лет настолько преуспел в реформаторской деятельности и так напугал оппозицию, что обрек себя на дворцовый переворот и злое умолчание после кончины.

Понятно, что родичи и клевреты нового царя стремились «счистить» со страниц русской истории память о годах правления Федора, скрыть неудавшиеся заговоры и (особенно!) главный, удавшийся, который и привел к власти Петра I.

Самым горьким в истории царствования Федора Алексеевича было то, что именно старший брат начал реформы,

которые позволили младшему из сыновей Алексея Тишайшего назвать себя Первым, Великим, Отцом Отечества и, наконец, Императором Всероссийским. Федор начал и успешно проводил преобразования, не заливая, как Петр I, страну кровью, не сокращая ее население почти на четверть, не низкопоклонствуя перед Западом, не отводя могучему государству роль сырьевого приданка Европы — и одновременно не пугая европейского обывателя образом страшного и непредсказуемого «русского медведя»...

Муза Истории Клио стыдлива и консервативна. Стыдлива потому, что наука, по своему содержанию издавна интересующая власть, имеет на совести немало грехов, главным из которых является обман читателя. Консервативна, ибо, по словам профессионального историка Анатоля Франса, «историки переписывают друг друга. Тем самым они избегают лишнего труда и обвинений в самонадеянности».

Царствование старшего брата Петра I дало прекрасный пример этих качеств русской и мировой историографии. Шестилетнее правление царя Федора Алексеевича предельно насыщено важнейшими для судеб России событиями и решениями. Тем не менее личность государя-реформатора веками оставалась «в тени» младшего брата, посаженного заговорщиками на его еще не остывший трон и реально добравшегося до кормила власти только в 1695 г.

Федор Алексеевич решительно вывел Россию из тяжелой и кровопролитной войны с Османской империей, а затем радикально реформировал армию, сделав ее на $\frac{4}{5}$ состава регулярной. Он осуществил общую перепись населения, ввел единое налогообложение и трижды снижал налоги, каждый раз добиваясь более справедливого их распределения. В конце концов царь созвал выборных представителей от налогоплательщиков на Земский собор, чтобы народ сам

решил, как правильно «и не в тягость» платить подати и выполнять государственные повинности.

Весь государственный аппарат, от Боярской думы до местного управления, был реформирован к вящему восторгу подданных, получивших возможность своими руками разнести по бревнышку бесчисленные гнезда чиновников — мздоимцев и грабителей. Государь отобрал у местных воевод доступ к финансам, лишил их «кормлений» и посадил на жалование. Он ввел единую систему чинов в армии (в общих чертах сохранившуюся доселе) и среди дипломатов, отменил местничество.

Федор Алексеевич впервые в России официально назначил правительство (Расправную палату), сделав крупный шаг к отделению исполнительной власти от законодательной. С судебной волокитой царь боролся с первых дней правления, сумев на время установить «в судах правосудство». Он искоренял обычай бесконечного предварительного заключения, наводил порядок в тюрьмах и отменил члено-вредительные казни (заново введенные Петром I).

Первые в стране дома призрения для ветеранов, больных и инвалидов были построены на личные средства Федора Алексеевича. Беспроцентные кредиты горожанам и представление им ресурсов приказа Каменных дел обновили Москву — при Федоре в столице было возведено 10 тысяч каменных зданий. Государь ввел при дворе европейское платье и линейные ноты, при нем расцвели русская музыка, живопись, архитектура и поэзия. Этими искусствами, наряду с гуманитарными науками и коннозаводством, Федор Алексеевич с успехом занимался лично.

Книголюбам особенно интересно уникальное явление его царствования — крупное и весьма эффективное независимое издательство с государственным финансированием, построенное по последнему слову техники. Последняя раз-

вивалась столь эффективно, что уже в ходе войны с турками русская армия получила не только первые в Европе ручные гранаты и унифицированную полевую артиллерию, но и «пищали винтованные», которые уже тогда назывались просто: «винтовки».

Историки должны были заметить, что Россия времен Федора была могучей и процветающей державой, признанной на мировой арене в ранге империи. Ее армия стала в это время одной из самых мощных в Евразии. Укрепленная граница за несколько лет отодвинулась в европейской части далеко на юг, россияне получили тысячи квадратных километров плодородной и хорошо защищенной земли.

Утверждая на территории от Балтики до Тихого океана концепцию России как великой православной державы, гаранта мира и справедливости для всех народов, царь энергично защищал ее интересы в международных отношениях, поставив наше государство на один уровень с ведущими мировыми империями.

Руководствуясь мыслью, что могущество и слава государства зиждутся на богатстве, защищенности и просвещенности каждого подданного, Федор Алексеевич разумными мерами обогатил страну, изрядно пополнив казну за счет снижения налогового бремени и оптимизации государственных расходов.

Царь успел утвердить основные принципы организации финансово автономного, независимого от властей Московского университета, студентов которого нельзя было не только забрать в армию, но и арестовать без разрешения академического совета. Среди готовившихся Федором Алексеевичем реформ было и устройство профессиональных училищ для сирот и детей неимущих, и многократное умножение епархий Русской православной церкви, и введение единой системы государственных чинов, и издание первой научной истории России.

Далеко не полного перечня крупных событий и преобразований, осуществленных в царствование Федора Алексеевича, достаточно, чтобы обратить самое пристальное внимание на личность самодержца, впервые в истории правящего в России рода получившего высшее гуманитарное образование.

Архивы и публикации документов переполнены весьма энергичными «именными» (личными) указами царя Федора по важнейшим вопросам политики и экономики России. По запросам самодержца государственные учреждения, политики и военные составляли подробные справки, аналитические обзоры, карты и планы, на основе которых царь принимал смелые стратегические решения и разрабатывал проекты преобразований, многие из которых сумел привести в жизнь.

Тем не менее историки продолжают повторять сказку про «слабого и болезненного» государя, будто бы не принимавшего никаких самостоятельных решений. Но если страной правил не царь Федор, то кто стоял за его спиной? – На это у авторов исторических сочинений не оказалось ответа, и не случайно.

При государе не было не только явного фаворита или «первого министра» (как всегда было при его отце Алексее Тишиайшем, а затем при сестре Софье, мачехе Натальи и брате Петре). Перемены в составе приближенных Федора и распределении руководящих постов говорят о том, что ни конкретной личности «серого кардинала», ни определенной группировки за спиной царя не стояло.

У отдельных замыслов царя были сторонники среди аристократов, государственных деятелей и полководцев. Например, будущий канцлер боярин князь Василий Васильевич Голицын, идею которого Федор Алексеевич поддержал, отдав секретный указ командующему русской армии

уничтожить Чигирин — яблоко раздора между Россией и Турцией (1678), чтобы вывести страну из разорительной войны. Или прославленный генерал Григорий Иванович Косагов, план которого по решительному продвижению укрепленной границы России на юг царь утвердил вопреки мнению ряда влиятельных царедворцев. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что эти и другие стратегические решения были приняты царем после весьма серьезного изучения всех относящихся к делу материалов.

Есть некая ирония в том, что историки, активно использующие в своей работе аналитические материалы и подборки документов по конкретным проблемам, подготовленные в свое время для царя Федора, продолжают делать вид, что все это возникло само собой. Ведь делопроизводители XVII в. точно указывали, для кого, когда и почему потребовалась справка! Более того, в своих ясных и четких указах, особенно касающихся «общенародной пользы», государь часто считал должным раскрыть суть проблемы, объяснить, чего он хочет добиться и как именно его решение скажется на интересах широких слоев подданных.

Разумеется, для правильного понимания внутреннего мира царя-реформатора одной логики его решений, вытекающей из содержания рассмотренных государством документов и мотивировочной части указов, недостаточно. Человек — не логическая машина, на него влияет множество обстоятельств, которые историку приходится восстанавливать по всей огромной массе подлинных документов и свидетельств того времени. А главное, у каждого из нас (и не будем в этом отказывать царю Федору) есть свой весьма сложный внутренний мир, свои вкусы, убеждения и предпочтения, сложившиеся с детства.

Личная жизнь царя, которого безосновательно представляли слабым, больным и ни на что не способным, оказалась

на удивление богатой и даже романтичной. Сама логика исследования заставила автора построить повествование о делах правления и проблемах государственных вокруг внутреннего мира, семейных и прочих личных отношений царя-реформатора. Воспитание, увлечения, склонности и пристрастия царевича, а затем и царя Федора Алексеевича и в жизни, и в книге тесно переплетены с принятыми им принципиальными, часто драматическими решениями о судьбах Российской державы.

Как достоверно раскрыть этот внутренний мир человека, прожившего необычную для нас жизнь в далеком XVII веке? Вопрос непростой для историка. Прежде всего, следует выявить и изучить все обстоятельства жизни Федора, детали его окружения, книги, которые он читал, найти все, что может быть известно о его вере и убеждениях, его любимых, друзьях и игрушках, увлечениях и симпатиях. Однако единственным критерием, что реконструированная таким сложным путем (и неизбежно имеющая лакуны) картина внутреннего мира героя верна, является ее полнота и гармония, т.е. в конечном итоге — убедительность для читателя.

Я не оговорился. Оценка широким читателем воссозданной в книге картины внутреннего мира царя Федора Алексеевича и России его эпохи объективно имеет не меньший вес, чем мнение профессиональных историков. На высоком уровне обобщения, к которому в данном случае пришлось прибегнуть, хитроумные приемы обработки источников, применяемые на ранних стадиях работы, уже не имеют значения. Для оценки логики автора специальных знаний не требуется: это свойство обобщающих трудов по истории, часто заставляющее ученых в испуге отказываться от их написания и даже уверять, что такие работы недостаточно научны.

Уверен, что книги, содержание которых абсолютно ясно читателю, являются естественным результатом и целью всех специальных исторических исследований, вообще придающим им смысл. Если результат изысканий не может быть изложен в ясных для каждого грамотного человека выражениях, если логика его построения непонятна, а полученная картина неубедительна — то работа не завершена или историк выполнил ее плохо.

Мне доставило огромное удовольствие писать эту книгу о загадочном и романтическом периоде Истории России, в котором жил и упорно трудился первый и вполне истинный, хотя официально и не объявленный император.

Надеюсь, что эта радость узнавания нового в полной мере достанется и Вам, любезный читатель.

Андрей Богданов,
доктор исторических наук, академик РАН,
ведущий научный сотрудник Института
российской истории РАН

Глава 1

КАТАСТРОФА ВО ДВОРЦЕ

В ночь на 30 января 1676 г. Кремлевский дворец был освещен всеми имеющимися светильниками. Подобно огромной люстре горел он над Москвой, сверкая золотом и переливаясь красками бесчисленных маковок и шатров, колонн и балюстрад, рельефов и росписей. С высоты Ивана Великого катились на столицу волны набата, возвещая народу о внезапном и страшном горе, поразившем страну. Как громом пораженные слушали москвичи Большой колокол, возвещающий о кончине великого государя, Тишайшего Алексея Михайловича¹, Царя-Солнца, названного

¹ О личности и царствовании Алексея Михайловича см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1990–1991. Кн. V–VII. Т. 10–12 (или др. изд.); Забелин И.Е. Царь Алексей Михайлович // Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. Ч. I. С. 203–283 (то же: Отечественные записки, т. 110); Хмыров М. Царь Алексей Михайлович и его время // Древняя и Новая Россия, 1875. Т. III; Письма русских государей и других особ царского семейства. – М., 1876. Т. 5; Кизеветтер А.А. День царя Алексея Михайловича. – М., 1897 (переизд.: М., 1998); Катаев И.М. Царь Алексей Михайлович и его время. – М., 1901; Иловайский Д.И. История России. – М., 1905. Т. 5. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183 гг. / С.А. Белокуров // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1908. Кн. 1–2; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. – Сергиев-Посад, 1909–1912. Т. 1–2 (репринт: – М., 1996); Платонов С.Ф. Царь Алексей Михайлович // Собр. соч. – СПб., 1994. Т. 2. С. 5–240; Медовиков П. Историческое значение царствования

так московским поэтом раньше, чем французский поэт сравнил с Солнцем его соперника на другом краю Европы, Людовика XIV¹.

Алексея Михайловича. – М., 1854; *Fhrmann J.T. Tsar Alexis, His Reign and His Russia.* – Gulf Breeze, 1981; *Longworth P. Alexis, Tsar of all the Russians.* – London, 1984; Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // «Вопросы истории» (ВИ), 1992. № 4–5. С. 72–90; Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. – М., 1996; *Преображенский А.А. Алексей Михайлович // Романовы. Исторические портреты.* – М., 1997. Кн. I. С. 71–155; и др.

¹ 5 июня 1656 г. игумен Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич с ученой братией воспели в поэтической декламации миссию царя, грядущего «от Востока» для спасения угнетенных Западом православных людей в Речи Посполитой: «Тма бысть, царю Восточный, в странах сих... ныне же сияющу тебе зде Солнцу праведному». Прежде, чем они произнесли свои полоцкие «Метры», младший член авторского коллектива, месяц как постриженный в монахи Симеон Полоцкий с «отроками», успел лично приветствовать Алексея Михайловича в Витебске, объявив, что явившийся с Востока царь как «Солнце» воссиял над Белой Русью, разгоняя западную «тьму неверия» (цит. речь Иевлевича: Древняя российская вивлиофика, далее – ДРВ. Изд. 2. – М., 1788. Ч. III. С. 317; полоцкие «Метры» см.: *Прашкович Н.И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы*, далее – ТОДРЛ. – М.–Л., 1965. Т. XXI. С. 29–38; витебские «Метры» см.: Коршунов А.Ф. Хрестаматыя па старожытнай беларускай літаратуры. – Мінск, 1959. С. 346–352). Симеон воспел «вождя Богом данного», а коронованный 27-летний сверстник исполнил желание поэта славить его и далее, пригласив Полоцкого ко двору. Прибыв в 1660 г. Москву (и с 1664 г. в ней поселившись), Симеон сделал образ царя-Солнца центральным символом аллегорической системы созданной им придворной поэзии: царь – Солнце, царица – луна, их дети – звезды, а Россия, разумеется, небо. Хотя «Солнце едино весь мир озаряет», ясно, что свет миру несет именно «Солнце российское»: свет, испускаемый царем, освещает мир в семь раз ярче лучей Феба. (См.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. – М., 1974. С. 32–33, 36, 142; ср.: Пушкиров Л.Н. Общественно-политическая мысль в России. Вторая половина XVII века. – М., 1982. С. 194; и др.). Аллегория была развита преемниками Полоцкого, придворными поэтами Сильвестром Медведевым и Карионом Истоминым. Король Людовик выбрал своей эмблемой солнце в 1662 г. (Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. – М., 1991. С. 52), так что англичанин свиты графа Чарльза Говарта Карлейля, прибывшего в Рос-

Государь умер внезапно. Совсем еще нестарый по московским меркам, Алексей Михайлович сидел на престоле 31-й год и, казалось, будет сидеть вечно. Правда, при Дворе знали о периодических недомоганиях государя, которые доктора определяли как приступы цинги; в последние годы к ним присоединилась водянка. Но в глазах подданных Царь-Солнце оставался все тем же здоровяком, любителем конной охоты и спицами и борзыми, чьи выезды с пышной свитой на бесценных конях, в пестрых охотничих нарядах, с сонмом сокольничих и доезжачих некогда оживляли столицу. К тому же женившись несколько лет назад на 20-летней девице, Алексей Михайлович сам как бы помолодел. Шумные игры и торжественные шествия, парадные выезды, балы и комедийные действия чередовались с пышными церковными службами и пирами по случаю родин и крестин новых детей, когда во Дворец допускали не только знать, но и всех зажиточных горожан. Все это ясно говорило, что надежда-государь еще в полной силе.

ОТЕЦ

В январе того года все шло при Московском дворе как обычно. Алексей Михайлович давал прием посольству попавших в трудное положение, осажденных врагами Нидерландов, обещал помочь. На следующий день он с

сию летом 1663 г., сравнил царя с «блестящим солнцем» по обычаяю московского Двора и в пику французам (Посольство в Россию графа Карлейля // Отечественные записки. – СПб., 1855. Кн. 11. Отд. II. С. 60; ср.: Описание Московии при реляциях гр. Карлейля / И.Ф. Павловский // Историческая библиотека. 1879. № 5. Паг. 3. С. 1–46). – Оценка особенно любопытна потому, что дипломатическая миссия графа провалилась. См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. Кн. 11.

царицей и вельможами слушал приехавшего с посольской свитой музыканта-виртуоза, а назавтра занемог¹. Царь сдержал большую Аптеку — целое ведомство, наполненное чиновниками и выписанными из-за границы лучшими дипломированными врачами, фармацевтами в звании не ниже доктора наук и множеством лекарей рангом пониже². Царь с удовольствием беседовал с обладателями докторских дипломов знаменитых университетов о тайнах астрологии и ятроматематики (врачебной астроматематики), о лечебных свойствах растений, минералов и естественных препаратах,

¹ События отражены в посольской книге – сводном документе о переговорах, составленном в Посольском приказе: РГАДА. Ф. 50. Сношения с Голландией. Оп. 1. Кн. 9. Опубл.: *Ловягин А.М.* Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. – СПб., 1900. Здесь же опубл. текст и перевод сочинения участника посольства, дворянина Балтазара Койзта: «Исторический рассказ, или описание путешествия господина Кунраада фан Кленка, чрезвычайного посла великомошных Штатов и его величества господина принца Оранского, к великому государю царю и великому князю Московскому (вторая пагинация, с. 1–592). Отрывки из этого сочинения, ярко воссоздающего обстановку в Москве в последние дни правления Алексея и в начале царствования Федора, изданы тем же А.М. Ловягиным: Москва при смерти тишайшего государя // Русская старина. 1893. Т. 80. № 12. С. 528–538; Голландец Кленк в Московии // Исторический вестник. 1894. Т. 57. № 9. С. 760–791.

² Материалы Аптекарского приказа, вплоть до выписанных врачами рецептов, хранятся в 143-м фонде РГАДА (с небольшим включением в ф. 396). Значительная их часть (но далеко не все) опубл.: Материалы для истории медицины в России.– СПб., 1881–1885. Вып. I–IV; *Новомбергский Н.Я.* Материалы по истории медицины в России. – СПб., 1905–1906. Т. I–II. См. также приложения к фундаментальным исследованиям, использованным здесь и далее для характеристики медицинских вопросов: *Рихтер В.* История медицины в России. – М., 1814–1820. Ч. 1–3 (первое нем. изд.– М., 1813–1817. Т. 1–3; фототип. воспр. – Leipzig, 1965); *Змеев Л.Ф.* Чтения по врачебной истории России. – СПб., 1896; *Новомбергский Н.Я.* Черты врачебной практики в Московской Руси. – СПб., 1904; *он же.* Врачебное строение в допетровской Руси. – Томск, 1907; *Лахтин М.Ю.* Медицина и врачи в Московском государстве. – М., 1906.

даже о европейской политике¹. Но с годами все более упорно отказывался пользоваться их врачебными услугами.

Доктора не могли заставить царственного пациента принимать приготовленные по последнему слову науки лекарства. Простая простуда вскоре уложила Алексея Михайловича в постель. Страдая от лихорадки, государь требовал ледяного кваса — такого, чтобы льдинки звенели о края целебного бокала из кости инрога (бивня нарвала). На живот себе он приказывал класть толченый лед. Через неделю положение больного стало безнадежным. 29 января Алексей Михайлович исповедался и принял причастие из рук святейшего Иоакима патриарха Московского и всей Руси².

Это был знак, который как сигнал боевой тревоги поднял на ноги тысячи чиновников самого большого в Европе Двора³. Затаенное ожидание сменилось лихорадочно поспешными действиями, восстановить которые в памяти во всей полноте не могли потом и главные участники. В ночь на 30-е толпы придворных строго по чину заполняли дворы и переходы, крыльца и сени, лестницы и палаты. Все взоры были обращены к Верху — обширной и сложной по форме площадке над тяжелыми нижними этажами Дворца, где среди висячих садов и цветников высились яркие, как игрушки, царские терема. Только бояре и избранные ближние люди (см. Приложение), заранее одетые в скромных цветов платье

¹ См.: Богданов А.П., Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. — М., 1988. С. 151–204; Богданов А.П. О рассуждении Самуила Коллинса // Там же. С. 204–208.

² Записал связанный с врачами Аптеки Балтазар Койэт. См.: Ловягин А.М. Голландец Кленк в Московии. С. 781–782; и др.

³ О событиях в Кремле с момента смерти Алексея Михайловича см. официальные записи: Дворцовые разряды (далее – ДР). Т. III. – СПб., 1852. Стлб. 1636 и сл.

без обычных нашивных украшений, минуя все фигурные решетки и «переграды», поднимались по Золотой лестнице к покоям, где умирал объединитель Великой, Малой и Белой России, раздвинувший границы державы от Минска и Киева до Амура и Камчатки.

В четвертом часу ночи (по-нашему — около восьми вечера 29 января, для предков зимой — это была уже глубокая ночь на 30-е) с Верху объявили, что угасла свеча страны русской, померк свет православия, прияв нашествие облака смертного, оставя царство временное отошел в жизнь вечную государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец. Ударил в первый раз Большой колокол — и продолжал затем мерный набат до самого погребения русского царя.

А по Золотой лестнице уже спускалась к сеням Грановитой палаты скорбная процесия бояр, окольничих и близких людей, ведя под руки, чуть не неся юного наследника престола. Царевич Федор Алексеевич тоже болел и лежал в своих палатах, да мачеха и не пускала ни его, ни теток и сестер к постели умирающего, верно, надеясь вымолить трон для своего маленького сына Петра. Ввалившись к нему всем скопом, бояре поволокли Федора по лестнице в одной рубахе. Тело отца еще не успело остыть, как Федор Алексеевич был усажен на спешно принесенный из казны парадный трон и обряжен в царское облачение. Широкое одеяние отца окутало юношу, подобно савану, руки больного с трудом удерживали тяжелые скипетр и державу. Но рынды в белом платье со скрещенными золотыми цепями на груди и секирами в руках уже стояли подле трона, а виднейшие люди государства один за другим приносили присягу и целовали крест новому царю.

Всю ночь присягали в Грановитой палате бояре и окольничие, думные дворяне и думные дьяки, стольники и стряпчие, дворяне московские и жильцы. Даже выборные дворяне

из городов, несшие службу в Москве, стремились поцеловать крест непременно перед лицом нового государя. Лишь с рассветом 15-летнему царю позволили подняться в Верх, чтобы проститься с телом отца. Патриарх с освященным собором архиереев и архимандритов важнейших монастырей со священниками кремлевских храмов заняли места перед Дворцом, чтобы принимать присягу у стекавшихся со всех концов столицы дворян, стрелецких, солдатских, рейтарских и драгунских офицеров, дворцовых служителей и служилых иноземцев.

Одновременно целование креста происходило в приказах, ведавших разными территориями и различными категориями подданных (см. Приложение). Не только молодшие, но середние и старшие подьячие, инде даже дьяки скрипели перьями, спеша размножить текст присяги новому государю. За ворота Кремля, отбив копытами дробь по мостам, то и дело вылетали гонцы, разносившие крестоцеловальные грамоты в полки московского гарнизона, на Пущечный двор и другие государственные предприятия, в крупнейшие, а затем и во все приходские храмы столицы, к которым еще с ночи сходились православные. Пасторы и муллы тем временем принимали по своим обрядам присягу служилых иноверцев.

Около десяти часов утра (по нашему времени) процесия иерархов и священнослужителей двинулась от Патриаршего двора к царскому Дворцу, где все было уже готово к похоронам раба Божия Алексея Михайловича. День был морозный и ясный. Мерные удары Большого колокола все плыли в голубом небе над огромной толпой народа, собравшегося проводить своего государя в последний путь. Цветные кафтаны и блестящие стальные каски стрельцов расчертили на Соборной площади дорожки, выстланные посередине черным сукном.

В одиннадцать часов траурная процессия медленно по текла по лестничным пролетам и украшенным золотыми львами площадкам Красного крыльца. Перед ней двигалась в воздухе завеса или сень из драгоценной материи, затканная золотыми и серебряными цветами, щедро усыпанная жемчугом и бриллиантами. Триста или четыреста священников в великолепном облачении шли со свечами. Специальные чиновники пучками разбрасывали в народ бесчисленное множество свечей, огоньки которых слегка колебались в тихом воздухе над коленопреклоненной толпой.

Золотые хоругви известили зрителей о приближении патриарха. Перед ним несли великие сокровища Российского царства: чудотворный образ пречистой Богородицы Владимирской и святой животворящий крест Господень с животворящим древом Христовым и частицами мощей великих чудотворцев. Патриарх Иоаким шел, поддерживаемый под руки двумя боярами, во главе освященного собора, сверкавшего сказочным убранством облачений. Следом на плечах одетых в траур вельмож плыла крытая парчою крышка гроба. Сама несомая на носилках домовина была почти не видна под грудами роскошных материй, за лесом высоких белых свечей и клубами воскуряемых кругом благовоний. Крупные слезы катились по щекам и бородам старых друзей и соратников Алексея Михайловича, бояр и воевод, несущих гроб. Впрочем, рыдала и горестно вопила уже вся площадь, весь Кремль и не вместившиеся в него толпы окрест.

Страдавший в эти дни от болезни ног молодой царь Федор Алексеевич, весь в черном, с обнаженной головой, двигался вслед гробу на черных носилках¹. Его сопрово-

¹ «А за телом несли сына его государева, великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича... в креслах стольники комнатные. А платье на нем, великом государе, было смирное, и кресло обито сукном черным». ДР. Т. III. Стлб. 1642–1643.

ждала небольшая свита бояр, окольничих и близких людей, надевших «смирное платье» в знак скорби. За новоиспеченным царем шла молодая вдова, царица Наталия Кирилловна, окруженная старыми боярынями своей свиты. Только ей, единственной из многочисленных женщин царской семьи, позволено было сопровождать тело Алексея Михайловича к месту его последнего упокоения в Архангельском соборе¹.

Лишь после того как процессия вошла в собор и гроб был установлен в каменной усыпальнице (из которой он будет извлечен для предания земле через шесть недель, когда окончится траур), после первой поминальной службы толпа стала расходиться из Кремля. Но суeta и озабоченность при дворе не ослабевали. То и дело с Постельного крыльца выкликались царедворцы, с Конюшенного двора выводили лихих коней. Получив крестоцеловальные грамоты и казенные подорожные, дворяне отправлялись в далекий путь, чтобы привести к присяге население всех земель обширной державы.

Каждый уездный город, каждый воевода должен был получить крестоцеловальную грамоту, будь то на Дону или на Тerekе, в Сибири или на берегах Ледовитого океана². На месте грамота незамедлительно переписывалась в необходимом числе экземпляров и рассыпалась во все приходские церкви, всем полковым священникам, в самые

¹ Все эти детали см.: Ловягин А.М. Голландец Кленк в Московии. С. 781 и сл.

² См., например, Грамоту о воцарении Федора Алексеевича и приведении всяких чинов людей к присяге новому государю и его семье от 30 января 1676 г., посланную стольнику князю Хованскому, проводившему в момент смерти Алексея и воцарения Федора смотр и верстание (запись в чины) служилых людей Владимирского разряда: городовых дворян и детей боярских Центральной России: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Серия I (далее – ПСЗ–I). – СПб., 1830. Т. II. № 619. С. 1–3.

отдаленные поселения и отряды землепроходцев. Московские гонцы спешили. Они лично должны были привести к присяге местное военное и гражданское начальство. Князь Тимофей Афанасьевич Козловский, к примеру, одолел две с половиной тысячи верст до Тобольска за 22 дня¹.

Пока знатные гонцы летели по стране, меняя коней на ямских дворах, в Москве тщательно следили, чтобы никто не уклонился от присяги новому государю. Первым своим распоряжением Федор Алексеевич «указал: которые стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы станут ему, великому государю, бить челом, что они больны и из-за болезни у крестного целования быть не могут, — и тех, осматривая в домах их, приводить к присяге разрядным дьякам у приходских церквей по месту жительства»².

И этот указ, и нервозная поспешность присяги новому царю, и недостойная скоропалительность прощения с почившим государем были не случайны. Наученные опытом Смутного времени, россияне как огня боялись замешательства, которое мог вызвать в умах незанятый трон. Недаром

¹ Так сообщает В.Н. Берх (*Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. – СПб., 1834. Ч. I–II.*), опираясь на пометы в экземпляре грамоты Тимофея Афанасьевича Козловского. Согласно Сибирскому летописному своду, князь действительно прибыл в Тобольск 28 (по сокращенным редакциям свода – 29) февраля 1676 г. с крестоцеловальной грамотой, написанной в Москве после 3 февраля: под этим числом известна грамота на Дон, куда обычно писали раньше, чем в Сибирь (ПСЗ–I. Т. II. № 622), – но до 10 февраля, когда дядя Тимофея, стольник Иван Петрович Козловский, получил крестоцеловальную грамоту в Туринск, куда писали позже (там же. № 624). Дядя объявился в Тобольске 3 марта, потратив на дорогу также около 22 дней, осчастливили племянника царским указом приводить к кресту Томск, Сургут, Нарым, Кетск, Енисейск, Красноярск и Кузнецк, а сам 12 марта выехал на Тюмень, Туринск, Пельм и Верхотурье (Полное собрание русских летописей. Т. 36. – М., 1987. Сибирские летописи. Ч. 1. С. 167–168 и др.).

² Именной указ от 31 января 1676 г. см.: ПСЗ–I. Т. II. № 620.

Алексей Михайлович постарался утвердить на своей голове унаследованную от отца корону решением Земского собора¹. Недаром и Федора Алексеевича он еще в 1673 г. представил подданным в церкви Спаса Нерукотворного как своего законного наследника². Романовы опасались выпустить из рук скипетр власти. В 1676 г. дело осложнялось тем, что раскол противоборствующих «в верхах» партий проходил через царскую семью.

МАТЬ

Царь Алексей Михайлович был женат дважды. 16 января 1648 г. он сыграл свадьбу с Марией Ильиничной, девицей старинного дворянского рода Милославских, как-то раз приглянувшейся ему в Успенском соборе на молитве. Впрочем, наивно полагать, что встреча государя с будущей женой произошла случайно. Узы брака в России XVII в.

¹ Широта сословного представительства на этом мероприятии под вопросом (*Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.* – М., 1948. Т. 2. С. 10–11). Но стремление Алексея Михайловича утвердить свою власть соборным избранием сомнений не вызывает (*Беляев И.Д. Земские соборы на Руси*. Из. 2. – М., 1902. С. 54; *Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация* сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. – СПб., 1885. С. 208; *Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.* – М., 1978. С. 272–274; и др.). Более широко политическая ситуация представлена: *Кошелева О.Е. Лето 1645 года: смена лиц на русском престоле // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Альманах*. – М., 1997. С. 148–170).

² См. Чин объявления царем Алексеем Михайловичем своего наследника царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. и Образец окружной грамоты об объявлении царевича Федора Алексеевича и пожалований по сему случаю 5 сентября 1674 г.: Собрание государственных грамот и договоров Российской империи (далее – СГГИД). – М., 1826. Т. 4. № 97, 98. С. 316–322.

были слишком прочны, жена оказывала слишком большое влияние на государя, чтобы царедворцы пустили выбор невесты «на самотек»¹.

Вокруг кандидатуры будущей царицы шла жестокая борьба, лишь слегка замаскированная соблюдением традиций. Алексей Михайлович надумал жениться еще зимой 1647 г. По случаю выбора царских невест со всей Руси собраны были двести благородных, благонравных и пригожих девиц, из которых хитроумные придворные быстро «отсели» 194. Выборщики угодили царю. Алексей Михайлович влюбился в одну из шестерых представленных ему девиц.

Счастливый молодой царь вручил в знак обручения ширинку и кольцо дочери касимовского помещика Евфимии Федоровне Всеяловской. 4 февраля невесту должны были ввести в царские хоромы, облечь в царскую одежду, возложить на нее венец и наречь царевной. Вскоре потом была бы сыграна свадьба. Группировка, незримо стоявшая за этой кандидатурой, уже готовилась к захвату власти во дворце.

Богатейший после царя человек, боярин Борис Иванович Морозов, к этой группировке не принадлежал. Напротив, он старался всеми силами сохранить свое шатающееся влияние. Старый друг царя Михаила, дядька и близкий боярин Алексея Михайловича, Морозов постепенно утрачивал влияние на государя, вступившего на престол на семнадцатом году жизни, но быстро обретавшего самостоятельность. Объединившись с другим влиятельным и властолюбивым человеком, знаменитым царским духовником Стефаном Вениифатьевым, Морозов разработал тонкую операцию по ликвидации царской нареченной.

¹ Документальный рассказ о драматической истории невест Михаила и Алексея Романовых см.: Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – М., 1869 (и др. изд.). С. 225–266.

От примитивных действий предостерегал печальный опыт его друзей Салтыковых, которые не только утратили власть, но и угодили в ссылку, пытаясь избавиться от возлюбленной невесты царя Михаила Мары Хлоповой. Тогда, в 1616 г., невесту уже нарекли царицей, дали ей новое имя Настасья, дворовые чины целовали ей крест, а по всей Руси люди Бога за нее молили. Салтыковы пытались воспользоваться легким недомоганием невесты, чтобы объявить ее негодной, но не нашли поддержки у докторов и сами «обнесли» ее перед государем, своим двоюродным братом.

Этого оказалось мало — пришлось подключить против влюбленного Михаила Федоровича его мать и Земский собор. Невеста была сослана, но двадцатилетний государь получил такую душевную рану, что восемь лет отказывался жениться. Скорбь сына смягчила даже еголастного отца Филарета Никитича: врачебная экспертиза подтвердила полное здоровье Мары Хлоповой и вину Салтыковых... В сентябре 1623 г. заинтересованные лица при дворе лишь чудом смогли предотвратить соединение государя с его возлюбленной. Для этого потребовалось заклятие царской матери, великой старицы Марфы Ивановны, заявившей, что «не быть ей в царстве перед сыном, если Хлопова будет у царя царицею».

Из-за придворных распри была поставлена под вопрос судьба династии, Россия рисковала вновь погрузиться в пучину гражданской войны, если Михаил умрет бездетным. Он отказался от любимой, но прошел еще год, прежде чем согласился на брак. Избранная для Михаила Федоровича супруга из знатнейшего рода Долгоруковых угрожала балансу сил при дворе. Удивительно ли, что тщательно отобранныя невеста не прожила и года, если ненависть к ее счастливым родичам, по свидетельству документов,

проявилась со стороны обойденной знати уже у постели новобрачных?!¹

Лишь третья избранница Михаила, Евдокия Лукьяновна Стрешнева, стала матерью его детей. Царь женился на ней только через тринадцать лет после своего восхождения на престол. Наученный горьким опытом, он установил при дворе чрезвычайные меры охраны царицы (которые в полной мере воспринял затем Алексей Михайлович). Один взгляд на царицу человека, не принадлежавшего к узкому кругу допущенных к ней лиц, грозил тяжелой опалой представителю любого рода, независимо от знатности и заслуг.

Морозов и Вонифатьев не желали рисковать, но они прекрасно знали систему предохранительных мер и нашли в ней лазейку. Даже хорошо осведомленные лица не поняли, что произошло 14 февраля 1647 г. во дворце. Максимум, что могли предположить — будто Евфимию Федоровну Всеволожскую «упоили отравами». Только известный ученый Самуил Коллинс, доктор медицины и царский врач, поведал потомкам, как все обстояло в действительности².

Наряжая невесту в царский наряд, прислуживавшие ей женщины елико возможно крепче стянули волосы прически, а затем крепко затянули сверху драгоценный венец (головную повязку царевен). Едва сделав несколько шагов к царю, Евфимия Федоровна упала в обморок. Морозову оставалось (разумеется, через других) объявить, что у невесты падучая болезнь и «к государевой радости она не прочна». Семья,

¹ ДР. Т. I. – СПб., 1852. Стлб. 634, 1221.

² См.: Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / П.В. Киреевский // ЧОИДР. 1846. № 1. Отд. З. С. 1–47.

представившая царю порченую девицу, была обвинена в государственной измене и сослана в Сибирь¹.

Морозов справедливо полагал, что царь постараётся облегчить участь полюбившейся ему девушки. И действительно, 17 июля 1653 г. Алексей Михайлович повелел перевести всю семью Евфимии Федоровны из Тюмени в их поместье в Касимовском уезде². Там развенчанная царская невеста жила еще в 1660 г., сохраняя, как говорили, необыкновенную красоту и отказывая всем знатным женихам. Она была совершенно здорова. Это могло навести царя на размышления. Но все было предусмотрено заранее.

Как только Всеволожские отбыли в Сибирь, в Москве началось энергичное расследование. 10 апреля 1647 г. виновник был найден. Им оказался... крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова Мишка Иванов. Он якобы напустил порчу на царскую невесту. Таким образом, девушка могла оказаться и здоровой, но те, кто объявил у нее падучую болезнь, оказывались невиновными. Иванова «велели держать под крепким началом с великим береженном» в отдаленном и дружественном Морозову Кирило-Белозерском монастыре.

Не поздоровилось и придворным противникам Морозова. По крайней мере, один из них поплатился ссылкой в Вологду. Дядя Алексея Михайловича по матери, кравчий (виночерпий) Семен Лукьянович Стрешнев был обвинен в колдовстве. Концы были спрятаны в воду. Позаботился Морозов и о личном алиби. Он не выступал прямо против царской невесты. Старый дядька выразил сочувствие воспитаннику, пострадавшему «от ненависти и зависти» высокородных людей.

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 156.

² СГГИД. – М., 1822. Т. 3. № 155.

Много дней Алексей Михайлович от горя не мог принимать пищу. Морозов старался его развлечь опасными играми. 15 февраля «ходил государь на медведя» с рогатиной, 21 февраля опять была облава на медведя-шатуна. На следующий день, в понедельник на Масленице государь тешился дикими медведями в столице, на своей псарне¹. Однако прошел целый год, прежде чем Алексей Михайлович пришел в себя достаточно, чтобы обращать внимание на девиц.

Тут-то и увидал он в Успенском соборе заранее подобранных Морозовым девушек из фамилии облагодетельствованных временщиком Милославских. Царский дядька, конечно, знал, кто может понравиться воспитаннику, и не ошибся. По другой версии, дело обстояло еще проще. Избрав кандидатку в царицы, Морозов стал расхваливать царю красоту дочерей Милославского, а затем обратился к помощи государевых сестер.

Царевны давно хотели, чтобы их царственный брат обзавелся семьей и тем самым избежал искушений. Им было особенно приятно оказать услугу будущей царице и заручиться ее расположением. Девицы Милославские были приглашены во дворец и в покоях царевен как бы случайно представлены Алексею Михайловичу. Он влюбился в младшую, Марию. Посаженным отцом на свадьбе был Борис Иванович Морозов. А 27 января 1647 г., через 11 дней после царского брака, старый боярин объявил государю, что женился на младшей сестре царицы, Анне². (В первый раз Б.И. Морозов женился на тридцать лет ранее, 5 июля 1617 г.)

¹ ДР. Т. III. Стлб. 56.

² Запись о богатом пожаловании Б.М. Морозову за традиционный приезд к государю «на завтрея своей свадьбы» опубл. среди подобных: *Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц. Приложения. № 2. С. 8–9.*

Операция по укреплению положения Морозова при дворе прошла блестяще. Борис Иванович стал не только приближенным, но и свойственником Алексея Михайловича. Правда, пришлось поделиться влиянием с Милославскими, но они пока не вызывали опасений как соперники. Власть Морозова и его прихлебателей была подорвана не просчетами в придворных интригах, а мощными народными восстаниями, потрясшими в 1648 г. столицу и многие другие города Российского государства. Временщику пришлось бежать от народного гнева в Кирило-Белозерский монастырь¹; при Алексее Михайловиче выдвинулись новые государственные деятели...

Как бы то ни было, между царем и царицей установилась искренняя и нежная симпатия, а Морозов, надо полагать, не раз проклял свою хитроумную женитьбу. Всезнающий доктор Коллинс, пользовавший своим искусством верхушку Государева двора, не без иронии вспоминал, что, женившись на Анне Ильиничне, Морозов «думал, что таким образом прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец (как и его брат, Глеб, женившись на Соковниной), а она здоровая молодая смуглянка; и вместо детей у них родилась ревность,

¹ О боярине Б.И. Морозове, его богатстве и роли в политической истории см.: *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // «Вестник Европы», 1871. Т. 1; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. – М.-Л., 1929; *Смирнов П.* Правительство Б.И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. – Ташкент, 1929; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. – Л., 1933. Ч. 1–2; Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. – М., 1940–1945. Т. 1–2; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. – Л., 1967; *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 39, 78–79, 85–88, 124–134 etc.; *Белоброва О.А.* Морозов Борис (Илья) Иванович // Словарь книжности и книжников Древней Руси (далее – СККДР). – СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 362–363; и др.

которая произвела кожаную плеть в палец толщины. Это в России случается часто между вельможными супругами, когда их любовь безрассудна или водка слишком шумит в голове» (ЧОИДР, 1846. № 1). Дело усугублялось тем, что старый ревнивец, выставивший себя на посмешище в высокопоставленном женском обществе тем, что мог предложить молодой супруге только толстую плеть, бессилен был запретить Анне встречаться с ее сестрой-царицей и лично жаловаться государю на превратности их брака. Уважаемый дядька царя превращался в шута.

А тщательно охраняемая от контактов с внешним миром Мария Ильинична создала дом, в котором государь мог укрыться от забот и треволнений. Любящие супруги произвели на свет чертову дюжину детей. Так же, как у царя Михаила и царицы Евдокии Лукьяновны, у них рождались в основном дочери, причем завидного здоровья: Евдокия (1650–1702), Марфа (1652–1707), София (1657–1704), Екатерина (1658–1718), Мария (1660–1723), Феодосия (1662–1713). Не прожила долго Анна (1655–1659), умершая при родах Евдокия (1669) – последний ребенок царицы, скончавшейся вскоре после дочери.. Менее жизнеспособными были сыновья. Двою – Дмитрий и Симеон – умерли во младенчестве (1649–1651, 1665–1669)¹.

СТАРШИЙ БРАТ

Надеждой Алексея Михайловича был царевич Алексей, родившийся в 1654 г.² Сам не слишком перегруженный

¹ Подробно: *Пчелов Е.В. Монархи России. – М., 2003. С. 402–411.*

² Царь Федор Алексеевич чтил старшего брата, наряду с отцом, до конца жизни. Ежегодно он служил панихиды по Алексею Алексеевичу 16 января и Алексею Михайловичу 28 января «у себя, великого государя, в Верху», как всегда делал, скрывая свою скорбь. А бояре и народ при-

«свободными мудростями», царь желал дать сыну серьезное образование. Воспитание царевича было поручено ученому царедворцу Алексею Тимофеевичу Лихачеву, которого даже политические неприятели считали «человеком доброй совести»¹. Учителем Алексея Алексеевича стал выдающийся просветитель, философ и поэт Симеон Полоцкий.

Некоторое представление о круге приобретенных царевичем знаний дает его библиотека, насчитывающая около двухсот книг (к услугам Алексея Алексеевича была также вся царская библиотека и богатое книжное собрание его учителя). Воспитатель и учитель пользовались наиболее передовой педагогической теорией «учителя народов» Яна Амоса Коменского. Они считали, что формы обучения должны соответствовать этапам развития детской психики. Начинали с образного обучения по книгам, в которых изображение сочеталось с текстом².

«Мир чувственных вещей в картинках» и другие пособия Коменского по содержанию не очень подходили для русских условий. Царевичу Алексею были предложены специально созданные «лицевые» книги, в том числе целая живописная энциклопедия³. Впоследствии перешли к более сложным

ходили на панихиды в Архангельский собор. ДР. Т. IV. – СПб., 1855. Стлб. 138 и др.

¹ См.: Корсаков В. Лихачев Алексей Тимофеевич // Русский биографический словарь. – СПб., 1914. Латзика–Ляшенко. С. 482–483; Понырко Н.В. Лихачев Алексей Тимофеевич // СККДР. Вып. З. Ч. 2. С. 298–299.

² См.: Богданов А.П. Учеба царских детей XVII в. и издания государственных типографий // Федоровские чтения. 2003. – М., 2003. С. 224–256. Подробнее о развитии образования в царском дворце см.: *его же. Стихи и образ изменяющейся России: Последняя четверть XVII века.* – М., 2004. Ч. 2. Гл. 1. Материнская школа для царских детей. Гл. 2. Новая педагогика при московском Дворе. Ч. 3. Гл. 2. Поэтический триптих для Материнской школы.

³ Первоначально в 1663–1664 гг. лицевые книги заказывались живописцам для двухлетнего царевича Федора и «меньших царевен»:

формам подачи материала, вплоть до ученой литературы и справочников, продолжая широко применять наглядные пособия.

В покоях царевича Алексея были развешены пятьдесят гравированных картин на разные познавательные сюжеты, четырнадцать листов географических карт, стояли два глобуса. Ученик имел иллюстрированные Библию, русскую летопись, учебник военного дела. Он старательно изучал — устно и письменно — славянские, латинский и греческий языки, располагая соответствующими грамматиками и лексиконами (словарями). Святоотеческую традицию, начатки философии, историю монархий, арифметику и геометрию царевич осваивал в основном на русском языке, хотя большую часть его библиотеки составляли иноязычные книги.

Судя по книгам, помимо математического цикла, грамматики, поэтики и риторики, Алексей Алексеевич приобрел немалые познания в географии и природоведении, истории,

Феодосии двух лет, Марии четырех, Екатерины шести и Софии семи лет. Однако опыт так понравился государю и государыне, что 8 декабря 1664 г. художникам велено было создать «потешную книгу, чтоб перед прежнею была болши вдвое, и писать на ней иным образом, иных прибылья статьи». Сохранившиеся наброски тематики рисунков говорят о том, что *Большая потешная книга* была настоящей живописной энциклопедией. В книге раскрывалось современное военное дело, второй большой темой служил быт города с работой и развлечениями, в т.ч. охотой, от нее совершился переход к птицам и зверям средней полосы России, юга и севера. Затем ребенок видел корабли и труды человека на море, морскую войну, серию этнографических картинок жизни и внешнего вида людей разных народов (от немцев до арапов). Наконец — сцены из русского быта, вплоть до разных видов мельниц, изготовления хлеба и раздачи его нищим. Завершающей темой были дети: на картинках они учатся грамоте и мастерству, едят, гуляют в саду, путешествуют на корабле, в рыдване и телеге, на конях и т. п. В дальнейшем этот опыт был продолжен. См.: Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. II. – М., 1915. С. 89, 101, 136, 167, 171–172, 174–179, 228–229, 617–618; Богданов А.П. Стих и образ. С. 326–329.

сравнительном народоведении, юриспруденции, получил представление о метафизике и богословии. Безусловно, он упражнялся в поэзии и музыке. В 13 лет подготовительное образование царевича было закончено¹.

7 сентября 1667 г. гордый успехами сына государь все-народно и торжественно объявил Алексея Алексеевича наследником Российского престола. «Учитель старец Симеон» был посажен за особый стол вблизи трона, «выше» многих бояр, и говорил на пиру стихотворную речь, за которую получил в награду шубу зеленого атласа на соболях².

Вместе с наследником Алексей Михайлович принимал зимой того же года великих и полномочных послов Речи Посполитой, приехавших для ратификации долгожданного мирного договора³. После долгой и жестокой войны москвичам трудно было ожидать симпатий со стороны поляков. Тем не менее царевич Алексей заслужил от них самые лестные отзывы. Особенно поразились послы просвещенности царевича в области «ученой словесности», ценимой потомками сарматов (каковыми считала себя шляхта). В рассказе, адресованном небезызвестному герцогу Козьме Медичи, знакомый с его семьей польский автор утверждал, что Алексей Алексеевич владеет латинской риторикой не хуже сына самого герцога.

Мы тоже (редкий случай!) можем оценить красноречив царевича, который начал речь по-польски, после чего, перейдя на латынь, сказал:

¹ Материалы о воспитании и образовании царевича Алексея Алексеевича см.: Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 80, 185–187, 508, 515, 552, 556, 563, 577, 586–590, 593, 596–599, 617, 682, 683, 727; Ч. I. – М., 1895. С. 219–223, 641, 643–644, 671–672, 696.

² Там же. Ч. II. С. 186–187.

³ Их прием в Москве документирован: РГАДА. Ф. 72. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 115–116.

«Сколь великая слава, о послы, предстояла бы всем славянским народам, и какие бы великие предприятия увенчались успехом через соединение сих племен и через употребление единого наречия, распространенного в лучшей части Вселенной — вам самим о том известно. Ведомо мне, что между таковыми соседними меж собою народами, хотя связанными священными и гражданскими узами, существует злойшая вражда, как недавно еще существовала между вами и нами.

И поистине,— воскликнул царевич,— душескорбное представляется нам зрелище! Повсюду возникают раздоры от честолюбивых происков; верность ничем не охраняется; спокойство соседних стран не обеспечено; нигде не пекутся о народном благе, и даже дружба и терпимость между родными братьями сделались необыкновенным явлением!

Но ныне,— обнадежил оратор,— через возвращение благодати примирения нашим и вашим народам, ныне совершилось событие, клонящееся к соединению нас обоюдными братскими узами, так что должны мы возрадоваться и поздравить друг друга.

Не допускаю мысли, чтобы в излиянии искренних чувств почтения и преданности особе его светлейшего царского величества, государя и родителя моего,— заметил Алексей Алексеевич,— вы отставали бы от нас самих, от вельмож и от всех верноподданных его, сердца коих принадлежат ему всецело.

Вам же,— заявил царевич, имея в виду ратификацию мирного договора,— предстоит хранить сие событие в благодарной памяти вашей, и от вас будет отныне зависеть созидание общего нам Отечества. Что же касается нас, москвичей, вы всегда найдете нас таковыми, как ныне, и как надлежит нам быть не только по значению законности союза, но для общих нам выгод — не теряя из виду обоюдно нам грозящей

опасности от варваров-татар, требующей неразрывного со-
гласия, единомыслия и единодействия.

Собственно же о себе скажу, что если желания и стара-
ния мои будут с Божиею помощью приняты благосклонно
народом вашим — никогда не дам вам повода раскаиваться
в доброжелательстве вашем ко мне»¹.

Так Алексей Алексеевич завершил речь, имея в виду
заманчивую идею объединения крупнейших славянских
государств путем избрания наследника московского пре-
стола на польский королевский трон. Однако судьба была
против такого объединения, хоте переговоры о нем шли и в
XVI, и в XVII вв. В январе 1670 г. царевич и великий князь
Алексей Алексеевич скончался².

СЕМЬЯ

Горе Алексея Михайловича и Марии Ильиничны было
велико, но у них оставались и другие сыновья: девятилетний
Федор и четырехлетний Иоанн, воспитывавшиеся и учив-
шиеся так же, как Алексей. Для них также изготавлялись
детские книжки, состоявшие сперва почти из одних карти-
нок, а затем наполнявшиеся все более и более значительны-
ми текстами. Славянской грамоте, Часовнику, Псалтири и
церковной музыке Федор Алексеевич учился у Афанасия
Федосеева. Затем он (а позже и Иоанн) изучали языки и
«свободные мудrosti» у Симеона Полоцкого. По отдельным

¹ Цит. по: *Лубиенец Е. де. Исторический рассказ о торжественном въезде... посланных... польским королем... к светлейшему Алексею Михайловичу московскому... чрезвычайных послов... / Бутурлин М.Д. // Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. – М., 1871. Ч. 2. С. 388–431.*

² ДР. Т. III. Стлб. 849.

документам можно судить, что на образование Федора Алексеевича государь тратил много больше, чем платил некогда учителям старшего сына. В обширной библиотеке Федора было значительно больше книг по русской и мировой истории, политическим обычаям, юриспруденции (светской и церковной), политической и экономической географии, военному делу. Он собирал специальную нотную библиотеку. Большой раздел составляла церковно-полемическая литература, особенно связанная с расколом. Собирал царевич описания церковной архитектуры и убранства, увлекался беллетристикой и поэзией.

Помимо русского, младшие сыновья Алексея Михайловича от Марии Ильиничны свободно владели церковнославянским, польским, латинским и греческим языками. Неслучайно ученые литераторы Киевских коллегий и не менее ученый архиепископ Лазарь Баранович посвящали Федору и Иоанну особые книжицы для узкого круга читателей, написанные с изысканными переходами с языка на язык.

Правда, Иоанн был слишком мал, чтобы составить компанию царевичу Федору. Зато вместе с ним училась у Симеона Полоцкого старшая сестра Федора царевна Софья — возможно, не в полном объеме программы, но с интересом и несомненным успехом. По крайней мере, во второй половине 1670-х гг. учитель настолько интересовался ее мнением о своих сочинениях, что давал читать черновики (случай исключительный в общении с царской семьей!).

Царская семья сторонилась общения с посторонними. Не только царевны и царевичи — даже царица не появлялась на пирах и других людных увеселениях. Лишь единожды, в особо торжественном случае выступления российской армии на Речь Посполитую в 1654 г., Мария Ильинична открыто стояла в Успенском соборе во главе боярских «и про-

ших честных жен». Но члены семьи Алексея Михайловича не чувствовали себя стесненными.

Всякое интересное зрелище было им доступно, начиная с приема послов и кончая народными гуляниями, ибо всюду были устроены места, откуда удобно было смотреть, оставаясь не на виду у людей. Несколько месяцев в году семья проводила вне столицы, отдыхая и путешествуя по дворцовым селам и монастырям. Останавливались не только в путевых дворцах, заезжали в усадьбы и «дачи» приближенных. Даже в зимнее время царская семья нередко совершала выезды по столице и за ее пределы.

Об удобстве царской семьи заботилась заправлявшая на женской половине дворца властная старая боярыня Анна Петровна Хитрово и всесильный дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово. В играх и развлечениях царевен и царевичей принимали участие старшие родственники — бояре Иван Михайлович и Иван Богданович Милославские. В отличие от Хитрово они не стремились прибрать к рукам побольше административных должностей, удовлетворяясь тем влиянием, которое давало постоянное участие в жизни царской семьи. Однако мир и согласие во дворце не могли длиться вечно.

КАК ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК ВЫИГРАЛ ЦАРСКУЮ НЕВЕСТУ

Едва восемь месяцев минуло после кончины царицы Марии Ильиничны, как государь объявил о намерении сочетаться вторым браком. Алексей Михайлович подошел к этому делу со всей основательностью. С ноября 1669 по май 1670 г. продолжался смотр царских невест. Одн раз в несколько дней государю представляли девушек, тщательно отобранных верховыми боярынями и врачами. Познакомив-

вшись с тремя-пятью кандидатками, Алексей Михайлович одних отпускал по домам, другим приказывал оставаться в Москве для вторичного смотра.

Напряжение в придворных кругах нарастало. Среди девушек были и представительницы знатнейших фамилий, и красавицы незнатных родов, но все они имели покровителей, надеявшихся завоевать влияние в царском доме¹. Чем меньше оставалось невест, тем упорнее шла невидимая, но ожесточенная борьба. 18 апреля царь привгласил девушек на второй смотр и только поздно вечером, с наступлением темноты, отпустил их по домам. Той же ночью или на другой день во дворец была вызвана Овдотья Беляева, племянница незнатного дворянина Ивана Шихарева.

Овдотья Ивановна с несколькими другими девушками осталась в Верху несмотря на то, что не слишком понравилась всесильному дворецкому Богдану Матвеевичу Хитрово, который заявил, что-де у нее руки худы. Поговаривали, что Овдотья привлекает царя больше Наталии Кирилловны Нарышкиной, взятой в Верх ранее, что Наталию скоро с Верху свезут...

За спиной Нарышкиной стоял скромный, сдержанный человек в мундире полковника московских стрельцов — Артамон Сергеевич Матвеев. Мало кто знал о размерах его истинного влияния на царя, и никому не ведомы были причины этого влияния. Артамон Сергеевич был всего на четыре года старше царя Алексея Михайловича и с 13-ти лет воспитывался во дворце. В 16 лет худородный дьячий сын

¹ Ср.: *Пекарский П.* Список девиц, из которых в 1670 и 1671 гг. выбирал себе жену царь Алексей Михайлович // Известия императорского Археологического общества. – СПб., 1865. Вып. 6. Стлб. 467–472. Список цитирует и *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц... – М., 2001. С. 252–253.

Артамон получил чин стряпчего — совсем незаметный на фоне окружавших царя юных стольников знатных фамилий, имевших право пожалования сразу в бояре. В 17 лет Матвеев стал командиром стрелецкого полка и ведал ближней охраной государя¹.

Даже теперь, когда ученые располагают всеми архивными материалами, трудно проследить деятельность Матвеева, выполнившего личные приказы царя Алексея Михайловича. Однако известные факты весьма любопытны. В 1662 г. во время знаменитого Медного бунта в Москве, когда власти и сам самодержец растерялись под напором народного гнева, Артамон Сергеевич с незначительными силами верных стрельцов устроил москвичам кровавую баню. За разгром восстания он получил чин думного дворянина.

Не раздражая знать высоким чином и не расставшись с полковничьей формой, Матвеев в 1667 г. выполнил секретную миссию при прибывших в Россию восточных патриархах, которые по воле Алексея Михайловича должны были лишить патриаршего сана Никона и осудить староверов. В ходе Большого церковного собора Артамон Сергеевич позаботился, чтобы русские архиереи не воспрепятствовали иноземным низвести сан русского патриарха до царева слуги. Матвеев не остановился перед тем, чтобы арестовать парочку митрополитов и запугать остальных иерархов казнью. Русская православная церковь, разбуженная бунтом

¹ О нем см.: Малиновский А.Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховской Артемон Сергеевич Матвеев // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. – М., 1837. Ч. 7. С. 57–67; Щепотьев Л. Близкий боярин А.С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. Опыт исторической монографии. – СПб., 1906; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Г. Писаревский. ЧОИДР, 1900. Кн. 2. Отд. 5. С. 7–21; и др.

Никона, была вновь поставлена на колени перед царской властью¹.

Беспредельно преданный Алексею Михайловичу, глубоко и всесторонне образованный (но не выказывавший своей образованности при дворе), умный и мужественный полковник имел далеко идущие планы. Пример был у него перед глазами — мелкий псковский дворянин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин стал думным боярином, главой Посольского приказа и канцлером — «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем», фактическим руководителем внешней политики России².

Матвееву нетрудно было догадаться, что такой смелый политик и реформатор, оскорблявший знать пренебрежением и вызывавший лютую зависть нижестоящих, не продержится долго. То ли дело он, Матвеев, все делающий с умом истинного царедворца. Даже его женитьба на шотландке Гамильтон и иноземные обычаи, принятые у него в доме, не вызвали осуждения, хотя на кого другого давно бы уже поступили доносы во множестве!

¹ См.: Богданов А.П. Русские патриархи (1589–1700). – М., 1999. Т. 1. Никон; он же. Никон // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. – М., 1991 (библиогр. на с. 519–521); и др.

² О нем см.: Соловьев С.М. А.Л. Ордин-Нащокин // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 70; Иконников В.С. Ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883. Т. 40. Октябрь. С. 18–66; Ноябрь. С. 273–308; Ключевский В.О. А.Л. Ордин-Нащокин — московский государственный человек XVII в. // Научное слово. 1904. Вып. 3; Фейгина С.А. Первый русский канцлер А.Л. Ордин-Нащокин // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 35–46; Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина // Труды Воронежского гос. Университета. 1950. Т. 20. С. 3–57; Галактионов И.В., Чистякова Е.В. А.Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII в. – М., 1961.

Племянницу своей жены Артамон Сергеевич выдал замуж за приятеля — рейтарского командира Федора Полуэктовича Нарышкина, а дочь его брата Кирилла, тоже служившего в рейтарском строю, взял себе на воспитание. Красавица Наталья Кирилловна много выиграла по сравнению с девицами, росшими взаперти в традициях Домостроя. В интеллигентном доме Матвеева она научилась свободно держаться в обществе, танцевать, разбираться в музыке, поддерживать беседу. Она не могла не понравиться царю, несколько прискучившему многолетней патриархальной семейной жизнью¹. И тут вмешивается Овдотья Беляева!

Почти все дела Матвеева окутаны неопределенностью и не имеют однозначного объяснения. Ясен лишь результат. Характерным является, пожалуй, остро-рискованный характер игры, пружины и участники которой остаются в тени. Оставляя предположения и домыслы авторам приключенческих романов, обратимся к фактам, ничего не прибавляя и не убавляя.

22 апреля 1670 г. во дворце были найдены два запечатанных сургучом подметных письма на имя государя. Оба были прилеплены в местах, доступных всем чиновникам Государева двора: в сенях Грановитой палаты и у сennых дверей Шатерной палаты,— то есть вблизи Постельного крыльца, на котором регулярно собирались придворные выслушать последние распоряжения и принять поручения.

¹ Слух о том, как А.С. Матвеев представил Наталью Кирилловну Нарышкину царю, передает польский резидент в Москве Павел Свидерский: Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли... / М.П. Погодин, пер. с лат. Лавдовского // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1835. Ч. 5. № 1. С. 70–71. О его миссии в Москве в 1673–1677 гг. см.: РГАДА, ф. 72, кн. 158.

Письма были немедленно вручены дворецкому Богдану Матвеевичу Хитрово, который, не вскрывая, передал их Алексею Михайловичу. Государь прочел — и был потрясен: «такого воровства и при прежних государях не бывало, чтобы такие воровские письма подметывать в их государских хоромах!» В письмах были непристойности, затрагивающие честь государевых невест и особенно метившие в Нарышкину.

«Кому выгодно?» — спросили себя государь и его советники. Разумеется, не мелким дворянам Нарышкиным и не их покровителю Артамону Сергеевичу. Ясно, что и его хотели запятнать, подписав письма: «Артемошка»! Алексею Михайловичу легко было дать себе отчет, кто был опаснейшей соперницей Наталии Нарышкиной. — Конечно же, Овдотья Беляева.

Дядя ее был немедленно схвачен и допрошен. На дворе его нашли какие-то травы — не для зелья ли? В розыске оказалось, что Иван Жихарев хлопотал за племянницу перед врачами, хвастался, что она больше понравилась государю, говорил, что Нарышкина ей не соперница. Под пытками Шихарев пытался объяснить, что траву зверобой он потреблял для излечения от ранения, но его дело было проиграно. Овдотья Беляева должна была покинуть дворец...

Царь долго не мог успокоиться, что кто-то пытался помешать ему в выборе невесты. 24 апреля отдельные строки из подметных писем показывали дьякам и подьячим всех приказов для определения их писца по почерку. Кроме того, каждый должен был сам написать под диктовку эти строки — но руки писца не сыскалось. Тогда 26 числа письма были объявлены на Постельном крыльце всем придворным; обещали великую награду тому, кто определит автора.

«А буде про того вора не поведаете и государю не известите,— объявлялось дворянам,— и от него, великого госу-

даря, за это вам быть в великой опале и в самом конечном разорении без всякого милосердия и пощады!» Эта нелепая угроза взволновала дворян. «Лучше б они девиц своих в воду пересажали,— заметил Петр Кокорев,— чем их в Верх к смотру привозили!»

Автора подметных писем не нашли, зато о неосторожных словах доложили. «А непристойных слов таких, как Петр Кокорев говорил, не говорить!» — приказал объявить разгневанный царь в дополнение к своему указу. Но «непристойные слова», по-видимому, образумили самодержца. Он вовсе не хотел, чтобы его брак сопровождался обидой всему дворянству. Розыски были прекращены, женитьба отложена на несколько месяцев — до успокоения в умах.

О случившемся забыли быстро — хватало забот с бунтом, охватившим многие уезды страны. А ведь Артамон Сергеевич Матвеев еще в 1669 г. предупреждал царя об опасности Степана Разина и его казаков, писал, что если к этой ватаге присоединятся горожане, крестьяне и народы Поволжья — Россию охватит пожар, который нелегко будет потушить. Предложенные Матвеевым меры не были вовремя приняты — и вот уже «верхи» трепетали в ужасе перед крестьянской войной.

МАЧЕХА И НОВЫЙ КАНЦЛЕР

22 января 1671 г. Алексей Михайлович без большого шума сочетался браком с единственной оставшейся после скандала во дворце невестой — Наталией Кирилловной Нарышкиной¹. Второй брак не принято было пышно отмечать.

¹ О явно неформальном «смотре» невест в доме Матвеева, где как рядовая и уже «смотреная» (по И. Е. Забелину) невеста девятый месяц после скандала жила Наталия Кирилловна, и последовавшем через

Да праздновать победу было и не в духе Матвеева. Он охотно уступал место на виду другим. Худородные родственники царицы, полностью покорившей своего немолодого супруга, жадно выпрашивали себе чины и пожалования. В конце концов восемь Нарышкиных стали боярами, один — окольничим, десять — комнатными стольниками: больше, чем в знатнейшем роду! Они прямо-таки заполонили собой Двор¹.

Между тем Матвеев оставался в прежнем чине, держался скромно. Он стремился к власти, а не к почестям. Уже в марте 1671 г. Ордин-Нащокин был лишен канцлерского достоинства, а в феврале «серый кардинал» фактически возглавил Посольский приказ. Еще раньше Матвеев оттягал у него Малороссийский приказ, ведавший всеми делами Украины. В декабре официальным главой Посольского приказа и канцлером Российского государства стал Артамон Сергеевич, постаравшийся отправить Нащокина подальше в монастырь².

Новый правитель позаботился о том, чтобы незамедлительно расплатиться с государем за оказанное ему доверие. Он блестяще провел операцию по захвату Степана Разина руками казаков-предателей (это был один из излюбленных приемов канцлера). Если Ордин-Нащокин стремился к

«несколько недель» внезапном браке ее с государем весьма романтично рассказал живший в Москве в 1670–1673 гг. курляндец: *Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя. 1680 / Станкевич А.И. – М., 1905* (также ЧОИДР, 1905. Кн. 3; 1906. Кн. 3).

¹ Рассчитано по: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Боярские книги. БК 6–7.

² См. жалобу Нащокина: *Копреева Т.Н. «Ведомство желательным людем»: (Из автобиографических материалов А.Л. Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. С. 343–349. Ср.: Эйнгорн В.О. Отставка А.Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. 1897. Ч. 314. № 6. С. 92–176.*

прочному союзу с Польшей для защиты от Турции и Швеции и даже готов был вернуть Речи Посполитой Киев, то Артамон Сергеевич пренебрегал осторожностью, поставив своей задачей захват всей Украины.

Это весьма импонировало царю Алексею Михайловичу, тем более что колоссальная энергия и способности Матвеева делали невозможное. По условиям Андрусовского перемирия Россия давно должна была вернуть Киев Речи Посполитой. Но Матвеев добился, чтобы польский король и Рада отложили временно это требование и вступили в войну с Турцией и Крымом. Он раскрыл заговор гетмана подвластной России Левобережной Украины Многогрешного, стремившегося к союзу с Турцией. Многогрешный был схвачен казацкой старшиной и выдан московскому правительству. Новым гетманом был избран единомышленник Матвеева Иван Самойлович, причем гетманская власть была урезана, что ставило его в большую зависимость от Москвы¹.

К осени 1672 г. Речь Посполитая была уже разгромлена войсками султана Магомета IV и его вассала гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко. По Бучачскому мирному договору король и Рада отказались от большей части Правобережья, нарушив договоры с Россией. В этой опасной ситуации Матвеев торжествовал, развязав себе руки для наступления на Правобережную Украину, находившуюся теперь под властью «агарян». Более того, канцлер заставил Речь Посполитую вновь вступить в войну и пресекал все ее попытки оставить Россию один на один с грозными силами Турции и Крыма!

В 1673–1676 гг. русско-украинские войска вели тяжелые бои на огромном пространстве от Азова до Правобережной

¹ Подробно: Костомаров Н.И. Руина. Гетманства Брюховецкого, Многогрешного, Самойловича. – СПб., 1905 (Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. XV).

Украины¹. Армии великих визирей и самого султана, казаки гетмана Дорошенко и крымская орда упорно рвались к владениям России. Но могучая воля Матвеева мобилизовала все силы государства. Турки были остановлены на Правобережье, подвергшемся страшному разгрому. Канцлер не заботился о защите украинских городов, перешедших на сторону России. Русские войска вели маневренную войну, не подставляя себя под удар бесчисленных турецких полчищ. Однако они все более теснили неповоротливого противника, приближаясь к столице Правобережья — Чигирину.

На другой стороне театра военных действий регулярные русские полки и казаки неоднократно громили Азов и иные крепости на Дону. На Воронежских верфях было построено до тридцати боевых кораблей, которые под командой отважного Григория Ивановича Косагова вышли в море «для промыслу над турецкими и крымскими берегами». Одновременно запорожцы атамана Ивана Серко атаковали неприятеля на суше и на воде со стороны Днепра. В центре фронта драгуны и казаки перерезали степные шляхи и совершили рейды до самого Перекопа².

¹ О военно-политических событиях 1672–1681 гг., источниках, историографии и спорных вопросах войны см. мои работы: Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61–71; Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Там же. 1998. № 1. С. 38–45; «Чигирин был оставлен, но не покорён»: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в // Историческое обозрение. Вып. 4. – М., 2003. С. 20–44 (то же: Воин. Военно-исторический журнал. Самара. 2005. № 18. С. 28–41).

² Богданов А.П. Пираты и рейдеры. Проложные страницы Российского флота // Россия морей. – М., 1997. С. 513–521; Максимов П.Н. Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1677–1676) // Славянский сборник. Вып. 5. – Саратов, 1993. С. 77–89. Ср.: Фаизов С.Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Там же. С. 98–115.

Силы Османской империи были огромны, ее денежные и людские ресурсы превосходили ресурсы России, которая ежедневно могла остаться без союзника, а в случае перехода Речи Посполитой на сторону противников — в окружении врагов. Энергичная дипломатия Матвеева в Западной Европе позволила заключить договор о взаимопомощи с Германской империей — но та сама была втянута в европейскую войну и отнюдь не спешила на помощь России. Переговоры с Бухарой, Хивой, Самаркандом, Ургенчем, Персией, Индией и Китаем укрепляли русскую торговлю и косвенно помогали боевым действиям, напряжение которых нарастало год от года.

Складывается впечатление, что Матвеев намеренно обострял события, держать которые под контролем мог только он сам. Впрочем, канцлер успевал заниматься не только дипломатией и политикой. Под его руководством в Посольском приказе создается много замечательных книг — оригинальных и переводных, разрабатывается и исторически обосновывается идеология абсолютной монархии. Канцлер отдает должное распространению при дворе наук и искусств¹.

С одной стороны, Матвеев заставляет иностранных дипломатов обнажать голову в присутствии российского самодержца и называть его «величеством», с другой — последовательно и целеустремленно ломает сложившийся быт, вводя иноземные обычаи. Он старается отдалить Алексея Михайловича от старой семьи, привязать его к молодой царице Наталии Кирилловне. Она занимает центральное здание дворцового комплекса, непосредственно соединенное

¹ Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. – М., 1963. Т. 8. С. 179–244.

переходами с жильем Алексея Михайловича, и как бы отгораживает царя от сестер и детей прежней царицы. Правда, здесь же во дворце обитают бояре Милославские — но они не управляют никакими приказами. По приказам Матвеев предпочитает рассаживать своих людей, считаясь, правда, с интересами знатнейших фамилий¹.

Тем временем Артамон Сергеевич заводит у себя в доме «комедийную группу» и соблазняет царицу Наталию Кирилловну завести придворный театр. Возможно, царю Алексею Михайловичу и не нравилось новшество, но в мае 1672 г. он не может отказать царице, подарившей ему сына Петра². 47-летний Артамон Матвеев получает чин окольничего и царский указ о строительстве театра в бывших палатах Милославских³.

Выезды царя со всей семьей, как раньше, становятся невозможны — ведь молодая царица появляется на людях с открытым лицом, чего никто из семьи себе не позволяет! Ослепленный Наталией Кирилловной царь устраивает для нее концерты и даже танцы. Та благодарит его детьми — царевнами Наталией (1673) и Феодорой (1674). С падением

¹ Изменения в руководстве приказов отражены: *Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века.* – М.–Л., 1946.

² О рождении Петра 30 мая 1672 г., грандиозном празднике в царском дворце и пожалованиях по этому поводу см.: Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. – СПб., 1854. Стлб. 463–484.

³ См.: *Кудрявцев И.М.* Артаксеркovo действие: Первая пьеса русского театра XVII в. – М.–Л., 1957; и др. В литературе бытует предположение, что поставленная в театре история Эсфири, вышедшей за могущественного царя Артаксеркса, ассоциировалась с замужеством Наталии Кирилловны Нарышкиной. По крайней мере, царь Федор Алексеевич театр не любил, новых постановок не желал, а 15 декабря 1676 г. повелел очистить палаты под Аптекарским приказом, занятые комедией, и вывезти все на двор боярина Никиты Ивановича Романова (*Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников.* – СПб., 1871. Приложения).

влияния сестер и старших детей оказывается не у дел множество издавна связанного с ними придворного и служилого народа. Матвееву более не нужно прятать свою власть — он получает чин боярина, затем комнатного боярина.

Наконец, распоряжения московского правительства приобретают новую, невиданную форму: «По указу великого государя и по приказу боярина Артемона Сергеевича Матвеева». Влияние и авторитет канцлера в государственных делах становятся безграничными. К нему сходятся все нити управления Россией.

А Наталия Кирилловна Нарышкина столь же безраздельно властвует во дворце. Даже богомольцев, которых любил царь Алексей Михайлович, она поселила в нижнем этаже своих палат, чтобы и здесь держать мужа в поле зрения. Зная, что Алексей Михайлович приглашает на посольские приемы царевича Федора Алексеевича, Наталия Кирилловна не ленится лично следить за этими приемами из специальных закрытых мест, держа на руках маленького царевича Петра. Прежнее общение царя с семьей ограничивается царицей и в летних походах по загородным дворцам.

Сестры Алексея Михайловича и его дети от Милославской вынуждены подчиняться Наталии Кирилловне как царице и мачехе. На Милославских, которые как родственники имели право являться во дворец и участвовать в семейных делах и которым Наталия должна была оказывать почтение, Матвеев доносит царю. Артамон Сергеевич сначала отбирает у Ивана Михайловича Милославского царскую Аптеку (которую оставляет за собой), а затем добивается для него и Ивана Богдановича Милославского назначений на воеводства... в Казань и Астрахань.

Сложнее было «укротить» клан Хитрово, традиционно державший в руках дворцовое ведомство. Первым не-

видимым натиском Матвеев лишает Ивана Богдановича приказов Большого дворца и Судного Дворцового, Ивана Севастьяновича — Хлебного приказа и Устюжской четверти, а самого Богдана Матвеевича Хитрово — Костромской четверти. Затем часть ключевых приказов дворцового хозяйства передается в верные руки — во главе приказов Большой Казны, Большого прихода и Устюжской четверти становится новоиспеченный боярин Кирилл Полуэктович Нарышкин, отец царицы.

Чтобы свалить опытного и привычного царю Богдана Матвеевича, требовалась серьезная работа. Артамон Сереевич собрал на него целое досье, начиная с возышения Хитрово Борисом Ивановичем Морозовым, в доме которого была «благополучна» его мать, до подробной росписи действительных или мнимых «обогащений» за счет доходов Сытного, Кормового и Хлебного дворцов, взяток с подрядчиков, неправедно добытых вотчин и заводов.

Хитрово пошатнулся, но не пал¹. Азартная игра Артамона Сергеевича Матвеева была пресечена скоропостижной кончиной его царственного покровителя.

ЗАВЕЩАНИЕ

Вокруг воцарения Федора Алексеевича и падения канцлера Матвеева — густой туман тайны. Историки не раз пытались разобраться в этих событиях, строя и обосновывая

¹ О нем см.: *Матвеев А.Я., Горчаков Д.А.* Строитель Симбирска боярин Богдан Матвеевич Хитрово. — Симбирск, 1898; *Трутовский В.К.* Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Оружейная палата. — Пб., 1909; *Безсонов С.В.* Портрет оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово // Калужский музей. Сборник. Вып. 1. — Калуга, 1930. С. 67–74; *Селезнева И.А.* Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // ВИ, 1987. № 1. С. 78–87.

всевозможные гипотезы. Я же постараюсь предоставить имеющиеся сведения на суд читателя. Прежде всего, выясним, на что мог надеяться Артамон Сергеевич, грубо притесняя старших членов семьи Алексея Михайловича — а эти притеснения отмечены в сочинениях многих современников. Разумеется, на скорую смерть царевичей Федора и Ивана, которые вполне могли последовать за другими сыновьями Марии Ильиничны Милославской. Алексей Михайлович был достаточно крепок, чтобы прожить до совершеннолетия Петра, а Федор и Иван завидным здоровьем не отличались.

Напрашивается мысль, что канцлер Матвеев неслучайно взял на себя обязанности руководителя Аптекарского приказа. На том уровне развития медицинских знаний в России неверное лечение, ошибка в диагнозе могла быстро привести к летальному исходу. Артамон Сергеевич весьма интересовался медициной и фармакологией, читал соответствующую литературу. Дела Аптекарского приказа сохранились и по ним можно судить, что Матвеев не для вида следил за развитием медицины за границей, выписывал книги иностранных врачей, старался приобрести новейшие лекарства и оборудование. Он даже самолично составил списки лекарств на славянском и латинском языках с обозначением их цен.

Искренность увлечения Артамона Сергеевича медициной не рассеивала подозрений современников, особенно — заинтересованных лиц. По крайней мере, царевич Федор Алексеевич принципиально не обращался к специалистам Аптекарского приказа даже за консультацией, хотя имел к этому множество поводов. Но подозревать Матвеева в том, что он рассчитывал только на отраву или на удачное соотношение смертей в царской фамилии, нельзя хотя бы потому, что это не соответствовало характеру канцлера.

Матвеев имел возможность вступить в борьбу за трон для царевича Петра Алексеевича при живых старших братьях — и, используя весь свой талант и энергию, выиграть это сражение! Ничего удивительного в этом не было бы. Правило майората (наследования старшего сына) в России закрепил как раз Петр I — но только для дворянства. Для царствующих особ он утверждал право выбора наследника!

Наследование трона старшим сыном не было освящено и российскими традициями. Эта форма передачи власти использовалась великими князьями московскими при создании Русского централизованного государства, но даже при Иване Грозном не считалась обязательной. Традиционным было наследование старшим членом рода, причем не только среди князей, но и в боярских фамилиях. Например, после смерти боярина место в Думе преимущественно предоставлялось его брату, а не сыну (если, конечно, дядя был старше племянника).

После пресечения династии Рюриковичей и захвата власти Борисом Годуновым, двумя Дмитриями, Василием Шуйским, приглашения на трон польского королевича Владислава говорить даже о начатках традиции державного майората в России невозможно. И Михаил, и Алексей Романовы были выбраны Земскими соборами — именно этот выбор был юридическим основанием их царствования. После смерти Федора Алексеевича на таком же основании было утверждено право царевича Петра занять престол, минуя старшего брата Ивана. В 1682 г. сама законность этого акта ни у кого не вызвала сомнений. Так почему же Петр не мог «обойти» обоих старших братьев?!

Вопрос о преемнике Алексея Михайловича решался в борьбе, где у всех участников были юридически равные шансы. Важна была расстановка сил, изворотливость, решительность, годились все средства — это была родная стихия Артамона Сергеевича Матвеева! То, что канцлер проиграл,

не дает оснований считать его невинной овечкой, как не раз уже пытались сделать историки. (Кстати, в исторической литературе Матвееву повезло гораздо больше, чем царю Федору Алексеевичу. Еще бы — ведь он был сторонником «Петра Великого»¹). Максимум, что могли утверждать адвокаты Матвеева — что он не предпринял ничего для передачи власти Петру и против Федора. То есть события просто застали его врасплох. Думаю, что это весьма сомнительный комплимент для государственного мужа.

Основание, на котором Федор Алексеевич занял престол, было объявлено немедленно — только что скончавшийся царь Алексей Михайлович завещал царство сыну. О том, что это старший сын, не упоминает ни одна объявительная, креетоцеловальная или богомольная грамота во все концы России и за границу. Итак, единственная официальная версия — завещание².

Она вполне естественна, учитывая, сколь стремительно воцарился Федор Алексеевич после кончины отца. Такая же версия была использована 27 апреля 1682 г., когда «изменники — бояре и думные люди» — посадили на престол

¹ Ср.: *Львов П.Ю.* Боярин Матвеев. — СПб., 1815; *Суворин А.С.* Рассказ из русской истории — боярин Матвеев. — М., 1864 (с переизд.); *Волкова Е.Ф.* Боярин Артамон Сергеевич Матвеев и его время. Исторический очерк (1625–1682 гг.). — М., 1894 (переизд.: 1903, 1910 и др.); и мн. подобных.

² «А отходя от сего света, блаженные памяти он, великий государь, скрифетродержавство свое... пожаловал, приказал и на свой... престол благословил сына своего... Феодора Алексеевича... быти великим государем царем и... самодержцем. И по благословению и по приказу отца его государева... Иоаким патриарх Московский и всея Руси со всем освященным собором его... Феодора Алексеевича... на его царский престол благословил. И за Божиею помощью... Феодор Алексеевич учинился... самодержцем», — гласит официальная запись: ДР. Т. III. Стлб. 1635. О крестоцеловании новому государю, присяге ему, его мачехе, братьям, теткам и сестрам: ст. 1636–1640.

10-летнего Петра через 15—45 минут после объявления о кончине Федора Алексеевича. Тогда, в условиях народного восстания в столице, в котором активно участвовал гарнизон, пришлось заменить версию «завещания» и выдумать целый Земский собор, со множеством церемоний, «всенародно и единогласно» якобы избравший на царство младшего брата вместо старшего. При воцарении Федора версию «завещания» менять не пришлось.

Завещание престола явственно подразумевало возможность выбора между наследниками. Неужели Матвеев этим не воспользовался? Польский резидент в Москве Свидерский сообщал, что царь Алексей Михайлович на смертном одре просил у канцлера совета, которому из трех сыновей передать скипетр. Матвеев, разумеется, красноречиво ратовал за Петра. Последнего, по словам Матвеева, переданным Свидерским, все единодушно признают царем, а советником в делах правления будет он, Артамон Сергеевич.

Действия Матвеева, рассказывается в том же донесении, не остались в тайне при дворе. Одоевские и другие знатные бояре призываются царскими родственниками в Верх и входят в опочивальню умирающего государя. Пылая ненавистью к захватившему власть временщику, родовитые люди уговаривают Алексея Михайловича вручить правление государства старшему сыну и благословить Федора на царство¹.

¹ Повествование о московских происшествиях. С. 72. Чешский путешественник Бернгард Таннер отчасти подтверждает эту версию, говоря, что Долгоруков, желавший возвести на престол Федора, долго спорил с Матвеевым, выступившим за Петра, но народ поддержал Долгорукого и на престол был возведен Федор. Такие слухи, видимо, ходили среди иностранцев в Москве в 1678 г., когда чех побывал там с посольством Чарторыйского и Сапеги. См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Ивакин И. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. 127. О посольстве см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 186–188.

Сообщение о том, что государь за три часа до смерти назначил своим наследником Федора Алексеевича, было опубликовано в популярном в XVII веке западном информационном издании «Европейский театр». О том же сообщалось из Москвы в частном немецком письме от 12 февраля 1676 г. Среди польских писем собрания Залусского также имеется упоминание о попытке Матвеева возвести на престол младшего из трех царевичей¹.

Вполне возможно, что иностранцы воспользовались официальной информацией о завещании царства Федору Алексеевичу. Упоминает о завещании и автор интереснейшего польского сочинения, сообщающего о многих интригах при Московском дворе с 1676 по 1682 г. Он указывает, что опекуном юного царя был назначен один из влиятельнейших царедворцев, знаменитый полководец и государственный деятель боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков.

По мнению польского наблюдателя, Матвеев и не рассчитывал на поддержку бояр. Утаив царское завещание и сам момент смерти самодержца, Артамон Сергеевич старался посадить на престол Петра, опираясь на стрельцов московского гарнизона. Известие о кончине царя было получено во дворце только от патриарха Иоакима. Он же сообщил спешно прибывшему в Верх князю Долгорукову о содержании царского завещания.

Одна деталь в этом рассказе особенно примечательна. Польский автор неоднократно подчеркивает, что в самый разгар событий царевич Федор «опух и лежал больной» за запертymi дверями своих хором. Именно поэтому боярам пришлось нести его к царскому престолу на руках. пред-

¹ Все три источника цит.: Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. С. 212–216.

варительно взломав двери царевичевых палат¹. Болезнь Федора Алексеевича подтверждается записками других современников и, главное, подлинными документами.

Легко представить себе шум и суматоху, страх царевичей, упорную сосредоточенность соперниц — жены, которая становится вдовой, но старается стать царицей-регентшей, и царевен (особенно царевны Софьи, упомянутой в связи с придворной борьбой иностранцами), надеющихся избавиться, наконец, от притеснений мачехи. Восстановить все страсти этой ночи может только художественное воображение. Предоставляю читателю мысленно заглянуть в освещенные мерцающими огнями покои дворца, где остывает тело Алексея Михайловича, а бородатые бояре ломают двери и, наспех одев в царское облачение, волокут царевича Федора по многочисленным лестницам и длинным переходам...

КРУШЕНИЕ ИНТРИГ

Как бы то ни было, Матвеев проиграл и был совершенно сломлен. Нидерландские послы, посетившие канцлера в его доме через три дня, поразились, что Артамон Сергеевич неожиданно заплакал посреди делового разговора. Он уверял дипломатических партнеров, что политика России остается прежней и перемен среди представителей власти не предвидится². Разумеется, это была ложь, и Матвеев лучше всех это понимал. Он проиграл по самой высокой ставке и должен был расплатиться дорогой ценой.

¹ Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна / А. Василенко. – СПб., 1901 (польский оригинал и перевод). С. 4–5, 15–16.

² Ловягин А.М. Голландец Кленк в Московии. С. 381.

Но и бояре-победители не были еще уверены в прочности завоеванного положения. Болезнь царевича (теперь уже царя) Федора вызывала одновременно и подозрения, и беспокойство. А ну как новый царь вскоре умрет и борьба во дворце разгорится съзнова?! Может быть, Федор Алексеевич заблаговременно опоен смертельной медленно действующей отравой. Подозрительно, что и брат его Иван хворает, тогда как маленький царевич Петр вполне бодр.

1 февраля 1676 г. Артамон Сергеевич Матвеев был удален с руководства Аптекой. 8 февраля царскую медицину возглавил известный своей надежностью боярин князь Никита Иванович Одоевский. Неделю он входил в дела, а 14 и 15 февраля устроил консилиум, предложив всем медицинским сотрудникам высказаться о состоянии здоровья царя Федора Алексеевича.

Предварительно было проведено расследование, имевшее целью выяснить, насколько единодушны сотрудники Аптеки и нет ли между ними вражды. Затем каждый осмотрел царя лично и дал отдельное заключение. Доктор Иоганн Костериус «сказал, что его государева болезнь не от внешнего случая и не от порчи, но от его царского величества природы, а именно та болезнь — цынга», как и у его отца Алексея Михайловича. В зимнее время больному полезны легкие лекарства, более серьезное лечение следует предпринять весной. Костериус прописал мазь и пластырь на больные ноги, диету.

Доктор Лаврентий Блюменрост согласился с коллегой и подчеркнул, что «ту его государеву болезнь можно за Божией помощью вылечить только исподволь, а не скорым временем.» Доктор Стефан фан Гаден сделал анализы и пришел к выводу, что почки, печень, желчный пузырь у Федора Алексеевича здоровы, но организм несколько ослаблен, что способствовало развитию цинги. Аналогичное заключение

дали «доктор Михайло», аптекари Симон Зоммер и Христиан Еглер.

Аптекарь Иоганн Гуттерс Менсх пояснил боярам, что лечение цинги обычно направляется на органы, «откуда та болезнь произошла — то есть печень, стомах, селезенку». Внутренние и внешние укрепляющие лекарства, средства, вызывающие аппетит, — вот все, что требуется для поправки здоровья Федора Алексеевича. Эти ответы вполне удовлетворили Никиту Ивановича Одоевского и других лиц, организовавших и поддерживавших воцарение старшего сына Алексея Михайловича.

Можно было спокойно приступать к перераспределению власти. Матвеев и его сторонники не могли рассчитывать на пощаду. История Руси полна была примеров немедленного и жестокого уничтожения противников победителем в борьбе за престол. Проигравшие считались преступниками, и для расправы с ними не требовалось иных доказательств вины. Но шли дни, месяцы, а голова Артамона Сергеевича все еще крепко сидела на плечах¹. Бояре и дворяне, выступившие за воцарение Федора Алексеевича, встретили в его лице неожиданное препятствие к завершению традиционной процедуры взятия власти изничтожением противной партии. Но мнимых победителей в придворной борьбе ждало еще более крупное разочарование.

Все первые Романовы восходили на престол молодыми людьми. При дворе помнили, что Михаил Федорович оправдал надежды выдвинувших его бояр и многие годы послушно исполнял их волю — пока не вернулся из польского плена его отец Филарет Никитич и не показал всем, что такое твердая

¹ См.: *Старостина Т.В. Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676–1677 гг. о хранении заговорных писем // Ученые записки Карело-Финского университета. – Петрозаводск, 1948. Т. 2. Вып. 1. С. 44–89.*

рука «великого государя святейшего патриарха». Довольно долго был «послушен» своим приближенным и Алексей Михайлович. (К слову сказать, воцарившийся в 1682 г. Петр Алексеевич сделал первые шаги к самостоятельному правлению лишь после смерти матери в 1694 г.).

Сторонники и приближенные Федора Алексеевича вправе были ожидать, что в пятнадцать с небольшим лет новый царь будет вполне зависим от их воли. Они с удивлением обнаружили, что больной юноша неожиданно серьезно отнесся к священным для него обязанностям государя — отца и благодетеля подданных. С непонятно откуда взявшимися силами и энергией юный самодержец самолично вникал в дела дворца, столицы и государства. Хуже того, он чуть не с первых дней принялся наводить порядок в управлении, лично организуя работу Думы и центральных ведомств. Вместо того, чтобы наслаждаться властью, придворные теперь должны были ни свет ни заря являться в Боярскую думу и вместе с неутомимым царем «сидеть за делами». А дальше началось такое, чего от царя на Руси и ожидать-то было нельзя...

* * *

Через несколько лет, когда Федор Алексеевич умирал, как полагало большинство современников — от отравы, те же аристократические кланы, которые посадили старшего сына Алексея Михайловича на престол, столь же решительно отдали предпочтение младшему, короновав Петра в обход Ивана.

Горько плакавшая зимой 1676 г. вместе с Матвеевым царица Наталия Кирилловна не пострадала от обиженных мачехой дам царской фамилии потому, что ее защитил ненавистный царь Федор. Но и весной 1682 г., когда бояре во главе с патриархом, заранее договорившись, дружно при-

несли присягу Петру (см. Заключение), радость ее была недолгой. Через считанные дни обнадеженный прогрессивными реформами царя Федора народ смел с лица земли и Нарышкиных, и возвращенного из ссылки, чтобы вновь возглавить правительство, Артамона Матвеева¹.

Матвеев и многие родичи царицы не пережили Московского восстания, посадившего на престол первым царем Ивана Алексеевича (1682–1695). Наталия Кирилловна могла только рыдать — без своего наставника она не могла сделать ни одного разумного политического шага. Но она год за годом пестовала в своей душе ненависть к проклятому «клану Милославских», казалось бы растоптанному, но вновь вернувшемуся к власти. Утихомирить восставших и постепенно взять в свои руки управление страной смогла царевна Софья — Милославская по матери. Лишь осенью 1689 г., женив Петра, Наталия Кирилловна сколотила достаточно сильную партию, чтобы с помощью хитроумного заговора свергнуть регентшу.

Заточение Софьи, ссылка канцлера Голицына и разгром командного состава новой регулярной армии были в глазах царицы Наталии вполне оправданы: все они были порождением катастрофы 1676 г., все возвысились при царе Федоре. «Медведица», в которую превратилась вдова Алексея Михайловича даже в глазах своих сторонников, не собиралась отдавать власть в руки своего слабого сына и тем более невестки. «Пусть мальчик гуляет», решила она, окружив Петра мастерами пьянства и разврата, предоставив ему лишь играть

¹ См.: Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и о кончине его // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Н.И. Новиков. Изд. 2-е. – М., 1785. С. 367–427 (то же: Боярин Матвеев // Сахаров И.П. Записки русских людей. – СПб., 1841). О Московском восстании 1682 г. см. ниже, в главе 7.

в солдатики и кутить в Немецкой слободе. Но «правильное» отношение к «проклятым Милославским» она воспитала в Петре на совесть. Со временем Петр прикажет вырыть гроб одного из них и залить его кровью казненных. Софья будет обвинена в «устроении стрелецкого бунта», причем не только вспыхнувшего 1698 г., но и восстания 1682 г., которое она с таким трудом «утишила». Но наибольшую, с годами нарастающую ненависть Преобразователя будет вызывать поистине великий реформатор Федор Алексеевич, имя которого и деяния окажутся вычеркнутыми из русской истории.

Глава 2

ПРЕМУДРЫЙ ЦАРЕВИЧ

И те из современников и потомков, кто писал о многообещающих способностях Федора Алексеевича, и те позднейшие историки, что подчеркивали его болезненность, были недалеки от истины, хотя влияние личности государя на исторические события до сих пор остается на доказательном уровне не оцененным. Как и все сыновья Алексея Михайловича от Марии Ильиничны Милославской, Федор нес в себе наследственный недуг, мучавший его здоровьяка-отца, страдавшего от хронического неусвоения витамина С. Царевны в отличие от царевичей, по общему мнению, чувствовали себя прекрасно, но жили, по стандартам знати, не слишком долго. У Федора было шестеро единоутробных сестер: Евдокия (1650–1702), Марфа (1652–1707), София (1657–1704), Екатерина (1658–1718), Мария (1660–1723) и Феодосия (1662–1713). Легенда о поразительном здоровье дочерей Алексея Михайловича от первого брака не учитывает также, что царевна Анна умерла во младенчестве (1655–1659), а Евдокия — при рождении (1669).

На первых годах своей жизни скончались и двое сыновей Алексея Михайловича: Дмитрий (1649–1651) и Симеон (1665–1669), — но пережившие этот опасный период были гордостью отца, особенно старший царевич Алексей (1654–1670), 7 сентября 1667 г. представленный двору и

духовенству как наследник престола. Федора Алексеевича более склонны сравнивать с царевичем Иваном (1666–1696), немощь которого еще при жизни подчеркивалась сторонниками Петра из политических соображений. Однако Иван не был таким уж инвалидом, и Алексей с Федором имели довольно сил для получения блестящего по тем временам образования, успехам в котором не могли помешать их общие недомогания.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 г. и был назван в честь св. Федора Стратилата (память 8 июня), о чем счастливый отец объявлял стране уже 1 июня; государевы грамоты о «радости» были, по обыкновению, дополнены богоольными грамотами Церкви, так что весть наверняка дошла до всех уголков великого государства¹. Следует полагать, что Тишиайший государь Алексей Михайлович по своему обыкновению совершил в честь рождения сына все торжественные молебны, разослал и принял поздравления духовенства и знати, роздал щедрые пожалования и милостыню, объявил амнистию и выполнил прочие требования традиции.

Достоверно известно, что в связи с рождением царевича лишь один человек (родственник царицы Ф. Я. Милославский) был пожалован в окольничие². Зато 9 июня в Грановитой палате был дан пышный родинный стол «без мест» (т.е. не считаясь с местническими счетами знати) для освященного собора архиереев Русской православной церкви

¹ Грамоты опубл.: Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича. Приложения X–XI. С. 76–79.

² 30 июня 1661 г.: последующие пожалования датируются 18 августа и 15 сентября. См.: Crumme R.O. Aristocrats and Servitors. P. 193–194.

и чинов Боярской думы¹. Боярыни, супруги окольничих и стольников угощались тем временем у родинного стола в палатах царицы и подносили новорожденному удивительно схожие подарки: младенец получил от каждой из 25 гостей по золотому кресту с мощами, серебряному золоченому кубку с кровлей, отрезу золотого бархата или атласа и сороку (связке) соболей.

30 июня царевича Федора крестили в церкви великомученицы Екатерины, что у царицы в Сенях. По сему поводу в Грановитой палате (и, надо полагать, у государыни в хоромах) был крестинный стол².

Кормилицей Федора Алексеевича была безвестная Анна Ивановна³, зато мамки и дядьки царевича являлись личностями заметными. Вдовая боярыня Анна Петровна Хитрово целые десятилетия имела огромное влияние на женской половине дворца и заботилась о своем воспитаннике даже тогда, когда он подрос. Суровая постница и богомолка бросилась на защиту Федора, когда сочла, что А.С. Матвеев и Нарышкины (воспитатель и родственники второй жены Алексея Михайловича, матери Петра) хотят обидеть царевича с престолонаследием, и, по признанию ее врагов, немало способствовала их ссылке⁴. Зная о безусловной преданности Анны Петровны, Федор позже доверил ей беречь свою первую жену, назначив боярыню кравчей (ответственной за напитки) царицы Агафии Симеоновны⁵.

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 516.

² Там же. С. 508–510, 520–525, 10, 516; Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. III. – СПб., 1901. № 458. С. 401.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 539 – роспись 20 марта 1671 г.

⁴ Сахаров И.П. Записки русских людей. С. 81.

⁵ Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1851. Кн. 9. Смесь. С. 46.

Свойственник Анны Петровны стольник Иван Хитрово был сыном видного приказного деятеля, окольничего, с 1666 г. боярина Богдана Матвеевича Хитрово, возвышенного всесильным некогда дядькой самого Алексея Михайловича боярином Б.И. Морозовым. Фаворит государя, его дворецкий и оружничий, Богдан Матвеевич позволял себе быть врагом влиятельных людей — патриарха Никона, канцлеров А.Л. Ордина-Нащокина и А.С. Матвеева, прославился как коллекционер и покровитель искусств и был неизменно дорог царю Алексею, несмотря на свою слабость к вину и женщинам¹.

Сын его, не замеченный в подобных слабостях, с 1664 г. наряду со службой в дядьках царевича Федора стал помощником отца в управлении важнейшими для жизни царской семьи и двора приказами — Большого дворца и Судным дворцовым (в 1670 г. его заменил в судействе стольник А.С. Хитрово). Учитывая, что Хитрово (с небольшими перерывами) руководил в детстве Федора Алексеевича еще Оружейной, Золотой и Серебряной палатами (не считая менее важных для ребенка учреждений)², царевич быстро и легко получал все, что ему хотелось, любые игрушки и лучшие изделия российских мастеров.

Иван Богданович и Анна Петровна Хитрово были вторыми дядькой и мамкой Федора — из-за своей неродовитости (Иван Богданович был пожалован в думные дворяне 24 мая 1666 г., в окольничие — 1 сентября 1674 г., в честь объявления царевича наследником, и в бояре — уже царем Федором в июне 1676 г.)³. Первыми были представители знатнейшего рода князей Куракиных -- боярин Федор Федорович и боя-

¹ Crumley R.O. Aristocrats and Servitors. P. 105, 99, 101–102, 160.

² Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. — М.—Л., 1946. С. 306–307.

³ Crumley R.O. Aristocrats and Servitors. P. 195.

рыня Прасковья Борисовна. Они были отставлены в 1675 г., когда нужда в многочисленных дядьках и мамках миновала¹. Куракины, впрочем, оставались близкими к Федору Алексеевичу людьми и впоследствии: домашние связи были в те времена очень крепкими.

Учиться царевич начал, еще не выйдя из-под женской опеки во внутренних палатах дворца. В двухлетнем возрасте (1663) он получил специально сделанную большого формата (*in folio* — примерно с современный лист А4) книгу житий Алексея Человека Божия, Марии Египетской (тезоименивших его отцу и матери) и царевича Иоасафа — с 90 картинками. За два года малыш ее так истрепал, что отец велел книгу реставрировать и заново переплести в бархат².

Выход Федора из младенческого возраста (в 5 лет) был отмечен двумя важными обстоятельствами: воспитание царевича перешло в руки дядек и имя его утвердилось в расходных документах, отдельно от женской части дворца. До этого упоминания о царевиче появлялись случайно, например, когда в 1662 г. для него украшались новые хоромы или когда на масленице 1664 г. отец послал ему со своего стола расписные сласти в виде рощи с двуглавым орликом³.

Дядьки были не склонны поначалу переутомлять юный организм науками и предпочитали воинственные игры. Товарищами Федора были 14 юных стольников, причем после смерти царевича Алексея, число стольников которого не превышало 9—12, к компании добавились еще трое. Замечу, что у царевича Ивана Алексеевича было всего 3 стольника и 14 человек дворян «с площади», а у Петра — 2 стольника (пока их число не увеличил воцарившийся Федор)⁴.

¹ Книга дядькам... С. 46; ДР. Т. III. Стлб. 1066, 1428 и сл.

² Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 171.

³ Там же. С. 727. Т. I. — М., 1918. С. 669.

⁴ Книга дядькам... С. 50–51; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 98, 112.

Стараниями дядек компания была вооружена до зубов. Лучшие мастера Оружейной палаты снабжали детей роскошными маленькими луками и стрелами, знаменами и барабанами, литаврами и набатами, которые, как в настоящем полку, возились на лошади (игрушечной). Для царевича и стольников изготавливались шпаги и тесаки, пистолеты и ружья (в том числе нарезные «винтовки»), булавы, копья, алебарды и медные пушечки на богато украшенных, как у московских стрельцов, станках.

Опись игрушек царевича Федора (с 1666 г.) рассказывает также о цветных мячиках, которыми играли в обширных сенях и переходах дворца (их доставляли сразу по 10 и 20 штук), о бархатных качелях, резных серебряных свайках (бросавшихся в кольцо — такой свайкой закололся, по версии Бориса Годунова, царевич Дмитрий Иванович, но от игры во дворце не отказались). Опись повествует также о шахматах, о потешных настольных играх: заводных «немцах, что стоят на деревянном черном ящике и играют» (их чинили в 1670 и 1672 гг.), о «картах, по золоту цветными красками» разрисованных, и т.п.

ЦАРСТВЕННЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Судя по игрушкам, особенно поощрялись в царской семье активные игры. Мальчики воевали, вместе с юными отпрысками знатнейших родов охотились на золоченых расписных львов (их было пять), которые, видимо, нападали на «пятерых барашков и двух козликов». Стреляли из луков в войлочные мишени, в подброшенную шапку, по золоченым голубям, раскрашенным «по серебру разными цветными красками». Кажется странным, что в век огнестрельного оружия, в изготовлении которого московские мастера были из первейших в мире, царевичи предпочитали архаичный

лук. Понятно стремление взрослых избежать пальбы во дворце. Но ведь царская семья регулярно выезжала за город и в теплое время года подолгу жила в дворцовых селах, где детям было истинное раздолье.

При московском дворе стрельба из лука приобрела к тому времени характер тщательно культивированного спорта, физически развивающей игры, типа современного тенниса. Луки членов царской семьи были настоящими произведениями искусства. Красные и белые, лазоревые и червчатые, золотые и серебряные луки конструктивно делились на обычные, мешецкие и маленькие и украшались разнообразнейше. Один из трех собственных луков, взятых шестилетним царевичем Федором за город летом 1667 г., выглядел так: «лук по алои кибити (древку) писан золотом, на нем два орлика двоеглавые в клеймах, писаны травы на буйволовых костях, с лица писано золотом — травы (растительный орнамент), тетива шелковая красная с золотом».

Учитывая, что стрельбой занимался еще Михаил Федорович, ко времени Федора Алексеевича правила игры устоялись. Стрелы были строго специализированы и назывались по форме копейца (наконечника): томары, срезни, свисты и северги. Копейцо делалось из слоновой кости или серебра (с подчеканом, резьбой, позолотой). Древки были яблоневые, березовые, буковые, редко чинаровые — золоченые или шафрановые (но с золотой каймой у наконечника), с ушками (для упора в тетиву) из рыбьей кости (с золотом, бирюзой). Перья были обязательно орлиные — белые (реже — красные) хвостовые или черные из крыльев. Целями служили белые войлочные колпаки, которые подбрасывались в воздух или устанавливались на спицах и росписных древках (по одному на стрельца).

Поскольку в игре с царевичами принимали участие все стольники, стрел требовалось множество. Алексей

Алексеевич брал с собой в Преображенское в 1666 г. из Оружейной палаты (помимо того, что имел в комнатах) 13 луков, 14 древок, 4 спицы, 6 колпаков и 40 гнезд (колчанов) стрел — по 25 штук в гнезде. В апреле 1667 г. он вернулся в Оружейную 30 гнезд стрел царских и 12 стольничих с указом их к нему в хоромы не отпускать, отдать, если потребуются, царевичу Федору. Хотя летом 1667 г. из стрел Алексея 16 гнезд было «нового дела», он начал, видимо, охладевать к игре, ибо взял в Преображенское всего 8 луков, а гнезд стрел — всего 8 своих да 20 стольничих. Немного луков и стрел делалось для компании царевича Алексея вплоть до весны 1669 г.

Богатство досталось Федору Алексеевичу, который, напротив, все более входил во вкус игры, избрав заветным местом Воробьевы горы, где недалеко от дворца был устроен «потешный луг». По сохранившимся фрагментарным записям архива Оружейной палаты Федору был изготовлен новый лук в 1667 г. (он имел еще 3 своих и 3 стольничих); стрельбище и 100 гнезд стрел в 1669 г.; 15 гнезд стрел всех видов и 4 древка в 1671 г.; 3 лука, 3 гнезда стрел и 3 древка в 1672 г. Царевич продолжал стрелять из лука и в 1675 г., когда уже имел разнообразное действующее огнестрельное оружие, и после своего восшествия на престол.

Например, 3 июня 1677 г. 16-летний царь Федор Алексеевич «в походе за Ваганьковом изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам». Потеха была знатная: «пропало в траве и переломали 33 гнезда северег». 8 июня по пути с Воробьевых гор царь придал игре исторический характер, и стрелы летели через Крымский брод на Москве-реке (будто дворяне отражали набег татар). Игра продолжалась «июня 10 в селе Покровском», «июня 15 в Преображенском в роще». Она даже отвлекала от благочестивых размышлений:

царь «июня 21 в Соловецкой пустыни изволил тешиться и указывал из луков стрелять спальникам»¹.

Другой устойчивой страстью Федора Алексеевича стали лошади. По обычаям царевичей, его посадили на большого игрушечного росписного коня, как только младенцу исполнился 1 год. Эта коняшка стояла в комнатах царевича, в починенном и обновленном виде, по крайней мере, до 11 лет². Тогда у Федора Алексеевича были уже «потешные сани, обиты исподом собольим пластиначатым», и узда; нарядное седло к игрушке было сделано в 1674 г.

Настоящие лошади, сбруя, кареты и возки всех видов держались для царской семьи на Конюшенном дворе. Его глава — ясельничий — бывал обычно не из первых родов, но мог весьма выдвинуться. Маленького Федора Алексеевича тешил учеными конями ясельничий Иван Афанасьевич Желябужский (известный дипломат и мемуарист) — эта его служба (1664–1668) окупилась важными и почетными должностями в царствование Федора и правление Софьи³.

Под руководством ясельничего Ф.Я. Вышеславцева были достигнуты удивительные успехи в дрессировке. Лошади «показывали много фокусов» наподобие ученых собак и обезьян, кланялись и плясали тройками, четверками, шестерками, лучшие иноходцы рысью обходили коней, скачущих галопом. 75 верховых и 200 каретных коней ежедневно мылись с мылом (зимой теплой водой) и «блестели как зеркала». Специально для детских «потешных» карет и саней держали (помимо аргамаков, арабских, персидских,

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 586–590 (опись оружейной казны царевичей). С. 96–98, 121.

² Там же. С. 82–83, 92.

³ О Желябужском и его записках см.: Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. – М., 1990. С. 24–26, 201–327 (с публикацией текста записок).

шведских и других пород лошадей) две четверки пони «ростом с английских догов» (в шутку к ним были приставлены карлики — кучер, ямщик и шесть алебардщиков)¹.

Пони были для малышей — подросшим царевичам давали лучших (предварительно хорошо выезженных) коней. Это не спасало от происшествий. Рассказывали, например, что «Федор, будучи на тринадцатом году, однажды собираясь в пригороды прогуливаться с своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всей своей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 г.) чувствует беспрерывную боль в груди и спине»².

Федор Алексеевич сохранял любовь к лошадям всю жизнь. Хотя иностранцы не уставали восхищаться царскими конюшнями, фанатику коннозаводства Федору казалось, что породы недостаточно хороши и разнообразны. Почти сразу по вступлении на престол, 31 марта 1676 г., он через незаменимого Б.М. Хитрово выменял белого голландского жеребца у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунраада фан Кленка и впоследствии выписывал лошадей из Западной Европы³.

Весной—летом 1676 г. новый царь полностью обновил руководство Конюшенного приказа. Потомственному ко-

¹ Койэт Б. Исторический рассказ, или Описание путешествия... посла Высокомощных Штатов... к великому государю... Московскому // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. — СПб., 1900. С. 510–511, 461–462.

² Повествование о московских происшествиях. С. 72.

³ Койэт Б. Исторический рассказ. С. 471, 510; Дополнения к Актам историческим (далее – ДАИ). Т. 9. — СПб., 1875. № 56. С. 133–134.

неводу ясельничему Ивану Тимофеевичу Кондыреву он дал чин думного дворянина (7 июня), а через год сделал окольничим (8 июня 1677 г.). Судя по дворцовым разрядам (записям о службах при дворе), четверо из рода Кондыревых, включая ясельничего, бывали в походах с Федором Алексеевичем и его семьей 41 раз — чаще, чем большинство знатнейших боярских родов. После воцарения Ивана Алексеевича в 1682 г. Иван Тимофеевич первым из своей фамилии получил боярство, а после женитьбы царя Ивана боярином стал и его брат Петр.

Еще один известный лошадник, князь Владимир Дмитриевич Долгоруков, служивший очень мало, настолько был белой вороной среди своих родственников — видных государственных деятелей, — что вопреки фамильной привилегии был произведен Алексеем Михайловичем в окольничие, а не в бояре. Федор, воцарившись, пожаловал князю боярство и приблизил к себе коннозаводчика, не утомляя его службами, помимо почетных¹.

Такие случаи заставляют верить историку XVIII в. В.Н. Татищеву, писавшему о Федоре: «Как отец сего государя великий был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник. И не только предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам их обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Благодаря чему в его время всяк наиболее о том прилежал и ни чем более, как лошадьми, не хвалился»².

Следует уточнить, что и Федор Алексеевич, вслед за отцом, увлекался охотой с ловчими птицами, которая, по

¹ Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 79–80, ср. с. 250, 263; Crumley R.O. Aristocrats and Servitors. Р. 198–200; ср.: Богданов А.П. Россия при царевне Софье. С. 360, 375.

² Татищев В.Н. История Российской. В 7 т. — М.–Л., 1966. Т. 7. С. 177.

отзыву наблюдательного иностранца, сочеталась у русских в его царствование с конским бегом и лучной стрельбой¹. Царь весьма заботился о росте числа и улучшении породы ловчих птиц, которых по его указам доставляли даже из Сибири, а также о сохранении их поголовья в местах обитания. Отловленных сверх наказа птиц строго запрещалось продавать и требовалось отпускать на волю в их родных краях. Особое значение придавалось красоте птиц, и они действительно были великолепны, например: «перъем кречет с красна-голуб, а краплины белые; грудь бела, а краплины с красна-голубы; а крылье с красна-голубы ж, а краплины красные; а на хвосте краплины белые, а хвост с красна-голуб же»².

Физические упражнения Федора Алексеевича были непременно связаны с эстетическим удовольствием, и эстетическое воспитание достигалось всей окружавшей его с младенчества обстановкой. Прежде чем получить в руки ловчих птиц, царевич держал в клетке «о четырех жильях» канареек (1671), в следующем году ему были починены еще две канареечные клетки, летом 1674 г. «в Верх к царевичу сделана попугайная клетка из белого железа со столбиками и орлами».

Птицы были обязательной принадлежностью комнатного сада, который был у каждого члена царской семьи и служил предметом гордости. Царица, царевны и царевичи хвалились искусством выращивания цветов, трав, овощей и фруктов. Взойдя на трон, Федор Алексеевич заказал себе еще клетки: три большие попугайные и пять канареечных (1678). Уже в 1680 г. государь, перестраивая и расширяя

¹ Койэт Б. Исторический рассказ. С. 482–483. Ср. с. 475–476, 513.

² Акты исторические (далее – АИ). Т. 5. – СПб., 1842. № 24, 57; ДАИ. Т. 8. – СПб., 1862. № 38.I–V (цит. с. 114).

дворец и большие сады, не забыл купить в свой «новый верхний сад» трех новых дорогих немецких канареек¹.

Помимо птиц, слух царевича услаждали музыкальные шкатулки (их чинили в 1670, 1672, 1673, 1674 гг.), клавикорды (починенные в 1675 г. старые и подаренные новые), «октавки», вновь устроенные «органы потешные» и иные «струменты», хранившиеся в особом месте². Музыкальное образование, начатое с игрушек и знакомых с младенчества голосов царской капеллы, углубилось изучением нотной литературы. К концу жизни Федора Алексеевича им была собрана весьма значительная нотная библиотека, при дворе утвердилось партесное (концертное) пение и по соизволению царя был совершен переход от старинных крюковых к общеевропейским линейным нотам.

Сама музыка получила философско-эстетическое обоснование как необходимое человеку «художество», «вторая философия и грамматика». Собственно, появление «Мусикийской грамматики» приехавшего в Москву при Федоре Николая Дилецкого (редакции 1679 и 1681 гг.) в соединении с трактатом его коллеги и друга Иоанникия Коренева «О пении божественном» знаменовало в русской музыкальной культуре поворот, равного которому не найти ни в предшествующие, ни в последующие десятилетия.

Федор Алексеевич, по мнению В.Н. Татищева, шел к музыке от поэзии, ибо «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте псалтырь стихотворно тем Полоцким переложена, и в ней, как сказывают, многие стихи, а особенно псалмы

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 92, 117, 119, 121. Т. I. С. 258.

² Там же. Т. II. С. 90, 116 и сл., 462.

132 и 145, сам его величество переложил, и последний в церкви при нем всегда певали. Поскольку же его величество и к пению был великий охотник, первое партесное (концертное.— *Авт.*), и по нотам четверогласное, и киевское пение при нем введено, а по крюкам греческое оставлено».

«Псалтырь рифмованная», написанная Полоцким в 1678 г. и изданная в 1680 г. царской Верхней типографией в роскошном оформлении самого Симона Ушакова (главы государевых живописцев), была положена на ноты начавшим свою карьеру при Федоре замечательным композитором Василием Титовым для царевны Софьи. Нотная стихотворная Псалтырь, как сказано в предисловии к ней, создавалась потому, что «в Великой России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве возлюбили сладкое и согласное пение польской псалтыри стихотворно преложенной, привыкли те псалмы петь... и сладостию пения увеселялись духовно...».

Любители музыки хорошо знакомы с часто исполняемым поныне песнопением Федора Алексеевича «Достойно есть». В XVII в., кажется, даже суровый книжник Епифаний Славинецкий поддался общему увлечению, сочинив с большим «формальным мастерством» «песни эпического характера». Впрочем, наследия одного Дилецкого (не пережившего царя Федора) было бы достаточно, чтобы прославить краткое царствование реформатора в концертных программах¹.

Отношение государя к служившим в придворной капелле певчим дьякам демонстрирует забавный случай на Рождество 1677 г., когда кое-кто из руководителей доходных

¹ Протопопов В.В. Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник (далее – ПКНО). 1976. – Л. , 1977. С. 119–133; История русской музыки в 10 т. Т. I. Древняя Русь: XI–XVII века. – М., 1983. С. 172–173, 175–179, 239, 243–244, 273–274, 376; Татищев В.Н. История Российской. С. 175; и мн. др.

приказов отказался принимать (и соответственно одаривать) музыкантов, ходивших в сочельник со славлением по домам ближних и думных государевых людей. Незамедлительно воспоследовал указ Федора Алексеевича, который не заблуждался насчет мотивов приказных дьяков и отлично разбирался в реальных источниках доходов государственных служащих.

Приказным дьякам, лишившим певчих обычного зарплатка, было объявлено, «что они учинили то дуростию своею негораздо — и такого бесстрашия некогда не бывало, что его государевых певчих дьяков, которые от него, великого государя, Христа славить ездят, на дворы к себе не пущать! И за такую их дерзость и бесстрашие быть им в приказах бескорыстно и никаких почестей и поминков ни у кого ничего ни от каких дел не брать. А коли кто нарушил сей его государев указ объявится хоть в самой малой взятке или корысти — и им за то быть в наказании»¹.

ХОЗЯИН, МЕЦЕНАТ И СТРОИТЕЛЬ

Сочетание высокого искусства, которое, по словам придворного композитора царя Федора Н.П. Дилецкого, «сердца человеческие возбуждает к веселью, или сокрушению, или плачу»², с приземленным практицизмом — характерная черта просвещенного человека XVII в., не исключая и государя. С ранних лет царевич знакомился с обширнейшим хозяйством государева двора, чтобы, вступив на престол,

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. I. С. 408; ср. Берг В.Н. Царствование Федора Алексеевича. С. 101 и Приложение XIV.

² Смоленский С.В. Мусикийская грамматика Николая Дилецкого // Памятники древней письменности и искусства. Вып.128. – СПб., 1910; Рогов А.И. Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв. – М., 1973. С. 142.

стать прежде всего хозяином — первым среди российских собственников.

Прямо под сказочными теремами и садами-вертоградами дворцового Верха располагались Боярская площадка и палаты для заседаний высших чинов, ниже толпились стряпчие, жильцы, выборные и московские дворяне, ждающие указов и поручений, целые этажи были отведены мастерским палатам, квасо- и пивоварням, хлебням, портомойням и т.п., еще ниже находились подвалы с необъятными по количеству и разнообразию припасами, а по всей стране раскинулось дворцовое, принадлежавшее лично государю хозяйство — села, земли, угодья, рыбные ловли...

По воцарении Федор Алексеевич возглавил огромный штат дворцовых служащих. Вместо приказчиков у него были бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки — но плох тот хозяин, который не разбирается в тонкостях функционирования своего хозяйства и не контролирует приказчиков! Потому высочайшая честь «видеть пресветлые очи» великого государя выпадала чиновникам и работникам государева двора гораздо чаще, чем иным высоким государственным служащим.

Например, после восшествия на престол Федор Алексеевич давал приемы в течение всей Святой недели: в понедельник принимал стольников, стряпчих и дворян, в среду — детей боярских и сотрудников Аптекарского приказа, в четверг и пятницу — дворцовых подьячих и дворовых людей, в субботу — «разных чинов людей», включая собственных художников и мастеров, богатейших купцов-гостей и представителей черных слобод (городского податного населения).

Для сравнения отмечу, что служащие Посольского приказа (переводчики, подьячие, золотописцы), а также подведомственные приказу иноземцы удостоились приема

у государя «в передней» 6 мая 1681 г. по случаю экстраординарных торжеств в честь заключения долгожданного мира с Турцией и Крымом. Между тем художники и мастера Оружейной палаты ежегодно являлись к государю с «подносными делами» (под видом великолденского яйца), а сам Федор Алексеевич раздавал придворным и дворовым от Светлого дня до Вознесенья до 37 тысяч пасхальных яиц¹.

Неслучайно Сильвестр Медведев подчеркивал, что Федор Алексеевич, собирая в своих мастерских палатах «художников всякого мастерства», прилежно следил за их трудами и богато поощрял их успехи, стремясь «да никогда же ум его празден обрящется». Личное пребывание государя в Оружейной палате и осмотр оружейной казны подтверждены документально². Рачительный хозяин, Федор Алексеевич воспитывался и как истинный ценитель «художества».

Сказочная роскошь царских хором, их убранство и отдельные предметы формировали зрительное восприятие царевича. Федор Алексеевич с детства усвоил не только практическое, но и философское значение строительства. Само воспитание уподоблялось тогда «сограждению» града небесной мудрости в телесном человеке³. В строительстве города и выращивании сада (сравни «Вертоград много-

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. I. С. 477–478; ДАИ. Т. 9. № 79.

² Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 17; Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича. Приложение XVI. С. 85.

³ О целях учения и методах строительства «града царствия небесного» в душе ребенка см.: Богданов А.П. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси. – М., 1988. С. 260–278; *его же*. Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana 8 (XXXII). 1989. С. 127–148; и др.

цветный», стихотворный сборник Симеона Погоцкого) реализовалась присущая просветительской мысли идея созидания как способа выражения двуединой земной и небесной сущности человека-творца: дольного отражения Творца небесного.

Сохранилось довольно много источников, свидетельствующих, что строительство и украшение были страстью юного царя. Записи о соответствующих распоряжениях Федора Алексеевича за один год — с апреля 1681 по апрель 1682 г. (т.е. по кончину) — содержат указы о строительстве 55 объектов, каждому из которых царь дал точную архитектурную характеристику. Например:

«189 (1681) г. апреля 27 (ровно год до смерти! — *Авт.*). На Пресне, на его государевом новом дворе, построить каменную церковь во имя Живоносного Христова Воскресения. А по мере длина алтарю по средней окружности 3 сажени (сажень = 2,13 м. — *Авт.*), а по сторонним окружностям по полтрети (2,5) сажени. Вышина от моста (пола) до замка (верхней точки свода) 2 сажени с четвертью. Церкви длина полшесты (5,5) сажени, вышина 9 сажень; трапезам длина полтрети сажени, вышина 9 сажень, нижней — полтрети сажени; ширина церкви и трапезам по 6 сажень. А делать против чертежа и за указом подмастерским. Да на церкви сделать пять глав, средняя шея полая с пролетами. У северных, и у южных, и у западных дверей сделать рундуки вышиною по сажени, шириной по размеру. В церкви, и в алтаре, и в трапезах, и рундуки выстлать лещадьми в шахмат. В церкви же мосты ровнять с рундуками. А окон в церкви, и в алтаре, и в трапезах — сколько где понадобится. И совсем ту церковь отделать, и кружала выбрать, и помазать левкасом, и с лица отбелить».

Через месяц, 27 мая, Федор Алексеевич уточнил, что следует «сделать в прибавку вокруг церкви, и алтарей, и трапезы — паперти каменные вышиною с церковным полом

наровни; и против стенок церковных и против трапезных углов сделать шесть круглых башенок», причем подробно описал, как устраивать перила с ширинками (любимым своим украшением)¹. Помимо храма Воскресения, среди заказанных царем в это время построек было множество дворцовых, приказных и хозяйственных, колокольня в селе Измайлово, ворота в Алексеевском, канализация в Кремле (с диаметром основной трубы более 6 метров), каменная пятиглавая церковь в Котельниках, два каменных корпуса для Академии в Заиконоспасском монастыре (на Никольской улице) и т.п. Указы о срочных работах на новых объектах отдавались 7–9 раз в месяц. Неудивительно, что с весны 1676 по весну 1681 г. в Москву неоднократно вызывались каменщики и кирпичники из других районов страны².

Кремлевский дворец (включая хоромы царской семьи и дворцовые церкви), мастерские палаты (начиная с Оружейной) и комплекс приказных зданий — все было перестроено, соединено галереями, переходами и крыльцами, богато изукрашено. Царское хозяйство было моделью Российского царства и должно было выглядеть соответственно: как прекрасный, цветущий организм, озаряющий красотою Вселенную.

Крупнейший историк Москвы И.Е. Забелин особенно выделяет среди построек Федора Алексеевича в Кремле новые деревянные дворцы для него самого, царевен и царевича Ивана Алексеевича, верховые церкви Спаса Нерукотворного образа, Успения Богоматери (расписанные под мрамор), церковь Похвалы Богородицы на Потешном дворе и пятиглавый храм Св. Духа, Голгофу типа иерусалимской с чудными алебастровыми украшениями (в том числе шестьюдесятью «летающими» на проволоках херувимами) и Вертоград с Гробом Господним, Ответную и Панихиidianую

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. I. С. 615–631, цит. с. 616.

² ДАИ. Т. 7. – СПб., 1859. № 15. С. 100–103.

набережные палаты, а также палаты Сытного, Кормового и Хлебного дворцов¹.

При всех хоромах царской семьи имелись, разумеется, сады, кроме общего сада у Золотой палаты и висячего Набережного сада площадью около 1,2 квадратного километра, со 109 окнами по фасаду. Федор Алексеевич в 1681 г. построил в нем проточный пруд 10 на 8 метров и соорудил еще один висячий сад площадью более 350 квадратных метров со своим прудом, водовзводной башней и беседкой.

Царь не обольщался мечтой, что его тетки и единогуброчные сестры-царевны (по матери Милославские) будут гулять здесь под ручку с царицей Наталией Кирилловной (урожденной Нарышкиной) и ее отпрысками, и потому построил для тех и других еще поциальному саду, а при комнатах своего крестника царевича Петра — Потешную площадку, снабженную потешным шатром, потешной избой, рундуком с рогатками (пехотным ограждением), пушками и прочим воинским снаряжением. Собственный Новый деревянный Верхний сад Федора Алексеевича (с 1679 г.) имел 137 столпов с капителями, 15 решеток и 10 больших дверей (для изменения объемов), был украшен резьбой и росписью. По заказу государя придворный живописец Питер Энглес украсил «преспективным письмом» (живописью с прямой перспективой) и Нижний Набережный сад².

МУЗЫ И КНИГИ

Живопись была неотъемлемой частью царского окружения. Даже обычные игрушки Федора Алексеевича украшали такие замечательные живописцы и иконописцы, как

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 65–69.

² Там же. Т. I. С. 97–103.

Иван Безмин, Богдан Салтанов, Петр Афанасьев, Филипп Павлов, Дорофей Ермолаев, Никифор Бовыкин и др. С картинами малолетний царевич Федор встречался на каждом шагу: их писали и знаменитые иконописцы Симон Ушаков и Карп Золотарев, и царские иноземные мастера, картины и офорты закупались в Овощном ряду (на Красной площади), куда их везли купцы из всех стран. На столах царевича Богдан Салтанов живописал притчу о царе Константине, советующую хранить благочестие и уважать «своих рабов воинов» (1675), а также «притчи царя Соломона» (1676)¹.

Назидательные и познавательные картины с юности Федора вошли во дворец — и именно ему суждено было стать главным меценатом новой «перспективной» живописи в России. Царевич, а затем царь умел ценить труд своих художников; он сам был знаком с рисованием и живописью не понаслышке, заказывая в хоромы разнообразные краски и горшочки для их разведения².

Возмужав, Федор Алексеевич украшал живописными полотнами буквально все. В новопостроенную Голгофу Богдан Салтанов написал «Сошествие во ад», «Воскресение», «Вознесение» и «Явление Христа Марии Магдалине» (1679). Он же с Иваном Безминым, Иваном Мировским, Никифором Бовыкиным, мастерами и учениками расписали дворцовый фасад (1678–1679), холщовые «вставни» в каменных палатах, стены и потолки (по холсту в 800 аршин, аршин = 0,711 м) в семи комнатах нового царского дворца, в Крестовой палате патриарха и всех помещениях царевен, в трех комнатах в Новом потешном дворце. Уже в 1677–1678 гг. на Боярской площадке у Постельного крыльца, где всегда толпились ждавшие новостей придворные, стояла большая

¹ Там же. Т. I. С. 213.

² Там же. Т. II. С. 118–119.

аллегорическая картина «Видение царя Константина, когда ему явился крест в облаках на небе».

Основными темами картин, как следовало из учения Симеона Полоцкого, были назидательные притчи. Например, Питер Энглес писал для хором царицы Агафьи Симеоновны — первой супруги Федора Алексеевича — «притчи из Библии, из разных книг славянских и латинских», в частности — Давид благословляет Соломона, царица Савская перед Соломоном, брак царя Соломона, Идолопоклонение, притча пророка Изекии, Христос с учителями. Новые сюжеты понадобились для стен бывшего Приказа тайных дел; 63 аршина заняло изображение небесного свода с планетами и звездами (Салтанов — 1677 и Безмин — 1680) и т.д.¹.

Федор Алексеевич бережно хранил портреты отца, матери и царевича Алексея; в свою очередь его персоны были высокой наградой приближенным. В богатом портретном собрании боярина князя В.В. Голицына, например, было четыре разных персоны государя. Нельзя сказать, чтобы на сохранившихся портретах Федор Алексеевич выглядел болезненным юношей — скорее наоборот, его лицо выражает целеустремленность, энергию и даже веселость².

С живописью у маленького царевича Федора было связано и зарождение любви к книге. Он знакомился с живописным «Душевным лекарством» (1670), в 1672 г. «иконописец Петр Афанасьев писал царевичу две потешные книги: люди с боем»; в 1675 г. «иконописец Иван Филатов писал царевичу потешную книгу»³. Иллюстрации помога-

¹ Там же. Т. I. С. 79, 225, 68, 140, 190, 193, 199, 226; ср.: *Брюсова Н.Г. Русская живопись XVII века.* — М., 1984.

² *Забелин И.Е. Домашний быт русских царей.* Т. I. С. 227, 232–233; ср.: *Овчинникова Е.С. Портрет в русском искусстве XVII века.* — М., 1955.

³ *Забелин И.Е. Домашний быт русских царей.* Т. II. С. 172, 117, 120. Ср. с. 604.

ли изучать родословие (от римских кесарей) и геральдику, титулатуру русских государей и земель, их соседей, а также дипломатию в «Титулярнике» (1672), историю России в «Книге о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия» первого Романова, составленной в Посольском приказе.

Оригинальные «История о царях и великих князьях земли Русской» и «Родословие великих князей и царей российских» Петра Долгого и Федора Грибоедова соседствовали в изучении истории с традиционными летописями. Федор Алексеевич, очевидно, был хорошо знаком со знаменитым Лицевым сводом — крупнейшей русской иллюстрированной летописью, хранившейся в Оружейном приказе. В 1671 г. для свода было сделано особое «логалище», а уже весной 1677 г. указом царя Федора Алексеевича рукопись была тщательно реставрирована. В 1679 и 1680 гг. новые царские и царевнические палаты расписывались «притчами» по образцам иллюстраций свода. Работы выполнялись Карпом Золотаревым, Салтановым, Безминным и Энглесом. Молодой царь сумел даже возвратить часть листов, изъятую из рукописи свода патриархом Никоном, и перед смертью имел полный памятник в «комнате-книгохранилище», но при его преемниках драгоценные листы были почти целиком расташены¹.

Сумел Федор Алексеевич оценить и переводы, выполненные под руководством А.С. Матвеева в Посольском приказе, особенно «Хрисмологион» и «Василиологион», развивающие концепцию последовательной смены четырех монархий и толкующие о причинах возвышения и падения

¹ Подробнее см.: Пентковский А.М., Богданов А.П. Сведения о бытования книге Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода (далее – ИИИ СССР). – М., 1983. С. 61–95; *их же*. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Там же. – М., 1985. С. 92–108.

царств в зависимости от качеств государей. В его личной библиотеке, которая, к сожалению, описана была только после смерти государя (275 книг)¹, наряду с упомянутыми сочинениями, русскими летописями, Степенной книгой, хронографами и «историями», были киевский «Синопсис», исторические труды знаменитого Матвея Стрыйковского и др. западных авторов (на латинском и польском языках), оказавших значительное влияние на формирование новых представлений о тематике, задачах, методологии и приемах историографии, о самом ее значении. Федор Алексеевич пришел к выводу, что «народ российский исстари наипаче склонен был к воинским делам и оружию, нежели к свободным учениям, и для того лишен был учения исторического», а его «повести и летописцы» были «несовершенным описанием и не по обычаю историческому; притом и не согласуются между собою вовсе те летописцы».

Царь указал «собрать во единой исторической книге» сведения о происхождении славян и Руси и описать «потом по чину и по векам до сих времен — что учинилось в Российских государствах». Оценивать достоверность материалов государь предлагал по европейскому «обычаю историографов», опирающемуся на античную традицию (в этой связи упоминаются Геродот, Фукидид, Аристотель, Платон, Дионисий Геликарнасский, Полибий, Цицерон, Тацит, Василий Македонянин и др.). Было заявлено, «что во всех народах, что есть на свете, книги и истории своего государства — и начала, и предки их, и произведение — есть, от разных историков писаны и в типографии преданы; только московский народ и российский историю общую от начала своего не сложили, и не издано!»

¹ Опись книг см.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 599–607.

Достоверная, объективная, последовательная, объясняющая причины и ход событий история России, согласная с концепцией четырех мировых монархий, признавалась царем необходимым элементом человеческого знания. В сохранившемся «Предисловии» к заказанной Федором Алексеевичем книге, написанном, видимо, окольничим Алексеем Тимофеевичем Лихачевым незадолго до кончины государя, подчеркивается, что царская воля опиралась на комплекс мотивов. «Любомудрый» государь желал править народом «правдою, разсуждением и милосердием», «ко всенародной пользе». В связи с этим, в частности, Федор Алексеевич стремился свой народ «преукрасить всякими добродетелями, и учениями, и искусствами, и прославить не только нынешние российские народы, но и прежде бывших славных предков своих».

Создание печатной истории России как нельзя лучше отвечало последней цели, поскольку «ничем иным так не украшаются и не воспоминаются предки и народы, как разумными и истинными историями, потому что дела их славные бывшие, которые покрыты были тьмою забвения, все историями открываются». «И та есть всенародная польза, что не только самому себе, российскому народу, будет ведомость истинная о своих предках... но и иным народам будет познание и ведомость... а оттуда и слава московскому и российскому народу».

История, по Цицерону, — учительница жизни, благодаря которой человек, говоря словами Фукидида, познает настоящее и предвидит будущее. В то же время она выдвигается на первый план как ключ к современной системе знаний, «свободных мудростей». «И хотя через множество вещей, искусств и наук к совершенству познания... приходит человек, — пишет автор «Предисловия», — однако ж ничего так не украшает человека, и душевно, и телесно, и

всякое человеческое житие и гражданское пребывание (так не) исправляет и (не) ведет его к знанию всяких искусственных дел и к (появлению) совершенного человека, как история!» Ведь она не только «гражданскому и домашнему делу полезна — но и во всех делах, искусствах и учениях свободных, в которых история молчит, великое неисправление видится и несовершенство»¹.

СВОБОДНЫЕ МУДРОСТИ

Не следует вслед за И.Е. Забелиным предполагать, что «сведения о полном составе тогдашней науки... появились у нас» вместе с переведенной сотрудником Посольского приказа Николаем Спафарием в 1672 г. «Книги избранной вкратце о девяти музах и семи свободных художествах». «Сказание о семи свободных мудростях» появилось в России еще в конце XVI — начале XVII в. и было достаточно известно во времена Федора Алексеевича; о составе схоластических наук повествовали стихи придворного поэта и учителя царских детей Симеона Погоцкого и т.п. Представления не только о грамматике, риторике, диалектике (логике), арифметике, музыке, геометрии и астрологии, но и о других науках общего и частного университетского курсов в России последней четверти XVII в. были значительно глубже, чем принято считать².

Европейская схоластика, то есть академическая образованность того времени, слишком долго предавалась у нас проклятию как «латино-польское и малорусское влияние».

¹ См. текст: *Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение IV. С. XXXV–XLII.*

² Ср.: *Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 182–189; Богданов А.П. Карион Истомин и Ян Амос Коменский. С. 133.*

Глубоко освещающее проблему исследование А.С. Лаппо-Данилевского до последнего времени не было издано. Между тем академик ясно дал понять, что без анализа влияния схоластики невозможно понять очень многие явления русской мысли XVII в. в области морали, политики и культуры¹. О степени освоения Федором Алексеевичем различных отраслей современного ему знания можно судить по книгам его личной библиотеки, которые государь наверняка читал, поскольку, располагая царской, Посольского приказа и иными библиотеками, не был просто собирателем.

В малолетстве царевич имел, разумеется, букварь (даже три), азбуку и арифметику, не говоря уже о разных изданиях часослова и псалтыри, традиционно использовавшихся для начального обучения. Первым его учителем был взятый Хитрово из Дворцового судного приказа подьячий Афанасий Федосеевич Иванов. 3 мая 1667 г. и 1 июля 1669 г. он получил крупные награды за успехи своего ученика, 15 января 1672 г. был назначен вновь «в приказ», а 28 июля 1676 г., после венчания бывшего ученика на царство, роздал от своего имени 11 казенных рублей милостины. С 21 ноября 1670 г. подьячий Посольского приказа Панфил Тимофеевич Белянинов стал царевича Федора «учить писать». 24 ноября 1674 г. «за то, что он выучил... царевича... писать», Белянинов был пожалован в дьяки (в 1681 г. он стал думным дьяком). Все эти годы (1669–1674) для Федора Алексеевича изготавливали «учительные» книги, «учительную скамейку», существовала его «учительная палата»².

Первые Романовы писали крайне редко — это было не царское занятие, — и Федор не был исключением. Создается

¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. – М., 1990.

² Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. II. С. 156, 613, 616; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М., 1975. С. 204, 50.

впечатление, что подьячий Посольского приказа, где была великолепная писцовая школа, четыре года (!) занимался именно тем, что учил шифровать текст и вырабатывал у царевича особый, ни на что не похожий «царский почерк» — те кошмарные, подчеркнуто безграмотные каракули, которыми особенно прославился Петр I. В противном случае Алексей Михайлович, получив от сына шифрованное поздравление на Новый год, должен был лишить Белянина нова головы, а не присваивать новый чин¹.

Документы не упоминают в связи с образованием Федора Алексеевича Симеона Полоцкого, который, по общему мнению, был главным учителем царевича (а также его брата Ивана и сестры Софьи). Однако известно, что царь Федор проявлял к «отцу Симеону» огромное уважение, а после его кончины 25 августа 1680 г. заставил ученика Полоцкого Сильвестра Медведева 14 раз переделывать эпитафию, которую «указал на двух каменных таблицах вырезать, по златить и устроить над гробом... своей государской казною». Мало кто из величайших мужей России удостаивался тогда таких слов:

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися:
Учитель бо здесь токмо един таков быый,
Богослов правый, церкве доклада хранивый.
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный...²

¹ Правда, эта шифровка была написана аккуратнее, чем записки Федора после его восшествия на престол. См.: *Пересветов Р. Неожиданная разгадка // Наука и жизнь. 1966. № 7. С. 156–158.*

² Татарский И. Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). – М., 1886. С. 328–329.

Очевидно, именно Симеон Полоцкий выучил царевича Федора латинскому и польскому языкам. В библиотеке Федора Алексеевича ясно виден его глубокий интерес к истории церкви и богословию, в том числе к его южнорусскому и даже польскому направлению. Богато представлена в библиотеке риторика, много книг на разных языках по истории: славяно-русской, мировой, отдельно украинской, казанской, польской, римской, китайской. Вместо обычных в московских библиотеках «хождений» историко-географические знания Федор Алексеевич черпал, например, в «Проскинитарии» Арсения Суханова, латинских описаниях Амстердама и Рима. Русский перевод книги по астрономии соседствовал с латинской книгой по архитектуре.

Несколько отечественных трактатов по дипломатическому этикету и медицине пребывали в царской «комнатной» библиотеке вместе с переводным трактатом «О пушках» и еще 13 рукописными и печатными военными руководствами. Книга опального Никона сочеталась с материалами против раскольников. Наконец, у Федора Алексеевича были все новые труды Симеона Полоцкого и издания его украинских единомышленников.

Архиепископ Лазарь Баранович, основавший в 1674 г. типографию в Новгороде-Северском (в 1676 г. она была переведена в Чернигов), нисколько не сомневался, что Федор Алексеевич по образованию принадлежит к одной с ним культуре, и не ошибся. Еще в 1672 г., посвящая царевичу свои «Жития святых отцов», Баранович пояснял, что книгу «издал языком польским, ибо извещен, что царевич Феодор Алексеевич не только нашим природным, но и польским языком чтет книги»¹. Его довольно сложная по

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1962. Кн. VII. Т. 13. С. 182.

стилю и языку книга «Меч духовный» (Киев, 1666) оказалась в библиотеке Федора в 2 экземплярах, «Трубы словес проповедных» (Киев, 1674) — в шести, а «Огородок Марии Богородицы» — в 15 экземплярах!

Зная о внимании Федора Алексеевича к своему творчеству, Баранович сразу после восшествия государя на престол, 26 февраля 1676 г., послал в Москву весьма почтительную поэму «Вечерний плач и заутренняя радость» (о смерти Алексея и воцарении Федора), содержащую, как отметил А.С. Лаппо-Данилевский, схоластические рассуждения о качествах государя: великому разуме, любви к наукам, мудрецам и истории, к «сущим под собою» (подданным), к правде и закону, о милосердии царя и сотворении им «полезного всем и всему царству»¹.

«Вирши плачевые», как поэма названа в описи царской библиотеки, заняли почетное место рядом со сходным по теме «Гласом последним и заветом премудрым с благословением... Алексея Михайловича... на царство к сыну своему... Федору Алексеевичу»². После женитьбы Федора на Агафье Симеоновне Грушевской Лазарь Баранович поздравил его также достаточно сложной для не посвященных в схоластическую поэтику книгой «О пяти ранах Иисуса Христа» (на польском, латинском и церковнославянском языках). В ней, помимо призыва к решительной борбе с Турцией и Крымом, были помещены две публицистические гравюры, в духе барочной «эмблематической поэзии» прославляющие Московское государство, воинство и царскую чету за креп-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли. С. 86. Оригинал см.: Библиотека Российской Академии наук. Отдел рукописей (далее – БРАН). П.И.3. Сопроводительное письмо Лазаря Барановича см.: ДАИ. Т. 9. № 1.1.

² Текст см.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом, далее – ИРЛИ). Древлехранилище. Ф. 265. Оп. 3. № 60.

кую защиту православия и аллегорически изображающие победу разума и добродетели над пороками и смертью. Это было сугубо элитарное издание (Чернигов, 1680) ¹. Даже трактат Симеона Полоцкого «Венец веры кафолической», посвященный царевне Софье, оказался в библиотеке царя-книголюба и, согласно помете в описи, был передан царевне после его кончины.

¹ Каменева Т.Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. – М., 1959. Т. 3. С. 256; ее же. Орнаментика и иллюстрации черниговских изданий XVII–XVIII вв. // Книга. Исследования и материалы. Т. 29. – М., 1974. С. 176; Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. – М., 1982. С. 229–231. Экземпляры см.: БРАН. 7.2.48; 7.2.50; 7.2.51; Российская национальная библиотека (далее – РНБ). ОРК. № 1717 (Каратеева В.6.14).

Глава 3

ЦАРЬ-ФИЛОСОФ

Нет сомнений, что юный государь, с интересом читавший сложную схоластическую литературу, разделял философию освоенного им «учения». Это ярко проявилось в утвержденных им принципах реализации «свободных мудростей» в России — «Привилегии Московской Академии», — изложенных от царского лица лучшим учеником Полоцкого Сильвестром Медведевым¹. Ученые долго и не без причин старались затушевывать значение этого документа. Лучше всего выразил господствующий взгляд И. Е. Забелин, заявив, что до Петра знания были замкнуты «в одном кругу церковности».

«Об устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неотложно не только для укрепления, но и для спасения государства», не могло быть и речи, особенно «прямым учреждением... академии... по мирскому плану, согласно потребностям и интересам гражданственности, всеобщим интересам государства. О таком

¹ Подробнее о нижеизложенном см.: Богданов А. П. К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // ИИИ СССР XVI–XVIII вв. – М., 1986. С. 177–209; *его же*. Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4. С. 128–134; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. – М., 1989. С. 74–88.

решении, — утверждал историк, — в умах того времени не могло возникнуть и помышления, по той причине, что не были еще ясно поняты и сознаны сами эти государственные потребности».

Это глубокое заблуждение, лежащее в основе легенды о «Петре Великом», разбивается уже начальными фразами «Привилегии»: «Первая и величайшая должность государя — охранение восточной православной веры и о расширении ее помышление; так же той подобная — о благочинном государства управлении и о защщении иметь тщание. Знаем же едину оных и прочих царских должностей родительницу, и всяких благ изобретательницу и совершившельницу быть: мудрость». Именно учением, науками «все царства благочинное расположение, правосудия управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают!» — утверждает царь Федор. Очевидно, что мысль о значении науки для «укрепления и прославления государства» (И.Е. Забелин) зародилась в России не только у «маленького, а потом взрослого Петра-Преобразователя».

ЦЕРКОВНОЕ УЧИЛИЩЕ ИЛИ УНИВЕРСИТЕТ?

Но может быть, старший брат Петра имел в виду некоторую исключительно религиозную, «латинско-польскую» ученость, в корне отличную от «немецкой» светской науки — не зря же об этом различии долго твердили историки. Отнюдь нет — гражданские знания, дающие вполне реальные блага, стоят у Федора на первом месте. «Сокращенно же скажем: мудростью в вещах гражданских и духовных познаем доброе и злое... ни о чем же так тщание наше составляем, как о изобретении премудрости, с нею же все благое от Бога людям даруется». Основание Академии, как

в России называли тогда университеты, — «всему нашему царству полезное... дело».

То, что за образец взят университет, выражено ясно: царь пожелал «на взыскание свободных учений мудрости... храмы чином Академии утвердить. И в них хотим семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, начиная с грамматики, поэтики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной (т.е. логики, метафизики и этики), даже до богословия... постановить. При том же учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии... составляется — быть!»

Классическим для европейского университета был и набор языков обучения — латынь, греческий и родной, в данном случае славянский. Прямо из университетских уставов были заимствованы положения: о совете Академии из преподавателей духовного и мирского звания во главе с блюстителем; о судебной и полицейской автономии Академии (даже по обвинению в убийстве студента нельзя было арестовать без разрешения блюстителя); об автономных источниках ее финансирования.

Русские условия — прежде всего устройство университета «сверху», царским решением и для общегосударственной пользы — наложили, конечно, свой отпечаток, но в сугубо положительном плане. Государь приписывал к Академии дворцовые волости, передавал ей бесценную царскую библиотеку, освобождал студентов от разнообразных преследований и, главное, гарантировал выпускникам высокий гражданский статус.

Избравшие светскую карьеру «по совершении свободных учений будут милостиво пожалованы в приличные их разуму чины» — гласила «Привилегия». «А не учащихся свободным учениям всяких чинов людей, детей их, разве

благородных, в наши государские чины... ни за какие дела, кроме учения, и явственных на войнах и иных государственных нашей государствской чести ко умножению и государства к расширению свершений — не допускать!»

Достаточно добавить, что по замыслу Медведева Академия была всесословной, неимущим студентам платили стипендию и замораживали долги за родителей, чтобы понять революционность документа. То, что Россия и в лучшие времена не имела (и не имеет) подобного заведения, объясняет желание многих историков воспринимать «При-вилигию» как мечту монаха-просветителя, не утвержденную царем. К счастью, нам удалось обнаружить доказательства, что документ был подписан, что это именно «постановление», «царская утвердительная грамота», выражавшая волю суверена. Власть в кои-то веки проявила мудрость, и этой властью был царь Федор Алексеевич!

Но ведь Академия так и не возникла, царь умер, а то, что назвали значительно позже Славяно-греко-латинской академией, нельзя рассматривать даже как пародию на его замысел! Не была создана и ученая история России, так что Федор Алексеевич, по-видимому, ничего не добился. Однако представляется важным, что современники долго помнили о проекте Академии и «мудроборцам» не удалось обмануть их своими «эллино-славянскими школами», специально открытыми в 1680-х гг. на месте, где она должна была стоять. Думаю, что и потомкам проект помогает понять убожество наших университетов.

Дорогостоящим было и царское одобрение исторической учености. Уже в начале 1680-х гг. появилась «Генеалогия» Игнтия Римского-Корсакова со всеми признаками научной монографии. Во второй половине 1680-х гг. решением проблемы достоверности исторических сведений занимались даже летописцы главного «мудроборца» патриарха Иоакима.

Тогда же Сильвестр Медведев теоретически и практически развел изложенные в «Предисловии» к ненаписанной истории России представления в «Созерцании кратком» и «Известии истинном». А в 1692 г. Андрей Иванович Лызлов, начинавший свою литературную деятельность при царе Федоре, завершил первую обобщающую историческую монографию в России — «Скифскую историю», ставшую важным этапом формирования отечественной исторической науки¹.

Сложнее вопрос, какую роль играл в этих проектах сам Федор — не являлся ли он пассивным подписантом того, что подсовывали ему приближенные? Пусть изложенное А.П. Лихачевым и Сильвестром Медведевым соответствовало его взглядам, но сам-то он мог не прилагать никаких усилий для их воплощения в жизнь! Почему, например, «При-вилегия» была утверждена им чуть ли не перед смертью? Конечно, Федор Алексеевич не предполагал, что умирает в разгар реформ, собираясь во второй раз жениться. Но главное не в этом. Реализация замыслов такого рода требовала наличия исполнителей и условий — а их ранее не было.

Симеон Полоцкий ко времени воцарения Федора отошел от педагогической деятельности и не столь активно занимался даже издательским делом, к которому прежде призывал. Медведев вернулся в Москву из негласной ссылки в мае 1677 г., и вскоре Федор Алексеевич лично переговорил с ним, посетив Заиконоспасский монастырь на Никольской

¹ Андрей Лызлов. Скифская история / Богданов А.П., Чистякова Е.В. – М., 1990; Игнатьй Римский-Корсаков. Генеалогия / Богданов А.П. – М., 1994; Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. – М., 1988; Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». – М., 1994; *его же*. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. – М., 1995.

улице¹. Именно царь «не единократно приказал» Сильвестру жить в Москве и велел дать ему богатейшую, кроме Симеоновой, келью.

Воздействием царя можно объяснить стремительную карьеру Медведева на Печатном дворе. А в ноябре 1677 г. Федор Алексеевич санкционировал создание в Кремле Верхней типографии, издания которой были впоследствии прокляты патриархом. Это было, по оценке исследователей, «невероятным событием, неслыханным новшеством» — мощное бесцензурное издательство для новой, в том числе беллетристической, литературы. И оно могло осуществиться только потому, что царь нашел Медведева — человека, способного взять на себя практически всю редакционную сторону этого направления программы просветительской деятельности.

Типография с новейшим оборудованием и участием в оформлении книг главы царских живописцев Симона Ушакова выдала первую продукцию в 1679 г. Тогда же далеко за границами России услышали о твердом намерении государя «Академию устроить». Одни, как А.Х. Белобоцкий, устремились в Москву, чтобы передать студентам знания, полученные в университетах Франции, Италии и Испании. Из самого Иерусалима патриарх Досифей слал царю и патриарху Иоакиму грамоты с требованием вовсе запретить в России книги на латыни — этом универсальном языке науки, — а укрывателей их казнить смертью. Отечественные «мудроборцы» кричали, что если в Москве станут изучать латинский язык, то она станет добычей иезуитов, призывали «угасить малую искру латинского учения», иначе «пламень западного зломысленного мудрования... попалит... православия восточного истину».

¹ Подробнее см.: Богданов А.П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84–98.

Будучи не в силах воспрепятствовать открытию Медведевым на средства царя Федора славяно-латинского училища, «мудроборцы» во главе с патриархом Иоакимом и при помощи Досифея отошли на вторую линию обороны, доказывая, что учиться можно, но только духовным вещам и... по-гречески. В том же 1681 г. они открыли Типографскую славяно-греческую школу, продолжая усиленно проклинать латынь и вовсе не упоминая о существовании светской науки. Понятно, почему в «Привилегии» появилось положение, что только совет Академии может объявлять какие-либо учения и книги опасными для веры и «свидетельствовать» благочестие преподавателей.

Объявляя, что Академия как раз и защитит чистоту православия, Федор Алексеевич выбивал оружие из рук «мудроборцев». Царь и в этом, как и в других случаях, шел на острый конфликт с патриархом, но на сей раз не собирался отступать. Принципы Академии были объявлены, кадры для нее готовились, но смерть унесла самодержца. При царевне Софье Верхняя типография была разгромлена, славяно-латинское училище закрыто: сочувствовавшая Медведеву правительница не смогла противостоять патриарху. После свержения царевны, по требованию Иоакима, Медведеву отрубили голову.

МИЛОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ

Не менее последовательно Федор Алексеевич реализовал и другие свойства и цели, которые предписывались правителю наукой, например разумное милосердие. Он не ограничился обычной амнистией по случаю траура после кончины отца. Именными указами от 5 и 22 февраля 1676 г. юный царь велел не наказывать никого «на теле» за драки,

пьянство и неуплату судебных пошлин на время длительного траура, но брать с виновных двойной штраф (здесь и далее, кроме оговоренных случаев, ссылки в тексте даются на Полное собрание законов Российской империи. Серия I. СПб., 1830. Т. II. № 623, 629).

Указ от 10 сентября 1679 г. показал, что царь настойчив в желании смягчить зверство казней. Отныне преступников, приговоренных к отсечению рук и ног, следовало не казнить, а ссылать в Сибирь с женами и детьми (№ 772). 17 ноября 1680 г. Федор Алексеевич указал и бояре приговорили не отрубать даже и двух пальцев за первое и второе преступление, а также не ссылать в Сибирь с родителями детей старше трех лет (№ 846).

О детях, которых не содержат должным образом родители (особенно нищие), и вообще о беспризорниках Федор Алексеевич готовил в 1682 г. любопытный указ. Их следовало собирать в особых дворах и учить наукам и ремеслам, особенно таким, которые насущно необходимы государству: математике, «фортификации или инженерной науке», архитектуре, живописи, геометрии, артиллерии, делу шелковому, суконному, золотому и серебряному, часовому, токарному, костячному, кузнецкому, оружейному.

В результате «от таких гуляк, которые ныне зря хлеб едят, выучившись, великому государю великая прибыль была бы. И вместо иноземцев, которых с великой трудностью достают и которые на малое время выезжают, да и то многие в тех науках не совершенны, можно бы и своих завести... А без тех... наук... невозможно никакими мерами добрую, благополучную и прибыточную войну вести, даже и великим многолюдством».

Благодаря обучению многие тысячи бесполезных и опасных для благочиния людей стали бы сами зарабатывать свой хлеб, причем «те бы статьи, которые ныне привозят из

иных государств, учили бы делать в Московском государстве, и от того бы родилось, что за московские товары стали бы платить, вместо товаров, золотом и серебром. И так бы богатства множились».

Проект строительства воспитательных домов по всему государству был весьма обширен, как и проект строительства богаделен, благодаря которым «не только в Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего по улицам бродящего не будет». Проект подразумевал, что существуют «бедные,увечные и старые люди, которые никакой работы работать не могут, а особенно служилого чина, которые тяжкими ранами на государевых службах изувечены, а приюта себе не имеют — и должно по смерть их кормить».

Дело это, считал царь, не только богоугодное, но и полезное для государства. Ведь помимо больных и увечных по улицам просят милостыню немало здоровых — приворовывают, наводят разбойников, да и детей своих иному не учат. Когда больные будут взяты на излечение в богадельни к докторам Аптекарского приказа, улицы очистятся от зарязы, неспособные работать старики будут в богадельнях накормлены и ухожены — соответственно, поддельным нищим придется покинуть улицы, они «принуждены будут хлеб свой заживать работой или каким ремеслом к общепринятой пользе».

Проект можно было бы отнести к мечтаниям, если бы он не был приложен как общая мотивация к вполне реальному указу Федора Алексеевича о строительстве богаделен в Знаменском монастыре в Китай-городе и на бывшем Гранатном дворе за Никитскими воротами. К каждой приписывались церковные и монастырские вотчины, причем указ прямо рассматривался как начало широкой работы по устроению учреждений общественного призрения во всем государстве,

сбору для этого средств, распределению нищих по монастырям. Уже первый шаг был рассчитан на устройство до тысячи больных и стариков¹.

Не забывал Федор Алексеевич о милости к «тюремным сидельцам», стараясь избавить их от непомерных страданий. На 15-й день своего царствования он повелел дела всех содержащихся в Разбойном приказе колодников решать незамедлительно «и колодников освобождать без всякого задержания»; те же дела, которые решить быстро в приказе нельзя, представлять на рассмотрение ему лично (№ 626). 13 ноября 1676 г. царь указал и бояре приговорили безусловно освобождать крестьян и холопов, которые под пыткой отвели от себя обвинения хозяев, но «взять тех людей и крестьян с распиской некому, а порук по них нет, и затем сидят в тюрьме многое время». Чтобы впредь избежать этого, велено было кормить таких обвиняемых в тюрьмах за счет хозяев, а не казны (№ 669).

Именные, то есть личные, указы государя были кратки и энергичны. Например, узнав о практике разных приказов задерживать до надобности людей в тюрьме без обвинения, 6 мая 1677 г. «великий государь указал: колодников, которые присланы будут на Тюремный двор из разных приказов для бережения, не принимать» (№ 691). 29 января 1680 г. царь указал, «чтоб в городах в приказных избах и в тюрьмах колодников никого ни в каких делах многих дней не держали»: дела следовало решить и отчет о них прислать государю «без всяких проволочек». «А которые колодники в тех городах впредь будут — и их в приказных избах и в тюрьмах не держать» под угрозой пени в 100 рублей с каждого судью-волокитчика².

¹ Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича. Приложение XVII. С. 86–100.

² АИ. Т. 5. № 55.

31 марта 1680 г. государь именным указом объявил, что по городам посланы специальные «разборщики» для решения дел заключенных в тюрьмах «по указным новым статьям» (№ 815). Мотивы своего решения Федор Алексеевич ясно выразил в указе от 13 ноября 1680 г. о традиционных тюремных поборах: «Впредь тюремным сидельцам влазного с новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, братъ не велено, чтоб в том бедным людям тягот и мучительства не было» (№ 845).

В государстве, где «тяготы и мучительство» заключенных и кошмар бесконечного предварительного заключения до сих пор являются делом обычным, такие указы относительно уголовников звучат сказкой. Следует учесть также указы 1676–1679 гг. по гражданским делам, штрафами лишающие состязающиеся стороны возможности вести ложные споры и волокитить друг друга, а также защищающие военнослужащих на действительной службе (№ 636, 653, 687, 740, 760, 680). А русский царь имел в виду всего лишь «схоластический» постулат, что надежда подданных на скорый и правый суд есть необходимое условие социального мира.

СМУТА «В ВЕРХАХ»

Сподвижник царя Федора историк Медведев благоразумно заметил, что «когда господь Бог хочет какую страну... наказать — тогда прежде всего отнимает мудрых правителей и сострадателей людям благих». «Когда царские советники между собой о селах и о достоинствах или о корыстях бранятся — тогда... государство от смуты не вольно есть, а за смутой погибель государству последует», — писал Медведев

о высшем управляющем звене¹, с недостатками которого Федору Алексеевичу пришлось столкнуться сразу по своему неожиданному восшествии на престол.

Царевич знал, конечно, что должен наследовать трон — он был торжественно «объявлен» церкви, двору и народу еще 1 сентября 1674 г., о чем по стране была разослана окружная грамота, сообщавшая о богатых пожалованиях всему дворянству в честь «той нашей царского величества и всемирной радости»². Но Алексей Михайлович правил столь долго и имел столь крепкий организм, что его недомогания не вызывали беспокойства даже у ближайших сотрудников.

В январе 1676 г. царь давал аудиенцию послам Генеральных штатов, на следующий день с царицами и вельможами слушал знаменитого музыканта-вундеркинда, а назавтра занемог от простуды. Уже страдая от лихорадки, государь требовал ледяного кваса, не лечился; переговоры предполагалось отложить недели на две; через неделю положение больного сделалось безнадежным. 29 января Алексей Михайлович исповедался, причастился и в 4-м часу ночи на 30-е испустил дух.

Едва ударил большой колокол, извещающий о кончине государя, как толпа думных людей ввалилась в хоромы Федора Алексеевича и под руки повлекла его вниз, в Грановитую палату: у царевича так опухли ноги, что уже днем он не мог ходить. Тело отца еще не успело остывать, как Федор Алексеевич был усажен на принесенный из казны парадный трон и обряжен в царское облачение. Всю ночь и все утро присягали новому царю придворные, духовенство, офицеры и приказные, дворцовые служители и случившиеся в сто-

¹ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое». С. 40, 38.

² Чин объявления см.: СГИД. – М., 1826. Т. 4. № 97. С. 316–321.

лице выборные городовые дворяне. На похоронах Алексея Михайловича 30 января Федора несли на носилках.

Лишь затем новоиспеченный царь получил некоторую свободу: приведение к присяге продолжалось на площадях Кремля, в стрелецких и солдатских слободах, в московских приходских церквях, крестоцеловальные грамоты рассыпались по всей стране (по крайней мере до 10 февраля). Первый именной указ Федор Алексеевич издал 31 января: он требовал, чтобы придворные, не приехавшие во дворец по болезни, осматривались и приводились к присяге разрядными дьяками «у приходских церквей, где кто живет»¹. Этот указ, и нервозная поспешность присяги новому царю, и недостойная скоропалительность прощания с почившим государем выдавали страх перед междоусобицей и смутой, которые мог породить пустующий престол.

Объявлялось, что Алексей Михайлович перед смертью завещал царство старшему сыну, но ходили слухи, что первый министр завершившегося царствования боярин А.С. Матвеев пытался посадить на трон Петра Алексеевича. В этом была логика — мать младшего царевича и родственники по ее линии Нарышкины были ставленниками Матвеева, который мог бы сделаться при Петре всемогущим регентом. Говорили, что канцлер Матвеев убеждал умирающего царя и бояр, что Федор Алексеевич очень болен, даже «мало надежд на его жизнь», Иван Алексеевич тоже не способен править, тогда как Петр на диво здоров. И в этих разговорах был смысл, поскольку состояние Федора вызывало острое беспокойство: по слухам, его тетки и сестры безысходно находились у постели нового царя².

¹ События подробно описаны: *Кийэт Б.* Исторический рассказ. С. 415–420, 429–433; ПСЗ--I. Т. II. СПб., 1830. № 619, 620, 622, 624; ДАИ. Т. 7. № 1, 2; СГГИД. Т. 4. № 103, 104.

² РГАДА. Портфели Миллера. № 53. Л. 3–4 (разбор донесения польского резидента Свидерского); Повествование о московских про-

Легко представить себе, что сторонники Федора Алексеевича питали самое черное недоверие к Аптекарскому приказу, который с 1672 г. возглавлялся А.С. Матвеевым. 1 февраля тот был удален от должности, а 8 числа руководство царской медициной принял безупречный кандидат — боярин Н.И.Одоевский. Неделю он входил в дела — 14 же февраля устроил консилиум шести ведущих медиков страны (описанный нами в 1-й главе). Обследование больного и анализы показали, «что его государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи (так! — *Авт.*), но от его царского величества природы... та де цинга была отца его государева... в персоне». Обострения бывают сезонные, вылечить Федора можно «только исподволь, а не скорым временем», с помощью внутренних и внешних укрепляющих средств, «сухой ванны», мазей на «ножки». Боярская дума с удовлетворением услыхала, что «вся его государская утроба здорова», только организм ослаблен¹.

Бояре облегченно вздохнули: можно было думать о новом распределении власти в Думе, где главными лицами, по мнению голландских послов, были Б.М. Хитрово («который у нынешнего царя получил наибольшее влияние из всех министров»), Ю.А. Долгоруков, Н.И. Одоевский и А.С. Матвеев, который даже при иностранцах не мог сдержать слез, но уже 31 января гарантировал, что для него «при дворе и теперь все останется по-прежнему», «что все те же господа останутся у власти, кроме разве того, что ввиду мало-

исшествиях. С. 70–73; Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. — СПб., 1901 (польский оригинал и перевод). С. 15–16; Таннер Б. Описание путешествия. С. 127; Andreeae Chrisostomi Zaluski, Varmiensis Episcopi, epistolarum historicoco-familiarum, tomus primus. Brunsbergae, 1709. Р. 600.

¹ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). — СПб., 1907. Т. XXI. С. 284; Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 184; Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложения, № I. С. I–IV.

летства его царского величества четверо знатнейших будут управлять наряду с ним¹. Очевидно, под четвертым имелся в виду боярин И.М. Милославский, с которым Хитрово и Долгоруков, по словам В.Н. Татищева, предусмотрительно решили разделить власть, не дожидаясь на себя гнева родственника Федора по матери².

Подразумевалось, что вся система власти останется как при Алексее Михайловиче. Тогда малочисленная Боярская дума (около 70 человек, из которых около 23–25 бояр, считая вместе с пребывавшими на воеводствах и в посольствах) выдвигала лишь несколько активных членов, пользовавшихся особым доверием царя, который руководил с помощью первого министра-фаворита (типа А.Л. Ордина-Нащокина и А.С. Матвеева) и контролировал администрацию через личную канцелярию — Приказ тайных дел. Традиция, правда, требовала свержения старого фаворита Матвеева и унижения Нарышкиных, но Федор Алексеевич оказался неожиданно глух к наветам обиженных Матвеевым.

Согласно «Истории о невинном заточении... Матвеева», царя уговаривали самые близкие люди, против временщика выдвигали страшные обвинения — но Федор Алексеевич согласился удалить Матвеева от двора лишь через полгода, в июле. Понадобились новые ужасные клеветы, чтобы спустя год, в июне 1677-го, царь согласился заменить недоверие на ссылку, причем самым сильным для него обвинением стало, видимо, незаконное обогащение боярина.

Упорно не желал молодой царь допускать расправу с ненавистными родне его матери Нарышкиными. Отец второй жены Алексея Михайловича боярин Кирилл Полуэктович

¹ Койэт Б. Исторический рассказ. С. 403, 459, 504, 517, 434; слова Койэта не расходятся со смыслом рассказа в «Истории о невинном заточении» и др. источниками.

² Татищев В.Н. История Российской. С. 172–173.

Нарышкин уступил руководство важнейшими финансовыми приказами — Большой казны и Большого прихода — лишь 17 октября 1676 г. В 1677 г. братья царицы Иван и Афанасий Нарышкины были приговорены Думой к смерти по обвинению в подготовке убийства государя; Федор Алексеевич лично заменил казнь недалекой ссылкой.

В связи с этим страшным делом появился указ от 26 октября 1677 г. о постройке для царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра новых хором в дальнем углу дворцового комплекса. Но мать и сын воспротивились, обратились к царю — и остались в своих хоромах, примыкающих прямо к палатам Федора Алексеевича, с гульбищами и окнами на одном уровне! Говорили, что Федор Алексеевич запретил приближенным впредь упоминать при нем о малейшем ущемлении прав младшего брата и мачехи; государь сам переехал в новые хоромы¹.

Характерно, что даже такие яркие апологеты Петра (и не-навистники Милославских), как А.А. Матвеев (сын опального канцлера), В.Н. Татищев и П.Н. Крекшин, писали о самом добром и заботливом, прямо-таки отцовском отношении Федора Алексеевича к его маленькому крестнику. Хоть царь и поддавался влияниям, в важных вопросах, в отношении к родственникам, и прежде всего в функционировании государственного аппарата, он вел свою линию.

СОБРАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

Так же, как надежда А.С. Матвеева оставаться у власти, не сбылось его предсказание о боярском регентстве при Федоре. Уже на третий день царствования юный государь дал

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. Т. I. С. 66, 86; Сахаров И.П. Записки русских людей. С. 22–24 (рассказ Н.П. Крекшина).

понять, что имеет свое представление об обязанностях царя и предназначении Боярской думы. Большой, едва способный передвигаться, оглушенный смертью отца и суетой близких людей, Федор Алексеевич немедленно сел за дела сам и с обычным для его последующих распоряжений лаконизмом указал: «Боярам, окольничим и думным людям съезжаться в Верх в первом часу (т.е. с рассветом. — Авт.) и сидеть за делами» (№ 621).

Перечисленные в указе чины составляли Боярскую думу: высший законодательный и распорядительный орган страны. Конечно, законы и распоряжения царь мог издавать сам, просто продиктовав их чиновникам: до середины XVII в. такие личные, «именные» указы государя даже не подписывались. Первые Романовы старались принимать важнейшие указы вместе с Боярской думой, по формуле: «царь указал и бояре приговорили». Уже в самом понятии этого «указа» выражалась принципиальная неразделенность законодательной и исполнительной власти в России: воля государя (который мог внимать мнению Думы, советоваться с патриархом и архиереями, даже с Земским собором) была и распоряжением, и законом.

Однако с первых дней правления погрузившись в дела, молодой царь быстро понял, что такая система высшей власти недостаточна для огромного, богатого и могучего государства. Его личный кабинет, совещательная комната во дворце, столы в Грановитой и Золотой палатах, где заседала Боярская дума, ежедневно были завалены кипами требовавших срочного решения текущих дел, а между тем страна остро нуждалась в новых законах. Законодательное регулирование требовалось настоятельно: управлять государством в его новом, невиданном масштабе по старинке было невозможно. Первым побуждением Федора Алексеевича было усилить Думу, переложив на нее массу текущих

исполнительных и законодательных дел, но этого оказалось недостаточно.

Отношение царя Федора к Боярской думе как к постоянно действующему высшему государственному учреждению заметно сказалось на увеличении числа думцев. Согласно общей таблице, составленной американским историком Р.О. Крамми, в первый год царствования Михаила Романова (1613) в Думе было 29 человек, а в последний (1645) – 28 (хотя в отдельные годы состав думцев расширялся до 37). С первого полного года царствования Алексея Михайловича (1646) до 1659 г. число членов Думы непрерывно росло от 39 до 71 человека, затем колебалось в разные годы от 65 до 74 – и в последний год царствования составляло 70 человек.

Краткое царствование Федора Алексеевича положило начало резкому скачку численности Думы: начав с 66 человек (1676), он довел их число до 99 (1681), царевна Софья и В.В. Голицын (1682–1689) расширили список до 145 человек, а Нарышкины к 1690 г. – до 153-х. При этом число думных дьяков, долго остававшееся стабильным (около 3) и резко возросшее в конце царствования Алексея до 8 (с 1666 по 1675), вновь стабилизировалось (от 8 до 10 при Федоре, хотя бывало и 11, с 11 до 6 при Софье и 9 при Нарышкиных). Число думных дворян, выросшее при Алексее с 1 до 22, Федор Алексеевич сократил до 19 (в 1678 г. их было всего 14). Число окольничих при нем хоть и возросло с 13 до 26, но оставалось в пределах их численности при отце (скачок до 54 произошел в последние годы).

Небывалый прирост численности Думы в царствование Федора Алексеевича произошел за счет лиц первого ранга, главных и равноправных (по идее) заседателей высшего коллегиального государственного учреждения. В 1676 г. Дума насчитывала 23 боярина, а в 1681 г. – 44 (к 1690 г. их стало

52). Между тем при Михаиле бояр никогда не было более 28 (временами их число сокращалось до 14), при Алексее — более 32 (а бывало и 22)¹. Идея Федора была понятна: вводя в думу специалистов, естественно, в нижних ее чинах, он не ускорил бы работу, если бы все вопросы упирались в узкий круг старых бояр из аристократических родов.

Увеличение числа бояр при Федоре, в отличие от правлений царевны Софьи и Нарышкиных, не давало значительного перевеса каким-либо фамильным группировкам. Распределение высших чинов между родами не было следствием одоления противников в политической борьбе, когда в Думу врывалось, бывало, чуть не с десяток представителей фамилий фаворитов (пример — Нарышкины с клевретами после пропетровского переворота весной 1682 г.). В царствование Федора Алексеевича сидячие места в Думе (принадлежавшие только царю, занимавшему трон, и располагавшимся на лавках боярам) в основном соответствовали знатности родов, их военным заслугам, роли в дворцовом управлении и лишь в последнюю очередь — личной близости к государю.

Среди бояр Федора число членов знатнейшего рода Одоевских порой доходило до 4-х — столько же стало к концу царствования прославившихся боевыми заслугами Ромодановских. До 3 мест занимали между боярами привилегированные Голицыны и Шерemetевы, выслужившиеся Долгоруковы и Прозоровские. По двое были представлены фамилии Куракиных, Хованских, Черкасских, Хитрово, Стрешневых и Милославских. Хотя такие властолюбцы, как Милославские, способны были несколько расширить свои позиции за счет создания разного рода комплотов и чина окольничего (Матвей Богданович с июня 1676 г.), получать

¹ Crummy R.O. Aristocrats and Servitors. P. 175–177.

который знатнейшие 16 родов не могли (а еще 4 рода не хотели), решительного преобладания в Думе царя Федора не имели ни они, ни какой-либо из аристократических кланов. Сама борьба между группировками, разбавленными притоком новых выслуженных бояр, в 1676—1681 гг. явно поутихла¹.

Расширение Боярской думы при Федоре соответствовало общим интересам верхушки Государева двора — как аристократии, так и служилых выдвиженцев. Последние в 1676—1681 гг. ощутимо набирают силу, ярче проявляют себя как сословная группа в законодательных и исполнительных делах. Боярская дума в полном составе (за исключением отъехавших на службу воевод и дипломатов) усиленно разрабатывала, например, поместно-вотчинное законодательство в интересах родового дворянства. Этот интерес Думы к кодификации законов царь должным образом оценил. С годами он все более загружал бояр именно обсуждением, редактированием и утверждением законов.

Федором Алексеевичем и Думой неоднократно утверждались даже не отдельные законы, а целые серии (из десятков статей) дополнений к Соборному уложению 1649 г. (№ 633, 634, 644, 700, 814, 860). Эти и еще более 70 отдельных узаконений² последовательно укрепляли и расширяли земле- и душевладение служилых феодалов, заботливо оберегали родовую собственность, все более сближали поместья с вотчинами и увеличивали вторые за счет первых. Дворянство, с одной стороны, ограждалось от притока лиц из

¹ Ср.: *Crumm R.O. Aristocrats and Servitors. P.198–203; Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. Приложения IV–VIII. С. 7–22.*

² ПСЗ-1. Т. II. № 627–628, 630, 632, 638–640, 641, 643, 645–646, 650–651, 653–655, 657–658, 668, 673–675, 682, 686–687, 690, 692, 694, 696–697, 702, 708, 717–719, 721, 724–727, 740, 742, 749, 751–754, 757–758, 761, 763–768, 773–774, 781, 784, 786–789, 796, 803, 821, 848, 852, 909.

податных сословий¹, с другой — постепенно, но настойчиво приближало положение крестьян поместных к вотчинным и дворовым. А правительство указами 1681—1682 гг. постановило записывать крестьян за владельцами в приказе Холопьего суда с пошлинами, как с холопых кабал². Нет сомнений, что государь одобрял эту начатую не при нем и не на нем кончившуюся юридическую деятельность (и расширял сферу ее применения передачей дворянству значительных фондов дворцовых земель).

Надо, однако, отметить, что личное участие в отложенном им процессе поместно-вотчинного законотворчества царя не очень занимало. Если дополнительные статьи к Уложению по вопросам судопроизводства были утверждены Федором Алексеевичем на основе справки из Судного приказа, но без Думы (19 декабря 1681), именным указом³, то поместно-вотчинные узаконения в некоторых случаях вводились в действие без царя, одним боярским приговором (№ 682, 686, 687).

Формула «государь указал и бояре приговорили» изменилась в таких случаях на: «по указу великого государя бояре приговорили», — т.е. фиксировала трансляцию полномочий сюзерена на высшее государственное учреждение. «По указу» означало, что Боярская дума получила от царя полномочия принимать законы, стала, в определенных пределах, самостоятельным законодательным органом. «Боярский приговор», долго толковавшийся как обстоятельство решения царя, принятого с его окружением, стал при Федоре Алексеевиче таким же законом, как пресловутый «указ».

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. — СПб., 1909. С. 198.

² Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). — СПб., 1898. С. 283—284.

³ ДАИ. Т. 8. № 108. С. 335—344.

Еще дальше этот процесс зашел в области административной практики, к которой государь, как мы помним, прилежал с первых дней царствования. 4 августа 1676 г. Федор Алексеевич указал: «Из приказов судьям дела, которых им в приказе вершить невозможно, взносить к боярам для verrshenia поденно». Этим государь устанавливал обязанности и для себя, ибо по заведенному обычаю получал предварительное уведомление о всех текущих делах (традиционная помета на которых гласила: «государю ведомо и боярам членено»).

В пятницу Думе докладывались дела из Разряда, Посьольского и подчиненных ему приказов, в понедельник — из Большой казны, Иноземного, Рейтарского, Большого прихода и Ямского, во вторник — из Казанского дворца, Поместного, Сибирского и Челобитного, в среду — из Большого дворца, Судного дворцового, Оружейного, Костромской чети и Пушкарского, в четверг — из Владимира и Московского судных, Земского, в новую пятницу — из Стрелецкого, Разбойного, Хлебного и Устюжской четверти. Поскольку число центральных ведомств не укладывалось в пятидневную рабочую неделю царя и Боярской думы, график вынужденно был сделан скользящим (№ 656).

Обилие исполнительных дел лежало на царе и его Думе тяжким грузом: ведь по многим вопросам их компетенции центральные государственные учреждения не могли принимать самостоятельных решений, вынося их «на верх». «Верхом» звался тогда царский дворец, точнее — его внутренние покои (действительно располагавшиеся на верхних этажах). В немалой мере освободить от них себя и бояр-законодателей Федору Алексеевичу помогла московская административная практика, из которой он смог сделать правильные выводы.

РОЖДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Отъезды государя из Москвы не должны были нарушать ритм работы связки центральных ведомств и Думы. Первоначально предполагалось, что без царя Дума вообще не может принимать решения, затем, получив полномочия от Федора Алексеевича, бояре могли бы работать, если бы значительная их часть не считала долгом и честью сопровождать государя в поездках. Царь проводил летние месяцы в дворцовых селах (да и бояре любили навещать свои вотчины), а в иные времена года нередко отправлялся за город «на богомолье» или просто поскакать на любимых конях, поохотиться и отдохнуть.

Для таких случаев «в царево место на Москве» издавна оставлялась группа доверенных лиц. Сложность состояла в том, что назначение в Москву «для дел» было почетным, и Федор Алексеевич не мог отказать в нем как представителям аристократии, ссылавшимся на «старину», так и своим приближенным, желавшим пополнить послужной список. Сохранившиеся записи об этих назначениях в дворцовых разрядах с сентября по декабрь 1676 г. и с марта 1678 по октябрь 1680 г. показывают, что из 18 назначавшихся «в царево место» бояр 11 оставались координировать работу приказов от 1 до 3 раз, 5 бояр — по 6—7 раз. Последние (за исключением знатнейшего старого князя И.А. Воротынского) были пожалованы в бояре самим Федором Алексеевичем и (включая старика) состояли в ближней свите государя (это видно по их участию в его выездах): Ф.Г. Ромодановский, С.А. Хованский, И.Б. Троекуров, В.С. Волынский.

Не составляли стабильную часть комиссий также окольничие и думные дворяне: всего 17 лиц. Из окольничих трое назначались по разу, трое — по два, четверо — по три и всего двое (И.С. Хитрово и А.И. Чириков) — по четыре раза.

Из думных дворян по одному разу попали в московскую административную комиссию двое, В.Я. Дашков — 4 раза, И.А. Желябужский (дипломат и историк, с которым мы уже встречались в Конюшенном приказе) и опытный Г.С. Карапулов — по шесть раз.

Конечно, стабильность управления в значительной степени обеспечивали приказные профессионалы, ведавшие делопроизводством: печатник Дементий Минич Башмаков (36 раз) и думный разрядный дьяк Василий Григорьевич Семенов (32 раза), — лишь трижды им в помощь назначались другие дьяки. Отказавшись от отцовской практики передачи государственных печатей «первому министру», как бы представлявшему царя в правительстве (к этому вернулась потом Софья), Федор Алексеевич вместе с тем склонен был подчеркнуть значение самих печатей: великой, малой и средней. 22 октября 1676 г. он распорядился даже сделать особую «свою государеву печать» для Земского приказа, судьям которого запретил скреплять документы личными печатями (№ 665). В 1680 г. государь настолько осерчал на дворян за несвоевременную выплату печатных пошлин, что чуть было не конфисковал у виновных дворы и вотчины для «продажи охочим людям», однако «на милость положил» и продлил срок выплат в Печатный приказ, чтобы «платили... не дожидаясь на себя... опалы» (№ 801).

Наличие постоянного представителя Разряда и печатника-канцлера (как называли печатника иноземцы) придавало московской комиссии черты государственного учреждения, которые Федор Алексеевич постарался усилить относительной стабильностью председательства. Старые (с 1660 гг.) опытные бояре знатнейших княжеских родов не загружались назначениями в приказы и оставлялись «в царево место» почти постоянно: Яков Никитич Одоевский 16 раз, Алексей Андреевич Голицын 12 раз.

Постепенно Я.Н. Одоевский превращался как бы в постоянного председателя московской комиссии, а А.А. Голицын в его заместителя. Характерна, например, такая запись в Дворцовых разрядах (9 августа 1680 г.): государь «указал на Москве на своем государеве дворе быть боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну потому, что боярин князь Яков Никитич Одоевской по его государеву указу отпущен в деревню»¹. Логичным завершением этого процесса стало превращение комиссии Боярской думы по решению спорных приказных дел в постоянную Расправную палату (по месту заседаний она называлась также Золотой).

18 октября 1680 г. Федор Алексеевич издал именной указ: «Боярам, и окольничим, и думным людям сидеть в Палате, и слушать изо всех приказов спорных дел, и челобитные принимать, и его великого государя указ по тем делам и по челобитным чинить по его великого государя указу и по Уложению» (№ 838). Следующий указ о Расправной палате живо напоминает распоряжения Петра I Сенату. 12 августа 1681 г. государь повелел: «Боярам, и окольничим, и думным людям, которые сидят у расправных дел в Золотой палате с боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевским в товарищах, как учнут дела чьи, или свойственников их слушать — и тем в то время из палаты выходить, а в палате в то время им не быть» (№ 885).

Россия впервые получила официально назначенную высшую исполнительную власть: правительство, которое получило от государя функции принимать исполнительные решения на основании законов. До этого Россия знала множество правителей, имевших власть благодаря своему влиянию на государя и потому имевших возможность действовать его именем («царь указал», а бояре покорно

¹ ДР. Т. IV. Стлб. 1–194.

«приговорили»). «Царь-Солнце» Алексей Тишайший за 30 лет, пожалуй, никогда не был от таких правителей независим (как, впрочем, и царствовавший вдвое дольше «король-Солнце»). Но чтобы на Руси утвердить законное правительство для правления по закону,— это, как сказали бы сегодня, Федор Алексеевич сделал «крутко».

Расправная палата сняла с царя и Боярской думы огромное количество текущих дел, и неудивительно, что с ее созданием процесс реформ заметно активизировался. Но забота Федора Алексеевича с самого начала распространялась не только на высший эшелон власти, а на всю структуру государственного управления, которая за шесть лет приобрела значительно более четкий и эффективный характер — в соответствии с идеальными представлениями царя о «голове» государственного организма.

СИСТЕМА ВЕДОМСТВ

Текущие государственные дела велись в XVI—XVII столетиях в приказах — центральных ведомствах (их состав см. в Приложении). Руководил каждым приказом один из высших чинов Думы (бояр и окольничих), в звании судьи, нередко ему помогали товарищи — помощники и заместители, среди которых были думные дворяне и думные дьяки. Делопроизводство приказа возглавлял высококвалифицированный администратор — дьяк, в подчинении которого находился штат чиновников — подьячих разного ранга, от начальников отделов — столов до простых переписчиков. Иногда ведомство возглавляла коллегия дьяков, без судьи. Первоначально считалось, что приказ — просто помощник царя и Думы, принимавших решения по их докладам, и должен обеспечивать проведение высшей воли в жизнь.

Но дела росли как снежный ком, и приказам все больше приходилось самим решать дела в пределах своей не очень четкой компетенции.

Приказы, как явствует их название, образовывались по воле государя для исполнения его долгосрочных распоряжений и в принципе были равноправны. Их функции складывались постепенно и достаточно хаотично, постоянно накладываясь, переплетаясь и, естественно, запутываясь. Первые Романовы, начиная с избранного в 1613 г. на престол царя Михаила, постоянно пытались привести нарастающую гору центральных ведомств в порядок и ввести их соподчинение. К восшествию на престол юного царя Федора стало очевидно, что устроение приказной системы требует продуманной систематизации и установления, наконец, четкой иерархии ведомств, а также формирования сети их местных учреждений.

Прежде всего, Федор Алексеевич упразднил отцовский приказ Тайных дел, подчеркнув тем самым, что отказывается использовать учреждение, стоящее вне единой административной системы¹. Аналогично (но в конце 1677 г.) был упразднен Монастырский приказ, столь ненавистный некогда патриарху Никону. Его дела ушли вместе с последним судьей И.С. Хитрово в Большой дворец, а денежные счета — в Новую четверть; церковное управление осталось, как и следовало ожидать, в патриарших приказах. В конце царствования «серезная перестройка с целью упрощения и дальнейшей централизации» (по словам современного историка Н.Ф. Демидовой) затронула множество приказов.

Финансовые дела объединялись в приказе Большой казны, поместно-вотчинные последовательно концентри-

¹ Гурлянд И.Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

ровались в Поместном приказе, служебные — в Разрядном (тогдашнем Министерстве обороны), «с изъятием из их ведения территориальных приказов». Общее количество центральных ведомств сократилось в царствование Федора Алексеевича с 43 до 38, зато штаты их значительно пополнились подьячими. Историк русской бюрократии Н.Ф. Демидова подсчитала, что при Алексее Михайловиче (1664) на 43 приказа их приходилось 771, при Федоре (1677) на то же число учреждений — 1477, а к концу его царствования в 38 приказах было уже 1702 подьячих! Более детальный подсчет по Поместному приказу подтверждает, что «резкое увеличение количества подьячих... приходится на вторую половину 70 — начало 80-х годов». Крупнейшие ведомства насчитывают более 400 сотрудников, средние по 70—90 подьячих, мелкие по 30—50. При этом количество судей (из бояр и окольничих) падает с 43 до 31, а дьяков остается почти столько же (приказных 128—129, думных в приказах 6—4)¹.

Именные указы Федора Алексеевича от 26 ноября 1679 г. и 26 октября 1680 г. устанавливали единое время работы сотрудников центральных ведомств, от судей до подьячих: пять часов с утра и пять часов с вечера (час начала работы менялся при переходе с летнего на зимнее время) с традиционным перерывом на обед и послеобеденный отдых (№ 777, 839). Царское распоряжение от 23 февраля 1677 г. повышало статус управлявшегося дьяками Разряда: отныне из этого приказа всем учреждениям (кроме возглавляемых боярами и окольничими) посылались не памяти (как равным), а указы (№ 677). По традиционному равноправию приказов был нанесен сильный удар; к тому же после военно-окружной

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М., 1987. С. 23–24, 40, 42–44.

реформы 1679 г. Разряд стал головным учреждением обширной сети местных административных органов новосозданных военных округов.

Тенденции к иерархичности соответствовал указ Федора Алексеевича от 30 апреля 1680 г. о единонаачалии в приказах: имена товарищей (помощников и заместителей) главного судьи в бумагах приказа более писать было не велено (№ 820)¹. Наконец, 21 декабря того же года «думных дьяков, которые... были и впредь будут в посылках с боярами и воеводами или одни — велеть их... писать с вичем» — т.е. с полным отчеством, как высшие чины Государева двора, например: не «Иванов сын», а «Иванович» (№ 851). Уравнение профессионального администратора в «чести» с высшими чинами Государева двора, величавшимися, помимо заслуг рода, только военными (на худой конец — посольскими) подвигами, отмечало серьезный сдвиг в самосознании «верхов». По крайней мере, царь понял значение грамотного управления государством!

В острой необходимости повышения профессионализма высших управленцев государь убедился, требуя предоставить ему сводные и хорошо организованные сведения по политическим и экономическим вопросам, требовавшим, на его взгляд, выработки новой стратегии. Склонность Федора Алексеевича перед принятием решений иметь полную информацию (благодаря которой в его царствование было создано множество великолепных для исследователей сводных материалов) проявилась в указе от 9 ноября 1680 г. о генеральной ревизии всех центральных ведомств: составлении отчетов по составу кадров, дел и состоянию финансов всех приказов (№ 842). Проведя лично и с помощью Думы огромную работу по дополнению свода законов — Уложения

¹ Указ опубл. также в СГГиД. Т. 4. – М., 1826. № 118.

1649 г., — царь 16 декабря 1681 г. потребовал от приказов генеральной справки обо всех материалах после 1649 г., которые еще могут быть пригодны для совершенствования законодательства (№ 900).

РЕФОРМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Еще более решительно государь занимался образованием стройной системы власти на местах, где правили воеводы, окруженные буквально стаями разнообразных назначаемых и выборных властей разного профиля и подчинения. Помимо того, что эти власти грызлись между собой, они довольно эффективно грабили население,— тот самый народ, богатство, благополучие и защищенность которого, по мысли царя-философа, должны были обеспечивать. Если непорядки в Думе и центральных ведомствах устраивались постольку, поскольку мешали самому Федору Алексеевичу эффективно управлять, то навести порядок в местной власти он стремился по соображениям высшим и принципиальным.

Кому-то может показаться, что Федор просто плыл по течению, принимая логичные решения, соответствующие интересам большинства в своем окружении. На самом деле он, пусть не всегда удачно, пытался переломить ход событий, диктовавшийся столкновением личных и групповых интересов. Так, во второй половине XVII в., и до, и после Федора Алексеевича, перемены в верхах сопровождались чувствительным изменением состава власть имущих, метко окрещенных «временщиками». Юный царь попытался после смерти отца избежать междуусобицы в верхах, особенно опасной, когда страна вела тяжелую войну с Турцией и Крымом. 17 марта 1676 г. Федор Алексеевич запретил подавать на пересуд дела, решенные до 29 января, до смерти

отца (№ 636), а 30 июня указал и утвердил в Думе общий закон о штрафах за подачу на пересуд неправых поместно-вотчинных дел (№ 653). Впоследствии Дума самостоятельно издала развернутое толкование этого закона (№ 687) и установила ответственность за неисполнение приговора суда (№ 760).

В том же 1676 г. государь указал, что претенденты на новые назначения в воеводстве и приказы должны регистрироваться за полгода и получать должностные инструкции за месяц до назначения (№ 661). Федор Алексеевич специально интересовался, на какие должности существует особый спрос. Очевидно, выявившиеся из сопоставлений мотивы были весьма неутешительны — и 22 августа 1677 г. царь вообще запретил перемены в высшей центральной и местной администрации, даже уже объявленные (№ 704). Война с Турцией в это время вступила в решающую стадию, страна и госаппарат должны были напрячь силы для избежания катастрофы, которую годом раньше претерпела разгромленная турками Польша.

Желающие (и имеющие родовое право) «покормиться» на воеводстве плохо вписывались в концепцию укрепления власти на местах. 17 мая 1676 г. царь вынужден был именным указом запретить воеводам и местным приказным людям «ведать» денежные сборы с таможен и «кружечных дворов» (казенных виноторговых предприятий). Местные администраторы не имели права вмешиваться в работу голов и целовальников, которые «денежную казну собирают по мирским выборам за верою» (т.е. под присягой; № 642). Однако до радикальной финансовой реформы ввести воеводское единовластие на местах значило бы дать волю злоупотреблениям. Существовавшие в каждом уездном городе бесчисленные учреждения разного подчинения слишком долго были противовесом самодурству московских воевод.

Историков, вообще крайне невнимательно относящихся к опубликованным прямо в Полном собрании законов указам Федора Алексеевича, не заинтересовал даже тот факт, что указы об отмене старых форм прямого обложения и о единовластии городовых воевод были подписаны Федором Алексеевичем в один день, 27 ноября 1679 г. (№ 780, 779). Между тем по масштабу перемен, по мотивации и даже по форме эти указы являются одними из ярчайших юридических актов XVII столетия (и доселе остаются необыкновенными в истории России).

Первый объявляет податным сословиям (т.е. подавляющему большинству населения страны), что царь велел весь приведенный в указе длинный список денежных сборов, «которые они платили наперед сего по сошному письму в разных приказах и сверх того по воеводским прихотям (так!) — для многих их податей и тягостей отставить и впредь до валовых писцов с них тех денег не собираять». И сегодня, при прогрессивно выборной власти, представить себе такой указ невозможно! Даже с книгоиздания, — дела святого и праведного, — родное государство дерет налоги неукоснительно... Здесь я предлагаю остановиться и подумать, на что, кроме налогов, испокон веков сетует русский человек? Правильно, на великое изобилие и разнообразие местных властей!

Их сметает с лица земли второй указ Федора Алексеевича, заслуживающий более подробного цитирования, которое, несмотря на некоторую архаичность лексики, звучит как музыка и для современного россиянина: «В городах быть одним воеводам, — а городельцам, и сыщикам, и губным старостам, и ямским приказчикам, и осадным, и пушкарским, и засечным, и у житниц головам, и для денежного и хлебного сбора с Москвы присыльным сборщикам — не быть!»

Все их функции велено «ведать воеводам одним, чтоб впредь градским и уездным людем в кормах лишних тяго-

стей не было». «В кормах» — какое точное выражение: всю арманду чиновников народу надо кормить! Федор Алексеевич вполне, видимо, ощущал патетичность момента и давал населению возможность выплеснуть эмоции: «И губные избы во всех городах сломать!» Можно было бы употребить эти здания по-другому, но подданным было предоставлено полное удовлетворение.

Далее указ предлагал использовать губных подъячих в воеводских канцеляриях (приказных избах), а все остальное бывшее начальство «написать в службу... кто в какую пригодится». Прокормление местного аппарата возлагалось на судные пошлины и «всякие денежные неокладные доходы» от услуг населению. Содержание самого воеводы в этом указе вообще не предусматривалось: плакала старинная система «кормлений», причем горючи-ми слезами...

В грамоте на Чердынь рассказывается, как Федор Алексеевич пришел к указу от 5 августа (в ПСЗ он датирован 17 мая) 1676 г. «для прибыли нашей великого государя казны... таможенные и кабацкие сборы ведать верным головам и целовальникам, а воеводам и приказным людям таможенных и кружечных дворов голов и целовальников в сборах ни в чем не ведать». Оказывается, вскоре по восшествии на престол царь обнаружил большие недоимки косвенных налогов и, прежде чем в лучших традициях владыки Отечества возопить: «Запорю! Разорю!» — велел допросить виновных.

«И головы и целовальники, — гласит грамота, — в расспросах сказали: учинились-де у них те недоборы от воеводских налогов и приметов». Царь рассудил, что, прежде чем учинять жестокое наказание лично ответственным выборным смотрителям таможен и кабаков и «доправлять» недоимки на выбравших их людях, следует исключить вмешательство

в их деятельность безответственных лиц¹. Оберегать сборщиков косвенных налогов от произвола воевод побуждали интересы казны — но в более широком понимании они же заставляли царя заботиться о благосостоянии всего податного населения.

В указе 1677 г. (также изложенном в грамоте на Чердынь) государь пресекал разные способы запускания воеводами рук в казну: запретил выборных голов и целовальников переменять, велел их «в тюрьму без вины, для своей корысти не сажать», поручений им не давать и перемещениям не мешать, иногородних в их угодья «для своей корысти не пропускать». Однако помимо вымогательства у материально ответственных лиц воеводы имели возможности воздействовать на весь посадский и уездный «мир».

Запрещая воеводам и подьячим взимать с населения «месячные кормы» и все виды поборов на свое содержание, не веля администрации «в денежные их сборы и в мирские дела вступаться и воли у них в их мирском окладе и в иных делах отнимать», Федор Алексеевич ссылался на просьбы налогоплательщиков-тяглецов и старинные указы царей (1627 и 1668 гг.). Не исключено, что это было распоряжение юного государя для ограниченной местности — своего рода репетиция перед состоявшейся два года спустя полной отменой кормлений.

«ДЛЯ ОБЩЕГО БЛАГА»

Еще более тщательно готовилась связанная с реформой администрации перемена системы прямого обложения (к счастью, неплохо исследованная)². Указ Федора Алексеевича

¹ АИ. Т. 5. № 10. Цит. с. 18.

² Подробно см.: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преоб-

о посылке по всем городам валовых писцов состоялся еще в марте 1677 г., но основной объем работы по полной переписи дворов в Российском государстве был выполнен в 1678 – к осени 1679 гг. Правительство Федора Алексеевича исходило из правильной оценки новой социально-экономической ситуации, когда существенная часть производительного населения не владела ни землей, ни угодьями, подлежащими старинному обложению по сошному письму, но почти все россияне имели дворы.

Введение подворного обложения, несмотря на сопротивление ему (особенно духовных владельцев, и так плативших на содержание регулярной армии больше, чем светские феодалы¹), распространило государственное тягло на безземельных бобылей (часто не без успеха занимавшихся торговыми и промыслами), на все категории задворных и деловых людей (полных, кабальных и добровольных), на монастырских детенышах, сельских ремесленников и т.п.

Суть реформы сводилась к тому, чтобы вместо многочисленных прямых налогов собирать один – стрелецкие деньги, разверстывая платежи по дворам – «по животам (имуществу) и по промыслам» их владельцев (а не по площади и качеству пахотной земли, как встарь). Государство шло навстречу пожеланиям посадских и волостных «миров» и устанавливало только общую сумму – ту часть планируемого государственного дохода, которую следовало

разований. – СПб., 1890; *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. – СПб., 1892; *его же.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1905; *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. II. – СПб., 1916; *Устюгов Н.В.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. – М., 1952; и др.

¹ Ср. указы Федора Алексеевича о сборе стрелецких денег и хлеба от 17 сентября 1678 г. и 2 сентября 1679 г.: ДАИ. Т. 8. № 36.III.

собрать с местности, -- а уж тяглое население само делило ее по дворам, в зависимости от состоятельности владельца. Для тяглецов было небезразлично, что при введении нового оклада царь, во-первых, простил все старые недоимки, во-вторых, снизил оклад в целом.

Читателю, который сейчас усиливается вспомнить, когда это российское правительство снижало налоги, будет небезынтересно узнать, что царь Федор Алексеевич вполне сознавал революционность своего начинания, прямо вытекавшего из его представления о долге перед народом. Указ о новом налогообложении был торжественно утвержден по особой формуле: «Советовав мы, великий государь... с великим господином святейшим Иоакимом патриархом... указали и бояре наши приговорили».

Высшая светская власть в союзе с духовной постановила «в платеже всяких денежных доходов перед прежним пользоваться и прежние оклады... что было положено по сошному письму и платили в разных приказах до валовых писцов отставить. А вместо тех денежных доходов... впредь иметь... с прежних и с прибыльных дворов по нынешним переписным книгам, указаною статью, с убавкою, и ведать их (тяглецов.—Авт.) теми сборами в одном Стрелецком приказе, чтобы им в том лишней волокиты и убытков не было».

«И они бы,— гласили царские грамоты, разосланные по всем уголкам страны,—...посадские и уездные люди, видя нашу государскую милость к себе, те деньги... платили без доимки все сполна, в год на два срока, декабря да марта в первых числах. И оклад велеть положить на дворы, смотря по тяглу и промыслом... чтобы богатые и полные люди пред бедными в льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были». Каждому уезному городу была предложена не просто новая сумма налога, но подробная справка, позволяющая в полной мере оценить нововведение. Вятчанам, например,

сообщалось, что по указу Алексея Михайловича их оклады по сошному письму были с 1673 г. увеличены, причем тяглецы «по тому окладу тех денег ни в котором году сполна не выплачивали и запустили доимку многую, и били челом... что у них многие тягла запустели, и взять тех денег не на ком, и остальные посадские и уездные люди от непомерного платежа бегут в Сибирские разные города».

Царская грамота уточняла, что оклад был, не считая мелких пошлин и повинностей, на год 18 272 руб., 11 алтын и полденьги, к нынешнему году было взято 76 183 руб., 16 алт. и 6,5 деньги, недоимки накопилось 25 139 руб., 25 алт. и 3 деньги. Ныне население Вятки увеличилось (сравнительно, видимо, с 1646 г.) на 2079 дворов и составляет 13 134 двора, платить же придется 17 074 руб., 6 алт. 4 деньги (что составляет в среднем 1 руб. 10 алт. с двора), что меньше старого оклада на 1198 руб., 4 алт. с полуденьгою в год¹. В отличие от позднейших демагогов Федор Алексеевич подкреплял свои возвышенные декларации цифрами.

Государь не уставал рассыпать по стране все новые и новые грамоты с разъяснением налоговой реформы, не забывая указать, чтобы местные власти «сию нашу государеву грамоту велели у съезжей избы в торговые дни честь всем вслух не единожды, чтобы наше великого государя жалованье и милостивое призрение от таких тягостей (какие были. — Авт.) им, посадским и уездным людям, было ведомо!»²

Поскольку с ряда местностей и категорий населения вместо стрелецких денег брали хлебом, Федор Алексеевич в конце того же, 1679 г., распорядился брать этот налог не иначе как в «торговую таможенную орленую меру» (№ 770). Он позаботился об изготовлении должного числа этих

¹ Одна и та же грамота опубл. : АИ. Т. 5. № 48; ДАИ. Т. 8. № 36.III (цит. с. 107–109).

² АИ. Т. 5. № 49. Цит. с. 75.

казенных мер из старых медных денег, оставшихся в казне после их отмены (№ 817), чтобы склонные к злоупотреблениям не прикрывались жалобами на недостаток мер под печатями¹.

Милостивая забота царя, как он выражался, об «общем благе», обязывала подданных отвечать таким же истовым служением «всенародной пользе» и исправно платить налоги. За задержку выплат и самую малую недоимку Федор Алексеевич обещал виновным «великую опалу и жестокое наказание безо всякой пощады». Это звучало тем более серьезно, что Стрелецкий приказ, куда должен был стекаться новый единый налог, возглавил боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — тот самый, на которого уповал протопоп Аввакум, умоляя дать ему войско для истребления никониан: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час!.. Да воевода бы мне крепкий, умной — князь Юрий Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониан. Князь Юрий Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победные приемем»!² Аввакум имел веские основания писать Федору Алексеевичу, который сыграл в его и Никона жизнях важную роль. Нам важнее вспомнить, почему из всех российских полководцев протопоп избрал Долгорукова: прекрасно проявивший себя на войне воевода успел «прославиться» кровавой и беспощадной расправой над восстанием Степана Разина...

Нет сомнений, что с недоимщиками было бы поступлено, как обещано, но 5 сентября 1681 г. Федор Алексеевич обратился с запросом, что же делать для своевременного и

¹ ДАИ. Т. 8. № 36.IV–V. Цит. с. 110; СГГиД. Т. 4. № 117; АИ. Т. 5. № 37.

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Горький, 1988. С. 15.

полного сбора налога, к самым компетентным в денежных делах людям — гостям. Надо заметить, что, продолжая меркантилистскую политику Алексея Михайловича, молодой царь не только заботился о развитии, защите и упорядочении русской торговли и промышленности¹, включая поиск полезных ископаемых², но и не брезговал лично общаться с купцами — как русскими, так и иностранными. Последним он, между прочим, ежегодно позволял «видеть его великого государя пресветлые очи и быть у его руки» в конце Святой недели. А с русскими купцами (также являвшимися к руке) по государеву указу еще 23 февраля 1676 г. бояре во главе с М.Ю. Долгоруковым (сыном Юрия Алексеевича) обстоятельно и результативно обсуждали развитие армянской и персидской торговли³.

Указ от 5 сентября 1681 г., требовавший учесть жалобы налогоплательщиков и понизить налог (установленный в 1679 г.), был крупной победой Федора Алексеевича и его единомышленников в трудной и драматичной борьбе⁴. Правительству удавалось сбалансировать годовой бюджет, но наличных не хватало постоянно и все попытки обеспечить их резерв развеивались пороховым дымом на полях Украины, где русские регулярные полки сражались с лучшими армиями Блистательной Порты. Деньги, эта «кровь войны» Нового времени, буквально утекали в песок Приднепровья. А сниженные налоги собирались с недоимками!

¹ См. указы: ПСЗ-І. Т. 2. № 659–660, 662, 666, 678, 693, 771; ДАИ. Т. 9. № 15 (акты об устройстве медных заводов в России 1676–1677 гг.); Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955. С. 91 (сдача Звенигородских заводов в аренду гостю В. Воронину в 1681 г.).

² ДАИ. Т. 7. № 10; Т. 8. № 85; и др.

³ ДАИ. Т. 9. № 65; СГГД. Т. 4. № 105.

⁴ Все дело опубликовано: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее – ААЭ). – СПб., 1838. Т. IV. № 250. С. 345–351.

ДЕНЬГИ – «КРОВЬ ВОЙНЫ»

Федор Алексеевич, как многие российские самодержцы, подвергался сильному давлению партии войны до победного конца – до разгрома «агарян» и освобождения всех порабощенных христианских братьев, до восстановления креста над святой Софией и утверждения двуглавого орла над Босфором. Эти идеи, уже тогда ставшие чуть не общим местом публицистики¹, требовали безжалостно выжать экономику России во имя ее миссии, тогда как другие основополагающие с точки зрения царя Федора идеи гласили, что сила и слава государства требуют прежде всего мира и благосостояния подданных.

Деньги в разгар начатой не Федором ужасной войны нужны были позарез, поэтому царю приходилось идти на любые меры, отстаивая лишь уже проведенные реформы. 3 февраля 1680 г. он именным указом потребовал от придворных (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) под угрозой конфискации имущества срочно вернуть казне деньги, соболей и «мягкую рухлясть», взятые взаймы еще до 1676 г., выплатить поруки за неисправных подрядчиков и «винных уговорщиков», за которых дворяне много лет ручались. Конечно, царь не мог пойти на широкую конфискацию «животов» и имений, но угроза была серьезна².

¹ См., например: *Полоцкий Симеон*. Вечеря душевная. – М., 1680. Л. 94 и сл.; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики / Богданов А.П. – М., 1983. № 15–19, 32; Богданов А.П. «Слово воинству» Игнатия Римского-Корсакова – памятник политической публицистики конца XVII в. // ИИИ СССР. – М., 1984; БРАН. П.И.А.10; и др.

² ПСЗ–I. Т. 2. № 795. Ср. № 801.

Легко себе представить, как это охладило пыл экстремистов, полагавших, что расплачиваться за их воинственность будут другие. Между тем в Печатном приказе (у Д.М. Башмакова) была уже составлена сводная ведомость о долгах московского и городового дворянства, накопившихся по всем центральным ведомствам, и 3 марта 1680 г. царь отдал именной указ о взыскании этих недоимок «разборщиками» на местах, по всем городам (№ 798). Заодно 7 марта Федор Алексеевич велел провести генеральную ревизию всех приходно-расходных дел центральных ведомств, где в «столах» подъячих и впрямь задерживалось немало казны (деньги даже отдавались в рост частным лицам; № 802). В конце года, 17 декабря, государь указал всем приказам срочно выплатить недоимки с 1676 г.: недостающее, подсчитав, «очистить» в текущем году и о выполнении доложить ему и Боярской думе, чтобы сбором «всего сполна, без недобора», «к нему, великому государю, показать службу свою и раденье» (№ 849).

Личная нота прозвучала в этом именном указе неслучайно. Тяжелая рука Ю.А. Долгорукова так и не опустилась на тяглецов, вселенский правеж недоимок не наступил, но документы просто вопиют о положении казны к концу войны. Например, 22 февраля 1681 г. «великий государь указал и бояре приговорили: его, великого государя, денежные всякие доходы на прошлые с 1676 по нынешний 1681 год из доимки во всех приказах собирать с великим поспешением, а собирая — отсылать в Разряд на дачу... жалованья ратным людям, которым следует быть на его государеве службе в нынешнем... году» (№ 861).

Дело спасли экстренные налоги и откупа, на которые Федор Алексеевич вынужден был пойти уже с весны 1678 г. 22 апреля на жалованье ратным людям со всех животов и промыслов податного, черного населения было указано

взять 10-ю деньги — $\frac{1}{10}$ имущества¹. В следующем году сбор 10-й деньги начался уже в январе (хотя тянулся и в апреле)². Указ 21 февраля 1679 г. о сборе по полтине (50 коп.) со всех крестьянских крепостных дворов был оформлен как торжественный запрос царя по «совету» с патриархом и «разговору» с боярами, «на избавление св. Божьих церквей и для сохранения православных христиан... против наступления турецкого султана» (№ 750).

Учитывая, как затягивался сбор 10-й деньги, полтинный налог царь велел выплатить «за крестьян своих» их владельцам — и сам платил за свои дворцовые села. С задержавших выплату Федор Алексеевич грозил «взять вдвое», а тех, кто, имея средства, «возьмут с крестьян своих», обещал послать в действующую армию «самых», без замены. Грамота от 25 марта, правда, разъясняет, что полтина бралась со дворов, которые не были обложены 10-й деньгой³.

Это разъяснение вошло и в торжественные грамоты весны 1680 г., в которых царь, «советовав» с патриархом и «поговоря» с боярами, велел взять на жалованье действующей армии по полтине с дворцовых, церковно-монастырских и частновладельческих крестьян (за исключением принадлежащих дворянам в полках), а с купцов, промышленников и горожан — 10-ю деньги. Полтины, как и прежде, велено было «заплатить тем вышеписанных чинов людям... из своих прожитков» и лишь «по конечной самой нужде» собрать с крестьян, но не позже марта⁴.

С осени 1678 г. Федор Алексеевич обдумывал и другую необходимую меру — массовый сбор даточных людей для

¹ АИ. Т. 5. № 23; эту же грамоту от 11 июня 1678 г. см.: ДАИ. Т. 8. № 28.I.

² ПСЗ-І. Т. 2. № 750 (цит. с. 198); ДАИ. Т. 8. № 28.III-V.

³ АИ. Т. 5. № 42.

⁴ ДАИ. Т. 8. № 28.XI, XIII; ср. отдельные указы о полтине и 10-й деньге: ПСЗ-І. Т. 2. № 799, 804.

пополнения армии. Дело об этом¹ велось со всей обстоятельностью: 9 октября царь запросил в приказах и получил подробные справки о погодном сборе рекрутов в прежние годы и общей численности крестьянских и бобыльских дворов по городам и уездам. Только за 1678 г. было проведено четыре сбора рекрутов, причем записанных при сборах 1678–1681 гг. нельзя было заменять.

Из даточных указом от 19 ноября 1678 г. формировались новые пехотные полки. Людей брали много — по одному с 25 дворов служилых людей, а с церковных земель и городского населения на их содержание ежегодно взимали по рублю с двора. Мало того, экстренно собирали подводы с проводниками (по одной с 60 дворов в новгородских землях) и деньги на лошадей под артиллерию и обоз (по полуපолтине с церковно-монастырских крестьян и бобыльских дворов); деньги, как и прежде, старались взять с церковных и монастырских властей сразу, в Москве².

Та же необходимость получить деньги пусть в меньшем количестве, но быстро, вынудила Федора Алексеевича ввести откупа на косвенные налоги — главную составляющую государственного бюджета. В 1679/80 финансовом году, например, из прихода в 1 220 367 руб.³ 53 % дали таможенные и кабацкие сборы, 44 % — прямое обложение и 2,7 % — мелкие пошлины (разумеется, 62,2 % расходов ушло на армию). При этом и без откупов продажа водки столь повреждала нравы, что в 1678/79 г. патриарх Иоаким предложил выборных голов и целовальников по кабакам «к вере не приводить,

¹ Опубл. : ДАИ. Т. 8. № 40 (дело за 1678–1681 гг.); см. также указы: ПСЗ–I. Т. 2. № 735, 756, 806.

² АИ. Т. 5. № 29 (ср. № 33, 37), 39; ДАИ. Т. 8. № 28.IV–VIII, XI.

³ Любопытно, что, несмотря на все сложности, правительству царя Федора удалось удержать расход на уровне 1 125 323 руб., то есть на 5 044 руб. меньше прихода! (*Милюков П.Н. Государственное хозяйство. С. 551–568*).

чтобы клятвы и душевредства не было»: лучше ужесточить контроль и наказания казнокрадов, но не губить их души,— все равно нарушают клятву и своруют.

«А бояре говорили: и за верой (под присягой) у голов и у целовальников было воровство многое, а без подкрепления верой опасно воровства и больше прежнего!» Присягу все же отменили — души надо было спасать, — и в кабаках, как предполагалось, «объявилось многое воровство». Но денежное дело изощряет ум: недостачу выборные воры объяснили конкуренцией воров-откупщиков, понастроивших кабаков вокруг городов (в города их не пускали) — Москву они просто обложили питейными заведениями¹. Немедленно после заключения мира с Турцией и Крымом царь и бояре, выслушав доклад, отменили кабацкие откупа и установили единую (высокую) цену на вино.

13 января 1681 г. был подписан Бахчисарайский договор, а 25 января появился указ о закрытии питейных откупов под Москвой (№ 859). 11, 18 и 20 июля государь и Дума приняли развернутые указы об отмене всех откупов, как кабацких, так и таможенных, по всей территории государства, мотивируя свое решение большими потерями казны и беззаконным обогащением откупщиков. В ноябре сбор косвенных налогов велено было ведать в приказе Большой казны². Под контролем опытных чиновников, надеялся Федор Алексеевич, его именные указы 1677 и 1680 гг. об упрощении и унификации таможенных сборов с русских и иностранных купцов будут все же выполняться (№ 713, 831, 833).

¹ Видимо, указ 1677 г. о закрытии всех кабаков в малых селах вокруг Москвы, запрещавший кабацкие откупа и в «больших государственных селах», в 1678–1680 гг. не соблюдался (ПСЗ-І. Т. 2. № 714).

² СГИД. Т. 4. № 125–126; ДАИ. Т. 7. № 66.

«НА ВСЕНАРОДНУЮ ПОЛЬЗУ»

Наступление мира в 1681 г. особенно запомнилось современникам потому, что Федор Алексеевич незамедливо продолжил реформу налогообложения, отказавшись, разумеется, от экстренных поборов. Страна должна была почувствовать радость мирного благосостояния, и тяглецы ее в полной мере восчувствовали. 3 мая в Успенском соборе перед патриархом, духовенством, двором, представителями воинства и купечества было прочтено торжественное обращение государя, подводящее итог долгой войне и характеризующее 20-летний мирный договор с Турцией и Крымом.

Особая благодарность Федора Алексеевича была обращена (даже до похвалы московским стрельцам) к гостям и купчинам Гостинои и Суконной сотен, которые платили «по его государскому указу в его государскую казну на жалованье ратным людям десятые, и задаточные, и иные денежные многие (поборы), не жалея пожитков своих, желая при помощи Божией на неприятеля победы». Царь не просто пожаловал купцов своим милостивым словом и обещал, что их усердие будет у него «незабвенно». Он простил купечеству все долги, уже подсчитанные и сведенные воедино в документах специально созданного Доимочного приказа¹.

Вскоре Федор Алексеевич, «слушав о доимочных деньгах докладные выписки всех городов, милосердую о них без их челобитья, пожаловал посадских и уездных людей»: прощены были все недоимки 1676—1679 гг. Текущий оклад и недоимки 1680 г. в указе было «велено взять сполна». Но одновременно предлагалось прислать от

¹ СГГИД. Т. 4. № 124; ПСЗ-І. Т. 2. № 864; Богоявленский С.К. Приказные судьи. С. 45.

каждого уездного города по двое выборных представителей тяглецов в Москву для ответа на вопрос: «Нынешней платеж стрелецких денег платить им в мочь, или не в мочь, и для чего не в мочь? И что (оны) иных податей в нашу казну платят и изделья делают? — Чтоб они о том о всем объявили совершенную правду!»

Съехавшиеся к Москве выборные, разумеется, приводили разные доводы и объяснения, почему они «оскудели и разорились вконец». Учитывая действительно тяжелые экстренные поборы, государь 19 декабря вообще простил недоимку и впредь велел прямой налог «брать по новому окладу московских гостей перед прежним с убавкой», о чем подробно сообщалось в каждый уездный город¹. Работа комиссии московских купцов, созданной указом от 5 сентября 1681 г. (о котором уже упоминалось: ААЭ.Т. IV. № 250), воистину потрясла воображение россиян. Еще бы! Доселе невозможно вообразить, чтобы государство, сократив свои расходы, объявило народу, насколько ему теперь надо меньше денег — и потому само отказалось собирать лишние налоги!

Опираясь на указания Федора Алексеевича об облегчении и более справедливом распределении налога, комиссия учла, что по окладу 1679 г. от прямого обложения должно было быть получено 152 657 руб., 30 алт. и 4,5 деньги, тогда как по справке Стрелецкого приказа на мирное содержание регулярных полков требовалось всего 107 227 руб. в год. Это дало основание для сокращения суммы прямого обложения, которая была распределена по территории государства в зависимости от степени экономического развития каждого района — всего по 10 разрядам. 78 городов с уездами были отнесены к низшим категориям и должны были платить в

¹ АИ. Т. 5. № 77. Цит с. 120–121.

среднем от 80 коп. до 1 руб. с двора, остальные 43 города — от 1 руб. 10 коп. до 2 руб. с двора; высшей ставкой облагались, разумеется, крупнейшие торгово-промышленные центры. Эта раскладка оказалась столь удачной, что продержалась до I четверти XVIII в.¹.

Налоги были распределены, но оставались еще и повинности, в том числе служба в выборных должностях, часто весьма обременительная. Федор Алексеевич, совершая сбор косвенных налогов (см., например, «Наказ большой Московской таможне» 1681 г.; № 873), добился огромного роста казенной прибыли², используя выборных голов и целовальников (№ 872, 874, 876, 879, 880, 882, 904), но отдавал себе отчет, что эта многочисленная армия служащих «за верой» отрывается от своих дел и, если не ворует, особенно страдает от тягла.

11 декабря 1681 г. государь повелел призвать четырех гостей и по два человека от «всех городов, кроме Сибирских, и из дворцовых сел и волостей, из которых бывают у его государевых таможенных и у кабацких соборов, по два человека самых лучших, и добрых, и знающих к такому делу», с заверенным миром полными росписями тяглецов и их служб. Аналогичные данные следовало принести на собор парам подьячих из всех территориальных приказов. Возглавить Собор «двойников» было поручено боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, окольничему Ивану Ивановичу Чадаеву и думному дьяку Аверкию Кириллову.

Собор «двойников» должен был выработать предложения, «чтобы всем по его государскому милостивому рассмотрению служить и всякия подати платить в равенстве и не в тягость» (№ 899). К сожалению, «двойники» собрались

¹ Очерки истории СССР. С. 423.

² Там же. С. 116, 132 и др.

в Москве, когда государь был смертельно болен. Указом Петра Алексеевича от 6 мая 1682 г. они были распущены по домам без упоминания результатов совещаний¹. Даже князь Голицын, которого некоторые историки считают инициатором реформ времен Федора, сделавшись после его смерти первым министром и канцлером, не продолжил ни это, ни какое-либо другое реформаторское начинание, касающееся тяглецов.

Больше успеха имела другая комиссия, созданная царским указом с боярским приговором от 7 декабря 1681 г. «для ратных и земских дел». Помимо военных чинов и приглашавшихся в Москву представителей дворянства, в нее привлекались посадские люди, уже занимавшиеся по линии Стрелецкого приказа налоговыми окладами («окладчики»), и те выборные из городов, которых еще предполагалось призвать на собор «двойников»². Выборные тяглецы нужны были, разумеется, для рассмотрения «земских» дел, в частности, остро стоявшей проблемы генерального размежевания земельных владений.

Идея валового межевания и описания земель как гарантии против земельных захватов буквально витала в воздухе; дворянство осаждало Федора Алексеевича коллективными челобитными, требующими наконец решить этот вопрос³.

¹ АИ. Т. 5. № 83.

² Никольский В.К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1682–1684 гг. // Научные труды Индустрально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. 1928. Вып.2. С. 51; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – М., 1978. С. 348.

³ Новосельский А.А. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РАН ИОН. – М., 1929. Т. IV. С. 103–108; Веселовский С.Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив (далее – ИА). Т. VII. – М., 1951. С. 300–396.

Царский указ о посылке во все города валовых писцов вышел в марте 1677 г., а уже 7 октября государь вынужден был послать вслед за ними чиновников для наказания дворян, казаков и крестьян, которые, «скопясь многолюдством, бунтом со всяким оружьем к межевщикам на землю приходили, и их с земли сбили, и мерить не дали» (№ 734). Новое решение о посыпке межевиков было принято царем и Думой 12 декабря 1679 г. (№ 785), еще одно — 26 марта 1680 г. (№ 813).

Однако самые строгие указы верховной власти не выполнялись, натолкнувшись на неразрешимые противоречия интересов местных землевладельцев. 16 мая 1680 г. Федор Алексеевич должен был обещать московскому дворянству и приказным «нарочно» ускорить посыпку межевиков в Московский уезд. Царь отметил, что даже среди высшего слоя землевладельцев «учинились споры многие, и за то у вас чинятся между собой бои, и грабеж, а у иных и смертные убийства; и вам бы те все споры и ссоры... оставить, покамест те ваши спорные земли и всякие угодья межевики разведут» (№ 822). Специально для межевания земель в Московском уезде были разработаны «дополнительные статьи к наказу писцам» (№ 830, 832).

17 и 18 сентября 1680 г. государь именными указами ввел штрафы вместо битья кнутом за порчу межей (а то пришлось бы и бояр высечь) и запретил отвод писцов по подозрению «в недружбе» местным владельцам (№ 834, 835). Выезд писцов на межеванье был едва ли не опаснее, чем ратников на войну: кого не прибывают на меже — того оклевещут. Посему Федор Алексеевич мудро распорядился с писцами клятв не брать и ни за какие вины по Уложению не наказывать: только в случае, если будет доказано неправое межевание, отбирать половину поместий и вотчин — и столько же отнимать у хозяина, обвинившего писца неверно. Половина

поместья в том и другом случае оставлялась жене и детям виновного (№ 886).

Через четыре дня, 16 августа 1681 г., бояре приговорили уполномочить писцов расследовать «бой, и грабеж, и смертное убийство» из-за земельных споров (№ 888), 17 августа — утвердили их материальное обеспечение (№ 889), а 26-го — снабдили обширной инструкцией о межевании поместно-вотчинных земель (№ 890). Однако 26 октября Думе пришлось вновь рассматривать проблему ответственности за беззакония при межевании (№ 893), а Федор Алексеевич буквально до смерти не мог избавиться от споров по этим вопросам (№ 910, 911).

Утомившись уговаривать помещиков не учинять из-за земли и угодьев «ссор, и боев, и грабежей, и убийства» (указ об ожидании вскоре межевщиков от 4 мая 1681 г.; № 866), государь решил передать спорные вопросы на обсуждение земских представителей, причем проявил изрядное хитроумие. Из собравшихся «для ратных и земских дел» дворян были сформированы две команды под предводительством стольников — князей издавна соперничающих фамилий. В феврале и марте молодые и ретивые команды Ивана Голицына и Андрея Хованского основательным образом проработали статьи составленных еще в 1681 г., но не удовлетворявших спорщиков правил межевания.

Соборный эксперимент царя Федора вновь оказался на диво удачным. Аргументированные каждой стороной поправки были сведены в один текст с ремарками типа: «Иван Голицын с товарищи говорили — быть той статье по прежнему наказу. А... Андрей Хованский с товарищи говорили — пополнить». Заслушав объединенный доклад двух выборных комиссий, бояре смогли всего за два заседания, 7 и 15 марта, утвердить новый писцовый наказ, лишь в некоторых случаях внеся поправки в исходный текст.

Это было тем легче сделать, что в главных вопросах выборные были едины. Например, каждая из команд привела свои аргументы, почему при трехпольной системе следует измерять все три поля, а не одно (с традиционной ремаркой «а в дву по тому ж»); бояре постановили: «мерить все три поля». Старый наказ предлагал записывать вотчины, поступившие во владение монастырей после Уложения 1649 г., «особой статьей». Дворяне потребовали, чтобы все такие вотчины, не укрепленные за духовными владельцами царским именным указом, «отписывать на государя для того, что по Уложению в монастыри вотчин давать и продавать не велено», — бояре согласились с выборными¹.

Историкам, которые склонны приписывать деяния Федора Алексеевича Боярской думе, царевне Софье или отдельным придворным группировкам, не мешало бы обратить внимание, что даже такой центральный вопрос глубоко интересовавшего высшее дворянство поместно-вотчинного землевладения, как генеральное межевание, вопрос, почти решенный к моменту кончины государя, был после его смерти отложен на десятилетия.

Начато было при Федоре и решение чисто военных вопросов, порученных комиссии В.В. Голицына (о ней мы еще расскажем). Здесь также инициатором, и не просто титульным, выступает Федор Алексеевич. Царь требовал продумать, какие новшества следует внести в организацию российской армии и ее боевое искусство, чтобы ответить на вызов времени. Опыт был накоплен большой: ведь почти все годы царствования Федора Алексеевича шла война.

¹ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. II. – М., 1916. С. 54–56; его же. Материалы по истории общего описания. С. 300–367; Черепнин Л.В. Земские соборы. С. 348–350.

Глава 4

ВОЙНА И РЕФОРМА АРМИИ

Во времена «Трех мушкетеров» и «Капитана Фра-
касса» войны не объявлялись. Государственные органы
страны принимали решение воевать, а противник узнавал
об этом от шпионов или из газет (которые в Москве при
царе Федоре получали, выборочно переводили и докла-
дывали царю и Думе регулярно, по общеевропейской по-
чте¹). На подготовку войны уходило несколько месяцев,

¹ Шамин С.М. Письма, грамотки, куранты. Первые регулярные по-
чты в России // Родина. № 12. 2001. С. 10–15; *его же*. Чудеса в курантах
времени правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.) // Древняя Русь.
Вопросы медиевистики. № 4. 2001. С. 99–110; *его же*. Экономические
сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через
куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в
России в XVI–XVII вв. Сборник материалов международной научной
конференции. – СПб., 2001. С. 119–122; *его же*. Иностранный пресса и
интеграция России в европейскую политическую систему // Европей-
ские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. Европейское
измерение политической истории. – М., 2002. С. 40–64; *его же*. В ожидан-
ии конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // ВИ. 2002.
№ 6. С. 134–138; *его же*. Иностранный пресса о борьбе России и Турции
за Украину в 1676–1681 гг. (По материалам курантов) // Россия и мир
глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002.
С. 138–152; и др. Газетами интересовались в то время на Руси и частные
лица: Шамин С.М. К вопросу о частном интересе русских людей к ино-
странной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы
медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 50–52.

так историку трудно даже датировать войны крупнейших держав: военные действия часто начинались в новом году после политического решения, а мирные договоры подписывались много позже окончания реальных боев, уже после отвода войск. Политически унаследованная Федором Алексеевичем и завершенная им война с Турцией датируется 1672—1681 гг., крупномасштабные боевые действия велись в 1673—1678 гг., но армия выводилась в поле в 1679—1680-м, когда царь решал сложнейшие задачи ее перестройки и продвижения далеко на юг укрепленных рубежей страны.

Новая (после похода турок и татар на Астрахань в 1569 г.) война с Османской империей оказалась тяжелым, но весьма поучительным испытанием сил Российского государства. Она началась под знаком прекрасной идеи оборонительного союза славянских стран против османско-крымской агрессии в Европе. Блестяще сформулированная в речи царевича Алексея Алексеевича в конце 1667 г., эта идея была своевременно реализована в русско-польском союзном договоре весной 1672 г. (№ 513), накануне вторжения неприятеля в Речь Посполитую.

Мощь мусульманского нашествия, казалось Алексею Михайловичу и его фавориту канцлеру Артамону Сергеевичу Матвееву, должна была заставить христианскую Европу хоть на время забыть распри и объединить силы для отпора страшному неприятелю. В октябре 1672 г., после взятия турками польской крепости Каменец-Подольский (эти события блестяще отражены в романе Генриха Сенкевича «Пан Волodyевский»), Россия объявила войну общему врагу Креста Христова. Русские дипломаты отправились в Священную Римскую империю германской нации, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Голландию, Курляндию, Бранденбург, Саксонию, Венецию, Рим и традиционно неприятельский

Турции Иран с предложениями о совместном выступлении против агрессора¹.

Не дожидаясь помощи (и в итоге не получив ее), Россия и Левобережная Украина зимой—весной 1673 г. начали военные действия против опаснейшего неприятеля, имея в лице Речи Посполитой крайне ненадежного союзника. Вскоре кровавые бои шли на огромном фронте от Днестра до Азова. Турецкий султан лично командовал наступлением на Правобережье, крымский хан пытался прорвать укрепленную границу России. В свою очередь русские полки пробили выход в Азовское море, в которое впервые вышел под командой неустрашимого русского «льва степей» Григория Ивановича Косагова построенный на Воронежских верфях (задолго до Петра!) современный военно-морской флот, и совершали вместе с казаками налеты на Крым.

ТАЙНЫ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Великая, страшная и опустошительная война России и Украины против Турции и Крыма, как водится, не попала в поле зрения историков, до сих пор твердящих о «войне 1677–1678 гг.», реже о «войне 1676–1681 гг.», как будто ее начал Федор Алексеевич, и упорно не замечающих попыток воронежского историка В.П. Загоровского рассказать правду о «Русско-турецкой войне 1673–1681 гг.»². Особого рода заблуж-

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. I. – М., 1894. С. 24–25, 120–121, 163, 188, 231; Ч. 2. – М., 1896. С. 18, 208, 237; Ч. 3. – М., 1897. С. 9–10, 145; Ч. 4. – М., 1902. С. 12–14, 82, 191, 258; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1879. Т. XI. С. 104.

² См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; *его же*. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

дением выглядят слова новейшего исследователя о «польско-турецкой войне» и даже об «участии России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг.»¹. Дело тут не в уподоблении суверенного Российского государства Крыму, вассалу турецкого султана, а в непонимании ситуации, в которой оказалась Россия в результате крушения политического курса канцлера А.С. Матвеева.

Тонкий придворный интриган и энергичный государственный деятель недооценил остроту внутриевропейского конфликта, вскоре вылившегося в войну большинства западных стран между собой. А в лице Польши Матвеев приобрел слабого, ненадежного и даже опасного союзника. Мало того, что поляки год за годом отказывались координировать военные усилия с Россией и сами, при всем героизме, не столько сражались, сколько были сражаемы превосходящими силами Османской империи. Матвееву стоило чрезвычайных усилий удержать Речь Посполитую от вступления в союз с Портой и Крымом!

В самом начале войны Речь Посполитая заключила с Турцией сепаратный Бучачский договор, «уступив» мусульманам и их вассалу гетману Петру Дорошенко большую часть Правобережной Украины, включая находившийся под протекторатом России Киев, — т.е. не только нарушив союзный договор, но прямо подставляя Россию под удар. Матвеев не признал изменнический договор, а царь Алексей Михайлович в ответ на угрозу польских послов начать войну с Москвой вынужден был заметить: «Великие послы съезжаются для умножения братской дружбы между их государствами, а не для угроз: неприлично страшать мечом того, кто и сам, с помощью Божией, меч в руках держит!»

¹ Фаизов С.Ф. Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг. (от Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны). Автореф. канд.дисс. Саратов, 1986. С. 5 и др.

Ратификации Бучачского договора в Кракове удалось воспрепятствовать, на польский престол был избран воинственный великий гетман Ян Собеский, и осенью 1673 г. Речь Посполитая вновь вступила в войну. Но битва за Правобережье развернулась прежде всего между русско-украинскими войсками боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича и турецко-крымскими армиями с их союзником — гетманом Правобережья Дорошенко. К осени 1675 г. оба гетмана с ужасом глядели на превращенную в пустыню Правобережную Украину: один клял свое решение искать «обороны турецкой и крымской», а другой заметил, что Дорошенко уже «не над кем гетманить, потому что от Днестра до Днепра нигде духа человеческого нет...»¹.

К воцарению Федора Алексеевича Россия пришла с повышенными налогами и постоянными экстренными поборами, с ограниченными мобилизационными ресурсами и распыленными на огромном фронте регулярными войсками². Правда, осенью 1675 г. удалось заключить договор с Империей о взаимопомощи: довольно странный, учитывая, что Вена в союзе с Испанией, Голландией и Пруссиею сражалась против Франции, Англии и Швеции (1672–1679) и обещала выступить против Турции, если Россия нападет на Швецию! Но и на этот договор Вена пошла, напуганная слухами о намерении Польши прекратить войну с турками и татарами и напасть на Австрию, тогда как русская дипломатия знала о сепаратных переговорах Яна Собеского с Турцией и Крымом, направленных против России.

¹ Костомаров Н.И. Руина. С. 490–495 и др.; Соловьев С.М. История России. – М., 1961. Кн. VI. С. 449–498 и др.

² См.: Богданов А.П. Неизвестная война царя Федора Алексеевича С. 61–71.

Располагая Чигирином — военно-политическим центром Правобережья и отличной крепостью, — турки, согласно данным разведки, планировали нанести сокрушительный удар по Киеву, единственному не разоренному городу на той стороне Днепра. Уже летом 1676 г. стало ясно, что политический курс Матвеева (вопреки традиции «смены караула» оставленного Федором Алексеевичем во главе Посольского приказа) терпит полное крушение. Вторгшиеся в земли Речи Посполитой турецко-крымские войска Ибрагим-паши по прозвищу Шайтан разгромили поляков, армия короля задыхалась в окружении под Львовом. В октябре, как и предполагалось, Ян Собеский окончательно вышел из войны, заключив с Оттоманской Портой позорный Журавинский мир. Король не только вышел из войны, что еще можно было понять: он предал союзника, «уступив» туркам Украину, даже обещал Турции и Крыму военную помочь против России!

Однако и враги, и предатели опоздали. Федор Алексеевич верно определил центральное звено событий и продемонстрировал — в укор будущим усердным хвалителям Петра, — что править из дворца можно эффективнее, чем бросаться лично исполнять какое-то одно дело. Суть была в верной оценке способностей помощников и исполнителей. 4 мая 1676 г. князь Василий Васильевич Голицын, которого Алексей Михайлович 18 лет продержал в стольниках, был первым в новом царствовании пожалован боярством и с чрезвычайными секретными полномочиями выехал на Украину¹.

¹ О нем см.: Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. – М., 1989. С. 179–228; Hughes, Lindsey. Russia and the West, the Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince Vasil'evich Golitsyn (1643–1714). – Newtonville, Mass., 1984; и др.

Под воздействием выдающегося дипломатического ума В.В. Голицына правобережная украинская старшина, пребывавшая перед тем в «разброде и шатании», дружно отвернулась от Дорошенко. Между тем конный корпус полковника Г.И. Косагова с отборными казаками совершил бросок к Чигирину. От 15 тысяч русских ратников и 4 с лишним полков левобережных казаков чигиринцы легко могли отсидеться. Но, склонившись на убеждения Голицына и памятуя репутацию Косагова как непобедимого военачальника (и известного соратника запорожского кошевого Ивана Серко), почли за благо сдаться. После кратких переговоров Дорошенко сам сложил гетманские клейноты и сдал крепость с 250 пушками.

27 сентября Федор Алексеевич милостиво принял опытного воителя Ивана Ивановича Ржевского (для склонных улыбнуться замечу, что на протяжении трехсот с лишним лет не было года, когда бы русская армия обходилась без офицера из рода Ржевских). Думный дворянин доложил о победе от имени командующего Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, а 17 октября, явно в пику поспешившим скрыться с поля боя полякам, перед царем и Боярской думой были брошены гетманские клейноты Правобережной Украины вместе с турецким бунчуком и магометанскими знаменами, взятыми в Чигирине¹.

Теперь двуглавый орел закрывал своими крыльями почти всю Украину, и было точно известно, где произойдут решающие бои. Турки не могли двинуться на Киев, не взяв Чигирина. Царь и Боярская дума, однако, внимательно изучили роспись киевских укреплений и поручили инженерам под командой воеводы (сначала А.А. Голицына, затем

¹ Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. I. 1649–1687 // ЧОИДР. 1858. Кн. I. Отд. II. С. 262–263; Костомаров Н.И. Руина. С. 268–270; и др.

И.Б. Троекурова) «тотчас» начать подготовку к обороне¹. Чигиринский замок с осени 1676 г. укрепляли 1200 выборных (гвардейских) солдат полковника Матвея Осиповича Кровкова — одного из создателей русской регулярной пехоты². Нижний деревянный город готовили к обороне присягнувшие на верность чигиринцы и казачьи полки гетмана Самойловича.

Предстоящая кампания изначально представлялась Москве как столкновение технического и военного искусства двух держав. Превратить Чигирин в современную крепость должен был инженер-полковник Николай фон Зален, в 1677 г. туда же был направлен инженер-полковник Яков фон Фростен³. Еще в 1676 г. Федор Алексеевич позаботился о переводе к весне 1677 г. на Украину одного из лучших солдатских полков — выборного полка генерал-майора Агтэя Алексеевича Шегелева⁴. Общее командование обороной Чигирина было поручено генерал-майору Трауэрнхуту. Даже гетман Самойлович, вызвавшийся было побить турок со своими казаками (чтобы русские только охраняли Левобережье), выступая на соединение с армией Ромодановского, почел за благо выпросить у государя Севский драгунский полк полковника Гамильтона.

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, я опираюсь на материалы, приведенные в обстоятельной работе по архивным документам: Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1857. № 6 (т. VIII). С. 143–180; № 7 (т. VIII). С. 285–328. Об укреплении Киева см. также: ДАИ. Т. 7. № 27 (отчет А.А. Голицына).

² Источники Малороссийской истории. С. 263. О формировании и подвигах солдатских выборных полков см.: Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. – М., 2006; и др. его работы.

³ ДАИ. Т. 9. № 23.

⁴ АИ. Т. 5. № 9. Указ датирован 31 августа 1676 г., поэтому срок высылки полка к 9 мая 1679 г. указан в издании ошибочно: следует читать «1677 г.».

Стратегические вопросы войны на Украине должен был решать князь В.В. Голицын. Ему, а не командующему основной армией князю Ромодановскому было поручено в 1676 и 1677 гг. даже определять время отвода войск на зимние квартиры¹. Это нарушение обычной субординации, когда воевода значительно меньшего полка писался первым, а командующий основными силами — всего лишь в «товарищах», сошло Федору Алексеевичу с рук, поскольку Ромодановский и Голицын имели один придворный чин (хотя история местнических споров знала примеры отказа подчиняться и менее экстравагантным решениям царя). С недостатком старой чиновной системы государь впервые остро столкнулся при отправлении из Москвы Траурнихта: Ямской приказ отказался давать ему подводы, не имея precedента для его чина, и Федору Алексеевичу пришлось пожаловать генерал-майора в стольники; царь запомнил этот случай.

Государь и Боярская дума осуществляли верховное руководство военными действиями, получая точные отчеты воевод и специальных чиновников (для чего по Калужской дороге была устроена скорая почта) и сравнивая их с данными разведки, находившейся в ведении Посольского и Разрядного приказов. Однако помимо собственно подготовки и ведения боевых действий Федор Алексеевич и его помощники (особенно В.В. Голицын) размышляли над военно-политической ситуацией в целом, и их выводы приходили в драматическое противоречие с результатами военных действий. Именно здесь кроется разгадка тайны Чигиринских походов 1677 и 1678 гг., не раскрытой авторами подробнейших военно-исторических исследований во всей полноте².

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 633, 706; ДАИ. Т. 7. № 50. Ср. № 51; Источники Малороссийской истории. С. 270–274.

² Помимо названных см.: Багалей Д.И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. – М., 1887;

План обеих кампаний был традиционен. Русские и украинские войска оставались на базах во избежание неожиданных изменений направления турецко-крымского удара, пока не подтверждалось наступление неприятеля на Чигирин. Крепость оборонялась, получая достаточно подкреплений, до подхода основной армии, которая и наносила супостатам сокрушительный удар, благо ей не приходилось гоняться за врагом: это было немаловажно, поскольку ударной силой русских были пехотные стрелецкие и солдатские полки и артиллерийский корпус (Пушкарский полк).

Трудно отказаться от детального описания Чигиринских походов, представлявших, пожалуй, самое красочное и величественное зрелище в истории Восточной Европы XVII в.¹. Однако остановлюсь только на принципиальных моментах, необходимых для понимания государственной деятельности царя Федора. Прежде всего, несмотря на огромную военную мощь Османской империи, русские и украинские войска были решительно настроены на победу. Была ли в том заслуга пропаганды или на людей воздействовало очевидное сосредоточение сил государства в одном решающем месте, но даже чигиринские казаки, которым русское и украинское на-

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2 // Ученые записки МГУ. Вып.94. 1946; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948; Ананович О.М. Запорожская Сечь в борьбе против турецко-татарской агрессии 50–70-х годов XVII в. – Киев, 1961; Woycik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejow polskiej polityki zagranicznej. – Wrocław, 1976. Следует выделить очерк Я.Е. Водарского: Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. С. 518–531, – тем более интересный, что, основываясь исключительно на архивных документах, автор не использовал работу А. Попова. См. также: Военная история Отечества. Т. 1. – М., 1995.

¹ См.: Богданов А.П. «Чигирин был оставлен, но не покорен». С. 20–44.

чальство первоначально не очень-то доверяло, не проявляли ни малейших колебаний. Высокий боевой дух отмечает даже старый ворчун полковник Патрик Гордон (впоследствии генерал), подробные дневники которого с избытком сообщают нам о всевозможных недостатках российских войск¹.

ПЕРВЫЙ ЧИГИРИНСКИЙ ПОХОД

Турецкая армия выступила от Дуная 20 июня 1677 г. под командованием победителя поляков Ибрагим-паши Шайтана. Она включала около 60 тысяч турок (по турецким сообщениям, число колеблется от 40 до 80 тысяч), в том числе отборную конницу тяжеловооруженных сипахиев и 10—15 тысяч янычар. Еще около 19 тысяч составляли вспомогательные войска молдаван и валахов и столь же неохотно выступившая Крымская орда (до 40 тыс. всадников). Традиционно тяжелая османская артиллерия насчитывала в этом походе 35 стволов 20—36-фунтовых пушек и 80-фунтовых мортир. Соединившись с крымчаками на Днестровской переправе под Тигином, турки 3 августа обложили Чигирин, стоящий на каменной горе над речкой Тясьмин, правым притоком Днепра.

Турки были известны царю Федору Алексеевичу по переводным историческим сочинениям (поляка Мацея Сtryйковского, итальянца Александра Гваньини и др.) как «ведомые городоемцы», к тому же им помогали специалисты союзной Франции. За одну ночь неприятели построили две

¹ Дневник генерала Патрика Гордона. – М., 1892. О Чигиринских походах см. с. 101–194. Новое, улучшенное издание: *Патрик Гордон. Дневник 1677–1678.* – М., 2005. См. также: Gordon P. Sixteen Further letters of General Ratrick Gordon. Ed. S. Konovalov // Oxford Slavonic Papers. 13 (1967). P. 72–95.

батареи и под прикрытием огня быстро повели осадные работы по системе Вобана, прокладывая зигзагообразные траншеи к Спасской башне. Вскоре башня была уничтожена мощным огнем с возведенных турками новых батарей (ближайшая располагалась в 60 метрах). Не было равных туркам в их излюбленных подкопах. Хотя от перебежчиков (среди которых оказался даже негр) генерал-майор Трауэрнхут знал примерное расположение подземных галерей, ни обрушить их огнем пушек, ни перехватить контрподкопами не удалось. Турки, как железные кроты, проходили через землю и сплошную скалу, взрывая бастионы нижнего и башни верхнего города.

Здания Чигириня были уничтожены (бомбами разнесло даже пожитки опытного вояки фон Фростена), крепостная артиллерия в значительной мере подавлена, но неприятеля, по инженерной науке и в согласии с традицией, встречали запасные оборонительные линии и ретраншементы. Наибольший успех осажденным давало массовое применение ручных гранат, производством и совершенствованием которых успешно занимались тульские заводы. Благодаря гранатам россияне производили страшное опустошение среди осаждающих и разрушали их работы на вылазках (крупными силами их было проведено около 10), так что туркам пришлось превратить свои шанцы чуть не в пещеры; гранатами же был отбит генеральный штурм после взрыва подкопов. В конце концов, турки стали прекращать атаки, едва завидев новые укрепления позади взорванных ими.

Трехнедельная безуспешная осада произвела удручающее впечатление на турок. По выражению гетмана Самойловича, Чигиринская крепость «костью им в горле стала». Российский же гарнизон, несмотря на «великое утеснение от верховых нарядных гранат» из османских мортир, пребывал в праздничном настроении. Московские стрельцы (вместе

с выборными солдатами их насчитывалось до 5 тысяч) ходили на вылазки «как на праздник», при полной парадной форме, то есть в суконных кафтанах цвета своих полков с золотыми, серебряными и цветными парчовыми нашивками, красочных перевязях-бандалерах (на них подвешивались сабли и патроны) и блестящих стальных касках. Солдаты, к слову сказать, выглядели скромнее: в колетах и черных латах обычного европейского образца (кираса, набедренники и шлем с полями).

Победный настрой заслонил даже противоречие «холлов» с «москалями»: «казаки приходили из нижнего города в верхний и русским людям помогали, и русские люди ходили в нижний, бились вместе с казаками». Принявший православие генерал-майор Афанасий Трауэрнхт был, по рассказам шатландца на русской службе Патрика Гордона, человеком сложным, однако своевольные казаки признали в нем человека знающего, твердого и слушались беспрекословно. Все обращения Юрия Хмельницкого, привезенного турками в обозе и призывающего перейти под его знамена, оставались безответными; до осады дезертиров хватало, но к туркам и Хмельницкому не перешел никто.

Гарнизон был совершенно уверен в помощи армий Ромодановского и Самойловича, 10 августа соединившихся на Артаполате и двигавшихся к Днепру (при мягком подстегивании из Москвы). Блокада представлялась осажденным временной и ненадежной — и действительно, 20 августа отряд подполковника Фаддея Тумашева (615 белгородских драгун и 800 гетманских сердюков) с распущенными знаменами и трубным игранием вошел в Чигирин по мосту через Тясьмин.

Тем временем Ромодановский выбрал место для форсирования Днепра на Бужинском перевозе и готовился продемонстрировать туркам классическую операцию. Князь рас-

полагал 32 тысячами воинов (с полками «прибылой рати» В.Д. Долгорукова – до 49 тысяч) и имел в тылу 15-тысячную армию В.В. Голицына, но с пользой пустить в дело мог около 67 % от этого числа, входивших в регулярные полки: демонстрировать неприятелю толпы дворянского ополчения с холопами воевода не имел никакого желания.

Более всего Ромодановский полагался на солдат и стрельцов, вооруженных единообразными мушкетами и холодным оружием (сабли, шпаги, бердыши и пики). Стрельцы объединялись по 500 человек в приказы во главе с головами и полуголовами, солдаты – в полки по 1600 человек (реально всегда было меньше) во главе с полковниками. Те и другие имели полковую артиллерию и гренадеров. Драгуны представляли собой солдат, посаженных на коней, вооруженных облегченными мушкетами с кремневыми ударными замками и шпагами, но на них воевода не слишком-то полагался, как и на обычных (не гвардейских) солдат: те и другие в мирное время крестьянствовали.

Конница Ромодановского состояла из полков в 1000 человек, постоянно квартирующих в городах Белгородского военного округа – разряда (дворян из центральных уездов и воевод мы в расчет не берем), которым князь ведал не одно десятилетие. Это были рейтары в латах и шлемах, каждый с карабином, парой пистолетов и палашом или саблей. Их полк делился на 10 рот по три капральства в каждой. К рейтарскому полку обычно приписывался эскадрон копейщиков – тяжелой кавалерии для атаки с копьем и пистолетом в руках при поддержке огня рейтар; также и к полкам копейщиков приписывался эскадрон рейтар. Сравнительно малочисленные гусары имели легкие латы с наручами и копья вдобавок к саблям и пистолетам¹.

¹ Подробнее см.: Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М., 1954. С. 45, 47. I–III.

Наконец, Ромодановский имел конную артиллерию драгун и довольно маневренный Пушкарский полк: всего 126 стволов литых полевых пушек и гаубиц, стрелявших 1—10-фунтовыми ядрами и гранатами. Эту силу князь лично расставил на берегу Днепра, где противоположный берег понижался и полуостровом вдавался в реку. В ночь на 27 августа солдатские полки Верстова и Воейкова и казачьи Левенца и Барсука на барках пересекли реку и отбросили заслон крымских татар. Артиллерия с другого берега подавила начавшуюся было стрельбу турок. Высадившиеся окопались, а затем, по совету Гордона, расширили плацдарм, построив укрепленную линию длиной более 3 км.

Ромодановский действовал планомерно, посыпая в лодки новый полк, как только для него приготовлялось укрепление. Лишь во второй половине дня 27 августа турки вновь атаковали, но были отброшены плотным огнем полковой артиллерии и мушкетов выборных солдат Шепелева и Кровкова. Командующий успел перебросить полки Гордона, Гранта, Россворма, кавалерию полковника Косагова и казаков Новицкого (Нежинский, Гадячский и Полтавский полки). Переправа 15-тысячного корпуса обошлась потерей нескольких десятков человек, при этом занятый ими плацдарм был хорошо укреплен.

Вообще-то переправа перед лицом неприятеля считалась в XVII в. отчаянным подвигом и сопровождалась серьезными потерями (читай французскую историю), поэтому Ибрагим-паша не сразу поверил донесениям, а поверив, сделал худшее, что мог выдумать: беспорядочно бросил основную часть армии на плацдарм. Возможно, турки и татары не собирались проявлять чудеса героизма, но, когда наступающие дрогнули под плотным огнем русской артиллерии, Косагов бросился в рукопашную и нанес про-

тивнику страшные потери: только тяжесть его закованной в кирасы кавалерии остановила избиение за пять верст от берега. На поле боя остались тела сына крымского хана, «сыновей паши» — огланов, множества турецких офицеров и крымских мурз, всего около 20 тысяч трупов. Российские войска потеряли 2460 человек убитыми и около 5 тысяч ранеными.

В ночь на 29 августа Ромодановский и Самойлович еще не завершили переправу, а войско Ибрагим-паши уже бежало в сторону Буга, бросив артиллерию, обоз и продовольствие. Догнать и побить удалось лишь арьергардный отряд. Российская армия простояла под Чигирином с 5 по 10 сентября, занимаясь починкой сильно разрушенных укреплений, и отправилась на зимние квартиры. Федор Алексеевич мог заняться своим излюбленным делом — награждением участников похода (в основном передачей части поместий в вотчину и пожалованием новых земель, № 640, 671, 684, 736, 739, 743, 776, 793), заботой о раненых (№ 732), обеспечением льгот участникам военных действий (№ 680, 710, 733, 760, 783, 794) и т.п.

ВТОРОЙ ЧИГИРИНСКИЙ ПОХОД

Осенью 1677 г. и зимой 1678 г. Федор Алексеевич был весьма озабочен сбором припасов «на оборону Киева против наступающих неприятелей», переведя туда из Севска Петра Ивановича (Патрика) Гордона в новом чине генерал-майора для командования драгунским и солдатскими полками и составления сметы всего необходимого. При этом Гордон, не успев получить царского указа от 5 ноября, 15 ноября сам явился в Москве с готовыми росписями сил и средств, потребных для защиты Киева, так что уже 26 и 27 ноября

государь с боярами смогли отдать соответствующие распоряжения¹.

Известно, как поощряется в России подобная сметливость: Гордон со своими драгунами и солдатами был отправлен обороныть Чигирин, правда, со специальным указанием Федора Алексеевича не употреблять ценного специалиста-фортификатора ни в каких вылазках. По просьбе Самойловича назначить комендантом города «знатную особу», воеводой в Чигирин был послан знаменитый «твердостоятельный» обороной крепостей Иван Иванович Ржевский, произведенный 7 марта 1677 г. в окольничие². Нужно было восстановить, расширить и перепланировать замок, что и было выполнено к 1 июня, когда Ржевский отоспал царю Федору Алексеевичу подробный план и описание новой крепости³.

Кампания 1678 г. началась так, словно прошлогодняя война была лишь генеральной репетицией. Отборную

¹ ДАИ. Т. 9. № 28, 44. I-II, 45, 47. I-III.

² *Crummey R.O. Aristocrats and Servitors.* P. 196.

³ Описание опубл. : ДАИ. Т. 9. № 37. Сохранились два экз. плана Чигиринских укреплений работы Патрика Гордона: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Киевская губ. № 13; БРАН. Собр. илл. рукописей. F° 266. Т. 4. Л. 38; гравированная копия плана РГАДА опубл: *Tagebuch des Generals Patrick Gordon. St. Petersburg, 1851. Bd. II* (отдельный лист); Дневник генерала Патрика Гордона. – М., 1892. Ч. 1–2. См. также Росписной список полковника Матвея Кравкова, составленный при передаче г. Чигирину генералу Афанасию Трауэрнхуту в июне 1677 г. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 140); Росписной список Чигирина, приема воеводы Б. Корсакова у воеводы А. Трауэрнхута 1678 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 166); Роспись крепостного строения нового Верхнего Чигирин при воеводе И.И. Ржевском и дьяке В. Никитине от 14 мая 1678 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 102); Роспись Верхнему и Нижнему городу Чигирину, а сколько которого города, и башен, и выводов кругом, и каковых в котором месте крепости и урочища, и как которою стороною, на восток и на запад стоит, и то написано по азбуке ниже сего 1678 г. (РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 152).

турецкую армию, собравшуюся к концу апреля у Исакчи, провожал в поход сам султан Магомет IV. Командование взял на себя новый великий визирь Кара-Мустафа-паша — известный полководец, прославленный прежними победами, а несколько лет спустя упорно осаждавший Вену. На пути к Днестру к 80 тысячам турок присоединилось около 5 тысяч молдован и валахов во главе со своими господарями; за Бугом в войско влились 4 тысячи казаков Юрия Хмельницкого и около 30 тысяч татар хана Мурат-Гирея. На этот раз помимо 25 осадных пушек и 12 мортир турки везли с собой 80 полевых орудий, не слишком маневренных, но пригодных в оборонительном сражении.

Гарнизон Чигирина из стрельцов, солдат и казаков насчитывал 13 600 человек при 82 пушках и четырех мортирах. Уже в апреле переправился через Днепр и укрепился среди лесов и болот в трех верстах от крепости почти десятитысячный корпус генерал-майора Г.И. Косагова. Знаменитый воин послал в Чигирин всего 2,5 тысячи человек, удерживая с остальными переправы через Днепр и Тясмин. 50-тысячная армия Г.Г. Ромодановского выступила из Курска 17 апреля и в середине июня соединилась на Артополате с 30 тысячами казаков Самойловича, а также донцами под командой прославленных атаманов Матвея Самарина и Фрола Минаева. 26 июня главные силы россиян стояли уже на Днепре.

Ромодановский и Самойлович имели прекрасную возможность упредить турок под Чигирином и навязать Кара-Мустафе наиболее выгодное для них встречное сражение, тем более что они располагали достаточной информацией о неприятеле. Однако военачальники повели себя столь загадочно, что исследователи до сих пор тщетно искали разумное объяснение их маневрам. Вместо того чтобы переправиться через Днепр на заранее выбранном и охраняемом Косаговым месте, воевода и гетман предприняли боковое движение

вверх по реке, форсировали Сулу и только 6 июля вновь вышли к Днепру у Бужинского перевоза.

Турки подступили к Чигирину 8 июля и обложили его на следующий день, не зная о близости российской армии. Как бы для их удобства Косагов 9 числа получил приказ всеми силами сопроводить в крепость 2200 человек подкрепления — и, с понятными чувствами, выполнил его, оставив укрепленный лагерь и брод через Тяньмин, немедленно занятый 10-тысячным отрядом татар. Со скрежетом зубовым Косагов выполнил приказ, оставил татар в покое, отступил к главной армии и буквально растворился: с этого времени участие одного из лучших русских полководцев в кампании не прослеживается.

Ромодановский и Самойлович полностью переправились, когда татары наткнулись на 10-тысячный корпус из рейтар, драгун и солдат думного генерала Венедикта Андреевича Змеева. Неприятель в панике бежал, но Ромодановский и не подумал вновь занять переправу через Тяньмин. Кара-Мустафа, напротив, уяснил обстановку и 12 июля бросил в атаку 20-тысячное турецкое войско и крымскую орду. Левофланговый корпус Змеева был опрокинут, но оправился и контратаковал, когда неприятель был остановлен сосредоточенным огнем Пушкарского полка стольника Семена Федоровича Грибоедова. Турки и татары бежали с поля. Противник неудачно атаковал и 15 июля, но Ромодановский стоял как вкопанный, не делая попыток к наступлению или даже преследованию.

Это объясняют тем, что воевода имел четкий царский указ не начинать активных действий до прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского, отправленного вербовать калмык и прочих степных всадников по действительно имевшей место просьбе Самойловича к Федору Алексеевичу. Но сам государев указ настоятельно нуждается в объ-

Царь Алексей Михайлович Романов
(Из «Титулярника» 1672 г.)

Первая встреча царя Алексея Михайловича
с боярыней Марией Милославской. Художник М.В. Нестеров

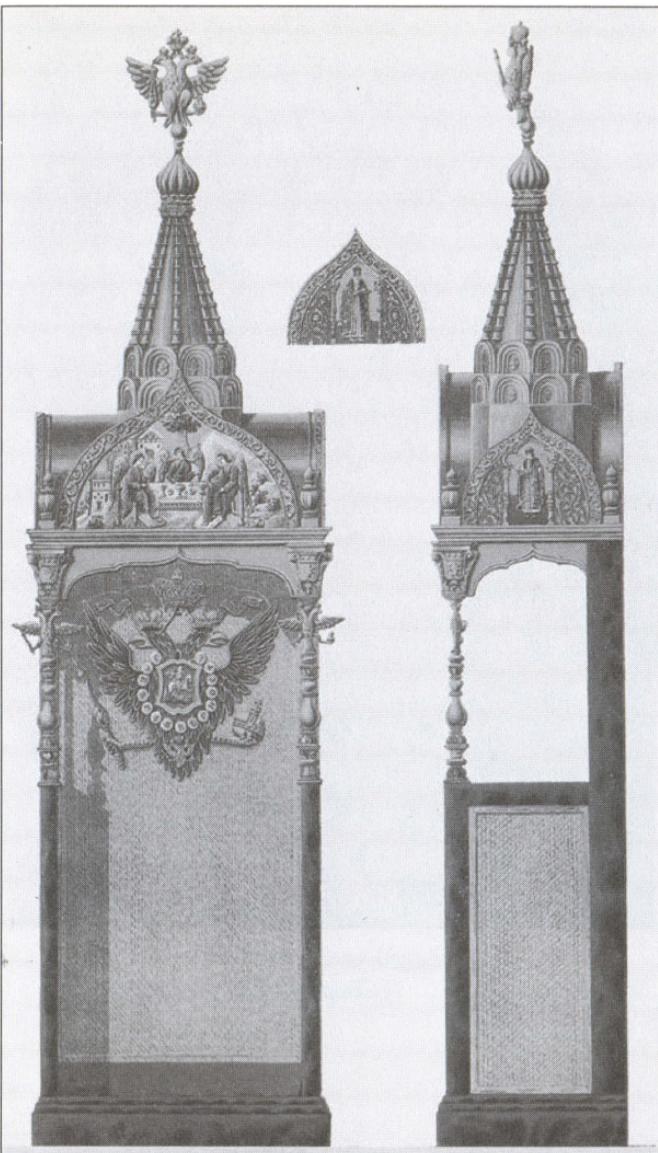
Царь Алексей Михайлович. Гравюра XIX в.

Царица Мария Милославская.
Рисунок XIX в.

Царь Федор Алексеевич
(Из «Титулярника» 1672 г.)

Царское место Федора Алексеевича.
Художник Ф.Г. Солнцев

Боярин А.С. Матвеев.
Гравюра XIX в.

Наталья Кирилловна Нарышкина.
Гравюра XIX в.

Царевич Алексей Алексеевич.
Парсуна XVII в.

Царевна Мария Алексеевна
(1660—1723). Гравюра XIX в.

Царевичи Иван и Петр.
Гравюра XVII в.

Царевна Софья. Гравюра XIX в.

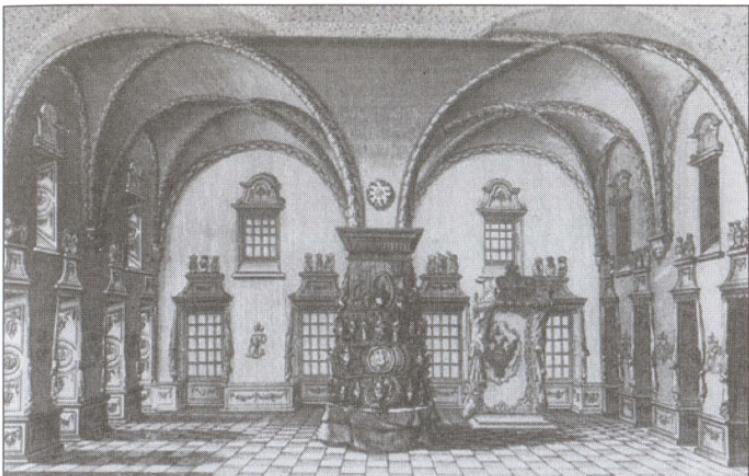
Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII век.

Художник А.М. Васнецов

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке.

Художник А.М. Васнецов

Интерьер Грановитой палаты в Кремле.
Гравюра XVIII в.

Приезд иностранцев в Москву XVII столетия.
Художник С.В. Иванов

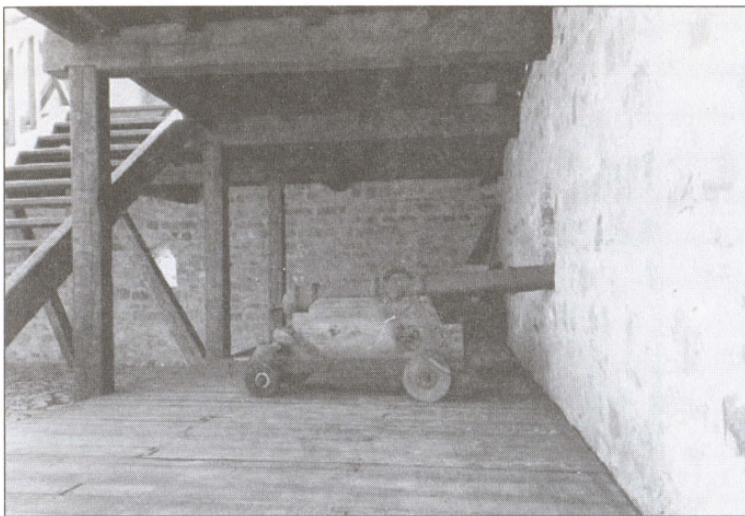
Симеон Полоцкий. Гравюра XIX в.

Боярин-воевода XVII века. Гравюра XIX в.

Стрельцы XVII века: рядовой, знаменищик,
начальствующие лица. Гравюра XIX в.

Пушка в крепости Чигирин

Крепостные пушки-пищали XVII века

*Изображение Федора Алексеевича
в Архангельском соборе Московского Кремля*

яснении: какое значение имела бы целая орда степняков в современных боевых действиях, где даже регулярная конница русских и турок в основном оставалась в резервах? 28 июля Черкасский привел к более чем 80-тысячной русско-казацкой армии от 2 до 4 тысяч «бедных, голодных и оборванных наездников». 31 июля Ромодановский начал наступление к Чигирину.

Героическая оборона города шла уже три недели. Защитники Чигирина знали, что на них смотрит вся страна, более того, весь христианский и мусульманский мир. Пастыри Великой, Малой и Белой России служили молебны о победе над супостатами и призывали христиан к посту и молитве в час великого испытания¹. Покоренные турками христианские народы во главе с Константинопольским патриархом с надеждой смотрели на чигиринскую твердыню.

Подвиги защитников Чигирина, на которых ежедневно обрушивалось до 1000 ядер и бомб, потрясают даже в скромном и ворчливом изложении Гордона. При осаде и обороне города были продемонстрированы самые передовые достижения фортификационной, минной и артиллерийской науки. Турки сопровождали атаку огнем через головы наступающих и, не отводя войск, сносили пушками и мортирами вторые линии укреплений. Они применили собственные ручные гранаты, создали специальные штурмовые отряды. Осажденные несли потери, но отражали все штурмы, восстанавливали укрепления и сдерживали турецкий натиск вылазками, целых три недели не зная, где находится русско-украинская армия.

Согласно французским источникам, Кара-Мустафа-паша отчаялся взять крепость в кампанию 1678 г. Только решение военного совета, на котором незначительное большинство

¹ ААЭ. Т. IV. № 224, 226–227, 229; и др.

поддержало дефтердаря (главного финансового советника) Ахмет-пашу, вынудило визиря продолжать осаду. Военный совет определил также навесить через Тясымин мосты и занять на том берегу господствующие высоты свежими янычарскими корпусами Каплан-пashi и Кер-Гасан-пashi численностью в 10 тысяч человек с 50 пушками и вспомогательными отрядами татар.

Ромодановский вновь опоздал. Его передовые отряды пробились 31 июля к Кувечинскому перевозу через Тясымин, но были остановлены янычарским огнем с Чигиринских гор. К 1 августа, когда русские начали решительное сражение, янычары основательно окопались на Стрелковой горе, по которой круто поднимался с приднепровской равнины Кувечинский взвоз. Ночная атака русских 1 августа не удалась. Видя, что малой кровью уже не обойтись, Ромодановский решил дать туркам показательный урок. Против лучшей османской пехоты, находившейся в самом выгодном положении и имевшей сильную артиллерийскую поддержку, наступала русская регулярная пехота, по условиям местности почти лишенная артиллерийского прикрытия: полевая артиллерия не добивала до вершины, а руками вкатить орудия на кручу не удавалось.

Вперед выдвинулся правый фланг Ромодановского: дивизии генерал-поручика Аггея Алексеевича Шепелева и генерал-майора Матвея Осиповича Кровкова, всего 6 тысяч выборных солдат с резервом из 10-тысячного корпуса конницы и пехоты думного генерала Бенедикта Андреевича Змеева. В чрезвычайно трудных условиях, под ужасающим огнем неприятеля солдаты карабкались на гору. Несколько атак было отбито, но русские не отступили. Генералы Шепелев и Кровков вышли перед строем и сами повели солдат в бой, надев шляпы на шпаги. Ретраншементы и батареи янычар были взяты штурмом, русские были уже

в турецком лагере, однако ожесточенное сражение продолжалось.

Шепелев своею шпагой срубил бунчук паши, но получил тяжкую рану, а Каплан-паша сумел фланговой атакой отрезать ворвавшихся на гору солдат. Рейтары, драгуны и городовые солдаты Змеева не смогли оказать выборным солдатам своевременной поддержки. Дело спасли 9 стрелецких полков (6 тысяч человек) центра армии Ромодановского. Они ворвались на гору, когда построившиеся в каре и огородившиеся рогатками выборные солдаты уже отбивались прикладами мушкетов. За стрельцами на Стрелковой горе появился корпус Змеева, затем 15-тысячный отряд конницы и пехоты центрального резерва. Конница преследовала турок и крымского хана до горящих мостов через Тяньмин, даже в главный турецкий лагерь ворвались казаки (они составляли левый фланг под командой Самойловича). Победа показала качественное превосходство русской армии, в особенности регулярной пехоты, над турецким воинством.

«ЧИГИРИН ОСТАВЛЕН, НО НЕ ПОКОРЕН»

Во всех московских церквях пелись благодарственные молебны; однако положение Чигирина не изменилось. Имея подробные отчеты из армии и крепости, планы и карты, царь Федор Алексеевич хорошо представлял себе, как разворачиваются военные события, мог почти увидеть их глазами участников событий. С 31 июля, заметив движение турок за Тяньмином и узнав от перебежчиков и пленных его значение, чигиринцы ожидали русско-украинскую армию, не обращая особого внимания на взрывы очередных турецких подкопов и усиленную бомбардировку. 3 августа канонада за Тяньмином подсказала, что помощь близка...

К вечеру комендант Чигирина Иван Иванович Ржевский вышел на раскат (башню): Чигиринские высоты цвели русскими знаменами. Непобедимый воевода, отстоявший от неприятеля немало городов, видел «великого государя полковое знамя... камчатное красное, расписанное: образ Спаса Нерукотворного, по сторонам ангелы и в середине звезды, написано золотом и серебром... древко писано золотом с красками, на древке яблоко и в нем крест серебряный золоченый». Знамена солдатских полков были «писаны золотом и серебром по белой тафте, на двух знаменах орлы распластанные, на третьем лев; кресты, и подписи, и травы писаны золотом же и серебром». Красные солдатские знамена имели «в середине кресты, и месяцы, и звезды белой тафты», зеленые — «кресты, и месяцы, и звезды красной тафты». Особо красочно были расписаны длинные знамена конницы¹.

Прямое попадание турецкого ядра затмило глаза Ржевского; в тот же день стало известно о тяжелом ранении Шепелева (бытующие в литературе сведения о его смерти несколько преувеличены). Избранный офицерским советом в коменданты крепости Патрик Гордон напрасно требовал продолжить наступление на главный турецкий лагерь. Ромодановский и Самойлович, расположившиеся буквально в трех верстах от Чигирина, не трогались с места. Русско-украинские войска, казалось, безучастно наблюдали, как турки с отчаянной энергией штурмуют город. Только маленький отряд Косагова (коего в данном случае называют полковником; и в самом деле, где был его корпус?) сразился с турками на Тяньминском островке, да генерал Вульф устроил на другом острове батарею.

¹ ДАИ. Т. 8. № 39; и др. См. также: Малов А.В. Знамена войск нового строя // Цейхгауз. 2001. № 3; его же. Знамена войск нового строя: Символика креста // Там же. 2001. № 4.

Предположение, что Ромодановский «не рискнул» переправляться через Тяньмин перед лицом сильной армии Кара-Мустафы, противоречит всему опыту замечательного полководца, который начал свою карьеру, в конном строю атаковав превосходящие силы поляков вплавь через озеро, с саблей в зубах, и после многочасовой рубки истребил войска коронного гетмана Станислава Потоцкого в горящем Слонигордке (1655). Тяньмин — не Днепр, к тому же один из мостов вел прямо в Чигириин, представлявший собой готовый плацдарм для вспомогательного удара. С Ромодановским должно было произойти нечто очень серьезное, чтобы воевода ограничился сменой значительной части гарнизона Чигирина и мелкими, притом безуспешными операциями против турок на протяжении целой недели. Притом странное оцепенение приключилось не только с ним, но и с десятками видных русских воевод и генералов, отважных полковников и казачьих атаманов...

Русско-украинское командование не пошло даже на то, чтобы отвлекающими ударами помочь чигиринцам отвоевать потерянные валы и бастионы, а может быть и выбить турок из передовых траншей. Кольцо осады было сжато уже до предела; город со дня на день должен был пасть. Ромодановский знал о приближающемся генеральном штурме и писал об этом коменданту; Гордон отвечал, что не боится и отстоит город, но сие от него не зависело. 11 августа страшные взрывы потрясли Чигириин и турки ринулись в проломы. Казаки (украинские летописцы пишут, что по слухам воскресенья они были в стельку пьяны) бросились в беспорядочное бегство, мост под их тяжестью обрушился, и масса людей погибла.

Русские войска держались стойко; стоявшие в нижнем городе эскадроны полковника фон Вестгофа полегли почти целиком. Отразив штурм замка, Гордон с четырьмя напо-

ловину русскими, наполовину украинскими регулярными полками (Курским, Озерским, Сумским и Ахтырским) отбил ворота горящего нижнего города, возвел новые укрепления и обеспечил связь замка с переправой. Он посыпал гонца за гонцом, прося у Ромодановского всего 5 или 6 тысяч воинов, чтобы отбить весь нижний город, однако не получил подмоги. Командование решило оставить крепость самым странным образом, без письменного приказа: посланному велено было лишь объявить об этом у ворот, не въезжая в замок!

В результате первыми стали отступать к лагерю Ромодановского войска, охранявшие ворота, на которые немедля напали турки. Затем по одному ринулись прочь из города полковники с воинами, которых сумели собрать. Гордон получил-таки письменный приказ, без которого отказывался двигаться с места, в третьем часу ночи, через посыльного полковника московских стрельцов Александра Карандеева (как увидим, это было не случайно). Подготовив к уничтожению тяжелое вооружение и запасы, храбрый шотландец одним из последних с пистолетом и шпагой пробился к переправе, удерживаемой кучкой казаков.

Те из защитников Чигирина, кто не смог пробиться, вернулись на бастионы замка. Они взорвали пороховые погреба, когда замок был занят турками, захватив с собой более 4 тысяч неприятелей. Бездарная эвакуация Чигирина стоила жизни полковникам Корнелию фон Бокховену и Прохору Протасову, трем капитанам, четырем лейтенантам и до 600 стрельцов и драгун (для сравнения, за все время боев русский гарнизон потерял убитыми 1300 человек). Разъяренный Гордон тут же выложил Ромодановскому и воеводам, что он о них думает, но — что любопытно — не получил ни слова в ответ. «Так был защищаем и потерян Чигирин, — за-

писал шотландец в своем дневнике, — он был оставлен, но не покорен»¹.

Ромодановский словно дожидался этого. Он немедленно со всей распорядительностью организовал отступление армии к Днепру. Русские войска шли в отличном порядке batallion quegge, огражденные обозами, с лучшей пехотой в арьергарде; кавалерия была спешена. Многочисленные атаки турок и татар не могли задержать движения российских войск, и Кара-Мустафа сумел сосредоточить против их фронта достаточно сил лишь после того, как они заняли старый укрепленный лагерь на берегу Днепра.

С 14 августа между армиями Кара-Мустафы и Ромодановского происходили огневые и рукопашные бои, причем русские солдаты и стрельцы временами атаковали неприятеля, не дожидаясь и не слушая приказов. Только распоряжение об общем наступлении 17 августа дисциплинировало русско-украинскую армию. Устрашенные яростной общей атакой турки и татары бежали к Чигирину, россияне же, подобрав трофеи, отправились через Днепр в освояси.

Возвращение было траурным. Турки, срыв остатки Чигирина, торжествовали победу, которую не испортил даже атаман Серко, сжегший мосты через Буг. В России (не говоря об Украине!) ужасались «магометанской силе»; патриарх Иоаким 26 августа, после окончания военных действий, призвал всю страну молиться «за великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... и за всех людей от нашествия варваров»². Московское правительство старалось приукрасить итоги кампании; русские потери убитыми и пропавшими без вести определялись им всего в 3290 человек и ранеными в 5430 человек, тогда как турецкие — в 30—60 тысяч³.

¹ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 185.

² ДАИ. Т. 8. № 33. Цит. с. 101.

³ Смирнов Н.А. Россия и Турция. С. 159—162.

Слухи об измене полководцев ширились с каждым шагом отступающих войск. Бескомпромиссный запорожский кошевой Иван Серко, разорвавший мирный договор с татарами ради участия в кампании, резал прямо в глаза Самойловичу: «Не только мы, низовое войско Запорожское, но и весь свет великороссийский и малороссийский ясно видят неспособность вашу и князя Ромодановского и нежелание оказать помощь» Правобережью из-за застарелой злобы к Чигирину и всему Заднепровью. «Пропал Чигирин и вся тогобочная Украина, — писал о мнении малороссиян Самуил Величко, — от неспособности и коварства Ромодановского и, без сомнения, неприязни к ним Самойловича».

Ходил слух, что Ромодановский вступил в переговоры с крымским ханом, у которого томился в плену его сын Андрей, и хан обещал содрать с того кожу, если Чигирин не будет сдан. В Москве говорили, что в одном Чигирине погибло до 30 тысяч, а в армии еще больше россиян умерли от болезней. «Обвинения против князя Ромодановского так велики, — доносил нидерландский резидент в Москве Иоганн Вильгельм фан Келлер, — что если они подтвердятся, то он рискует потерять не только место, но и жизнь. Ни он, ни сын его не являлись еще в Москву; впрочем, ему и опасно показаться сюда, чтобы народ не взорвался; так сильно против него негодование»¹.

Обвинения звучали тем более остро, что князь Григорий Григорьевич Ромодановский был истинным благодетелем и защитником Украины, сражаясь за нее от самой Переяславской рады; с 1657 г. он бессменно командовал Белгородским полком (затем разрядом) — главной русской армией на юго-западе. Еще недавно украинцы славили его бесчисленные победы над поляками, татарами, гетманами-изменниками

¹ Цит. по: *Попов А.* Турецкая война. С. 321–322, 325–326.

и турками, умоляли московское правительство ни в коем случае не лишать их руководства честного и бескорыстного воеводы (этим качествам Ромодановского отдает дань историк С.М. Соловьев).

В Москве не одно десятилетие считали белгородского воеводу незаменимым и с трудом давали ему самый малый отпуск. Разумеется, Григорий Григорьевич и его сын, товарищ в боевых походах князь Михаил, могли оправдаться перед современниками и потомками — оправдаться документально, — но предпочли молчать.

Как человек чести, Ромодановский не мог указать на главных виновников падения Чигирина: царя Федора Алексеевича и его ближайших советников (начиная с князя В.В. Голицына). Ромодановский предпочел подать в отставку; отводом армии на зимние квартиры командовал уже Голицын¹. 15 мая 1682 г. Григорий Григорьевич был разорван на части, защищая царский дворец от восставших стрельцов и солдат; сын его князь Михаил чудом спасся от позорной смерти (и позже был обвинен Петром I в сговоре со стрельцами). Оба тщетно надеялись, что история восстановит их доброе имя: хотя важнейшие документы были опубликованы и использовались историками (например, А.Н. Поповым), отечественная историография, по обыкновению, не оспорила распространенного мнения. Впрочем, судите сами.

СЕКРЕТНЫЙ УКАЗ ГОСУДАРЯ

В келье Троице-Сергиева монастыря царь Федор Алексеевич 23 сентября 1677 г. принял посланца от гетмана Самойловича с подробным докладом о победе над Ибрагим-

¹ Загоровский В.П. Изюмская черта. С. 101; ПСЗ-І. Т. 2. № 706.

пашой, уже сделав распоряжения, направленные на свертывание войны с турками. Прежде всего государь распорядился отзывать русские войска из-под Азова, где они успешно действовали при поддержке флота. С азовскими властями было заключено перемирие, состоялся размен пленных, и русские полки на 47 кораблях ушли вверх по Дону, разрушив свою крепость¹. Боярская дума обсудила вопрос о разрушении Чигирина; для консультаций по этой проблеме на Украине был назначен стольник Василий Михайлович Тяпкин, бывший резидент в Варшаве, именно 23 сентября получивший верительные грамоты и наказ (инструкцию)².

Выбор Тяпкина, лучше всех знавшего положение в Польше, был не случаен: истекал срок Андрусовского перемирия 1667 г., по которому Россия обязалась вернуть Речи Посполитой Киев. Поскольку отдавать Киев Федор Алексеевич не собирался, неизбежным было серьезное дипломатическое столкновение, крайне осложненное мнением панов: заняв Чигирин, царь «отобрал у нас всю Украину!» По польской логике, уступка Украины туркам ничего не значила в отношениях с Москвой, зато Журавинский мир с Портой и Крымом позволял Речи Посполитой воевать с бывшим союзником за Киев, Смоленск, Невель, Себеж и другие города. Хотя среди шляхты не было единодушия, значительная часть ее мечтала взять реванш над Россией за поражение в прошлой войне. Если бы удалось отстоять Чигирин от турок, за него, вполне вероятно, пришлось бы сразиться с поляками...

¹ Загоровский В.П. Изюмская черта. С. 86.

² О миссии Тяпкина пишут А.Попов (Турецкая война. С. 285–290), С.М. Соловьев (История России. Кн. VII. С. 210–212) и др. Его статейный список см.: РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 124/1. 1677 г. № 24, 25. О его предыдущей миссии см.: Попов А. Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. – СПб., 1854.

Ромодановский не принимал этих сомнений и отвечал Тяпкину четко: «Разорить и не держать Чигирин отнюдь невозможно, и зело бесславно, и от неприятеля страшно и убыточно. Не только (Правобережной) Украине, но и самому Киеву зело будет тяжко». Гетман Самойлович заявил еще резче: «Прежде, нежели разрушать Чигиринские укрепления или дозволять неприятелю завладеть ими, пусть объявит всей Украине, что она великому государю его царскому величеству ни на что не потребна, для того и Чигирин разорен!»

Не ограничиваясь протоколом переговоров с Тяпкиным, Ромодановский и Самойлович с военачальниками составили доклад государю о военно-стратегическом значении Чигирина для Украины и самой России (поскольку от него до Путивля не более тридцати миль), о его ценности как крепости, возле которой сосредоточены все окрестные лесные запасы, и, главное, как политического центра, на который ориентируется Правобережье.

Эти ответы не убедили Боярскую думу, и вслед за Тяпкиным на Украину был отправлен уже упоминавшийся стольник и полковник Александр Федорович Карандеев с сомнениями по поводу удобства расположения Чигирина и предложением построить вместо него новую крепость на Днепре (на которую по меньшей мере не претендовали бы поляки). Съехавшись в Рыльск на совещание, Ромодановский и Самойлович составили новый доклад о необходимости удержания именно Чигирина, а вскоре воевода получил указ Федора Алексеевича лично прибыть в Москву.

Протоколов заседаний Думы не велось, но, судя по доносениям нидерландского резидента Келлера, доверенного лица русского правительства¹, вопрос стоял ребром: глав-

¹ Ср.: Белов М.И. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посв. 75-летию проф. С.Н. Валка. –

нокомандующим чуть было не назначили В.В. Голицына, что означало бы сдачу Чигирина, но победили сторонники Г.Г. Ромодановского, взявшего защиту крепости на свою ответственность¹. Царь Федор Алексеевич щедро наградил всех военачальников; Ромодановскому при особой грамоте с перечислением его военных подвигов было пожаловано из дворцовых земель село Ромодановское в Калужском уезде — давно утраченное этой княжеской фамилией родовое гнездо².

Это не говорит о том, что Ромодановского заранее предназначили в жертву. Власти, начиная с Федора Алексеевича, все еще пребывали в сомнении, тем более что король Ян Собеский, не имевший в Раде решительного перевеса для разрыва с Россией, оттягивал переговоры с Москвой, ожидая развития военных событий. Желая определиться, Федор Алексеевич в ноябре 1677 г. послал в Варшаву опытных дипломатов — окольничего И.И. Чаадаева и дьяка Е.И. Украинцева — с сообщением, что Россия не уступит Киева, но король отправил их восвояси с ответом, что все вопросы будут решать великие послы Речи Посполитой (которые под разными предлогами задерживались)³.

Дело осложняли украинцы, справедливо возмущавшиеся перед Карандеевым и в отписках в Москву самой мыслью о возможности переговоров с поляками о Киеве или Чигирине⁴. Крымские власти, всегда с опасением относившиеся к

М.—Л. , 1964. С. 374–382; Богданов А.П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. – М., 1982. С. 57–84.

¹ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 124/1. 1678 г. № 11.

² ДАИ. Т. 9. № 30. 27 марта 1678 г.

³ РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 185. Ср. № 184.

⁴ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 124/1. 1677 г. № 31, 37.

военным акциям турок в Северном Причерноморье, только оправлялись от потрясения, связанного с переменой их верхушки разгневанным неудачей похода 1677 г. султаном Мехмедом IV. В Крыму был поставлен новый хан, нурадин-султан и калга (командующие правым и левым крыльями орды). Понятно, что прибывшие в Москву посланники хана говорили о мире только при условии уступки Чигирина и всей Правобережной Украины туркам.

Федору Алексеевичу были известны претензии Турции на господство над мусульманским миром, в частности, мечты Стамбула об обладании Кавказом, Астраханью и Казанью. Царя страшила огромная мощь Османской империи, способной, при сосредоточении усилий на одном театре военных действий, привести Российское государство к полному истощению. В то же время Франция, в целом одобрявшая войну турок с Россией, подталкивала султана перенести основные усилия на запад, где заманчиво маячила восставшая против Габсбургов Венгрия. Это давало надежду, что турки предпочтут отложить трудную и не слишком выгодную войну с Россией ради отсечения лакомого куска от Священной Римской империи германской нации.

В конце 1677 г. в Думе победило мнение, что, получив отпор на Украине, турки пойдут на мир с Россией, чтобы освободить руки для войны на западе. Была объявлена мобилизация, начата перестройка Чигирина и комендантром его назначен непреклонный Ржевский. Одновременно в Константинополь был отправлен уже бывавший там профессиональный дипломат стольник А. Поросуков с письмом Федора Алексеевича к Мехмеду IV. Государь, изучивший русско-турецкую дипломатическую переписку с 1613 г., в самых изысканных выражениях предлагал султану помириться на завоеванном, то есть оставив Чигирин за Россией. Турки приняли Поросукова любезно, но не дали аудиенции

у султана, который считал делом чести отвоевать Чигирин, причем доброжелатели России, и прежде всего патриарх Константинопольский, предупреждали, что успех похода Кара-Мустафы будет означать величайшую опасность для Российского государства.

Тем не менее Поросуков был отпущен с заявлением, что Высокая Порта заключит мир в обмен на Правобережную Украину, если российские послы встретят великого визиря Кара-Мустафу-пашу в десяти переходах от Дуная. Турецкая армия уже выступила, и Поросуков спешно послал отчет из Валахии¹. 12 апреля 1678 г. царь Федор Алексеевич по совету с патриархом Иоакимом и боярами указал послать Ромодановскому «тайные вести» от Поросукова, повелел командующему выступать в поход и... начать переговоры с Кара-Мустафой-пашой на рубеже Буга.

Этот указ с подробной инструкцией, как надлежит говорить с турками о древней «исконной братской дружбе и любви» между царями и султанами, отражал сомнения и колебания московского правительства, уверявшего, что «его царскому величеству подлинно известно, как он, Мустафа, будучи у султана величества первым пашой, всегда султаново величество наговаривал ко всякому добру и к поддержанию исконной дружбы с великим государем». Важно было, что переговоры поручались только русскому командованию: известить или не известить о них гетмана Самойловича было делом Ромодановского (пункт 14).

Итак, Ромодановский должен был всячески оправдываться за шедшие с 1673 г. военные действия, при этом заявляя, что Чигирин и вся Украина, «которая зовется Малой

¹ РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. Кн. 15–17; ср. кн. 14 (в ней ч. 3 – доклад государю и Думе об истории дипломатической переписки России и Турции с 1613 г.).

Россией», с древности принадлежала предкам Федора Алексеевича и лишь «на некоторое время от подданства... отлучилась», «а у турецких султанов никогда Малая Россия в подданстве не бывала». Так что если турки не откажутся от своих притязаний, «кроворазлитие» падет на их головы¹.

Эта инструкция осталась бы только в летописи дипломатических казусов, если бы 11 июля, когда армия Ромодановского переправлялась через Днепр и уже вступила в бой, Федор Алексеевич не послал командующему собственный, именной указ, как бы в дополнение прежнего наказа, но без совета с патриархом и боярами. Поразительно, что документ, опубликованный в Собрании государственных грамот и договоров (т. 4, № 112, с. 365–366) и Полном собрании законов Российской империи (т. 2, № 729, с. 166–168), так и не привлек должного внимания историков.

Между тем свою главную мысль царь выразил определенно: «Буде никакими мерами до покоя приступить, кроме Чигирина, визирь не похочет, и вам бы (Г. Г. Ромодановскому с его сыном и заместителем князем Михаилом. — *Авт.*) хотя то учинить, чтоб тот Чигирин, для учинения во обеих сторонах вечного мира, свести, и впредь на том месте... городов не строить» (для максимальной точности цитаты из указа не адаптированы). О военных действиях Федор Алексеевич вообще не говорит — благо Ромодановскому было дано время для переговоров с Кара-Мустафой под предлогом ожидания войск Черкасского. Другое дело, что разрушение Чигирина было крайней уступкой.

Добиваясь мира, Ромодановский путем переговоров должен был стараться, чтобы русско-турецкое соглаше-

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 723 (цит. с. 157, 159); СГГиД. Т. 4. № 111. Сравни с наказом 1677 г.: Забелин И.Е. Приговор бояр относительно Чигиринского похода 185 г. — М., б/г. С. 5–6.

ние «малороссийским жителям не ко утеснению было» и чтобы новая граница не привела к столкновению с Речью Посполитой. Требуя от командующего «почасту» извещать Посольский приказ о ходе переговоров, Федор Алексеевич на самом деле хотел от Ромодановского невозможного, например, советоваться о разрушении Чигирина с Самойловичем и «того смотреть и остерегаться накрепко, чтоб то Чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям»!

«А сее бы нашу великаго государя грамоту держали у себя тайно, — писал в конце Федор Алексеевич, — и никто б о сем нашем великаго государя указе, кроме вас, не ведал». Это было тем легче сделать, что Посольский приказ, через который шла переписка, почти все царствование Федора Алексеевича был лишен боярина-судьи и ведался дьяками. Конечно, приказ был подотчетен Боярской думе и она должна была в итоге получить доклад о секретных мероприятиях. Но учитывая, что думные люди и ранее испытывали колебания в вопросе о продолжении войны, инициатива государя не должна была встретить серьезного сопротивления. Уж по крайней мере никто не заступился за бедного Ромодановского.

Не утаить шила в мешке было и в армии: даже до Гордона дошел слух, что воевода получил в десятых числах июля царское предписание вывести чигиринский гарнизон и взорвать крепость, если нельзя будет удержать ее¹. Это было не совсем то, о чем писал царь в известной нам грамоте, но именно так указ Федора Алексеевича был реализован: русское командование предприняло все, чтобы турки сами взяли Чигирин и чтобы у казаков было меньше

¹ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 168; ср.: Попов А. Турецкая война. С. 325.

поворов для возмущения (именно они первыми бежали из крепости!)¹.

Кто-то может сказать, что это была грубая работа, как будто от Ромодановского, в его состоянии, можно было требовать утонченности — если он вообще не впал в апатию, предоставив действовать В.В. Голицыну и таким деятелям, как полковник Карандеев. Я же прошу обратить внимание на то, что князья Ромодановские выполнили свой долг перед государем до конца. Никто из современников не заподозрил в чигиринской трагедии замысла московского правительства²: даже поляки, даже Юрий Хмельницкий, для которых такие сведения или хотя бы намеки были бы на вес золота!

¹ К этому времени отношение к казакам в Москве было уже достаточно хладнокровным: правительство еще при Алексее Михайловиче убедилось в глубокой ошибочности политики «братской любви» к Украине, ради которой Россия пошла на огромные жертвы. Но только в царствование Федора Алексеевича возобладал относительно рациональный подход к проблемам этого региона. См.: Богданов А.П. Украина и мотивация войн России (1653–1700) // История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках (К 350-летию Переяславской Рады). Бюллетень Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России». Вып. 2 (2004–2005 гг.). – М., 2006. С. 51–70; *его же.* Украина в политике России XVII века // Проблемы русской истории. Вып. VI. – Магнитогорск, 2006. С. 235–269; *его же.* Освобождение Украины: мотивы и цена «братства» // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 27 (3/2006). С. 6–29; № 28 (3/2006). С. 6–12; *его же.* Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. – М.–Магнитогорск, 2007. ИРИ РАН. С. 221–248.

² Подробно см.: Богданов А.П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин С. 38–45; *его же.* Читаем политический документ: указ царя Федора Алексеевича о разрушении Чигирина // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. В честь Ольги Михайловны Медушевской. – М., 2003. С. 61–66; *его же.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в Русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2004. С. 174–192.

Последствия падения Чигирина и так были велики. Не говоря о невинно убиенных Ржевском с товарищами, царь Федор грустил о г. Каневе, взятом турками и татарами под командованием Юрия Хмельницкого, о перешедших на сторону неприятеля Черкасах, Корсуне, Жаботине и вообще значительной части Правобережья. Правда, гетманский сын Семен Самойлович вновь привел к покорности Канев, Корсунь, Черкасы и др. — но не к добру, ибо по приказу отца выжег города, mestечки, села и деревни на западной стороне Днепра, «чтоб впредь неприятельским людям пристанища не было»¹.

Не лучше обстояли дела на востоке, где падение Чигирина было воспринято как признак слабости «белого царя». Государь упорно, но не слишком результативно требовал от воевод «усмирять» казаков в их перманентной войне с кочевниками (атаманы-молодцы действительно временами перегибали палку, добираясь до самых туркмен и персов). Бои казаков с калмыками, вытекающие из взаимных обид, велись с таким накалом, что последние нападали даже на «умиротворителей»-стрельцов². С весны 1678 г. усилились столкновения казаков с калмыками на Яике, в Красноярском, Тобольском и Кузнецком уездах, с киргизами в Красноярском и Томском уездах, с татарами и башкирами в районах Уфы, Кунгура и Тюмени³.

Напрасно государь с января до июня 1678 г. призывал послужить на Украине калмыков тайши Аюки, ногайцев и

¹ Попов А. Турецкая война. С. 321; Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 215–216; и др.

² См. дела осени 1677 – начала 1678 гг.: ДАИ. Т. 7. № 47–49, 58.

³ ДАИ. Т. 8. № 15 (собрание документов); ср.: Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 234–235.

едисанских татар. Те откликнулись в крайне незначительном числе, дожидаясь исхода кампании¹. Любопытны, но малоэффективны были попытки Федора Алексеевича применить ученое понятие милосердия к окраинным народам (как, впрочем, и урезонить своих воевод). В Охотске Юрий Крыжановский и приказный Петр Ярыжкин с трудом отбились от тунгусов. Несмотря на то что повстанцы убили сборщиков дани, царь после основательного расследования злоупотреблений администрации велел новому воеводе «жить... с великим опасением, и к иноземцам держать ласку и привет, и тайным и всяким обычаем проведывать в них шатости», действуя исключительно мирно. Русских же участников конфликта воевода Бибиков должен был «бить кнутом на козле и в проводку без всякой поноровки, и сослать в Даурские остроги в пешую службу, и животы их взять в нашу, великого государя, казну».

Бибиков, отличавшийся общими для всех воевод пороками, от такой милосердной политики пострадал — был убит аборигенами со всем отрядом русских людей. Оставшиеся в живых товарищи его были царским указом казнены за «тунгусам обиды и налоги великие». Эта история не остановила Федора Алексеевича, и после донесений о волнениях тунгусов от енисейского воеводы государь указал расспросить переселенных казаками инородцев: «по своей ли они воле в то зимовье пошли или их взяли казаки поневоле, и для чего, и какой тесноты им те казаки не чинили ль? И где они хотят жить?...И где они жить захотят, и им тут жить и велеть, а ясак платить равный прежнему». На этот раз, правда, помимо казаков казнить было велено и двух тунгусов-убийц².

Памятуя о восстании башкир при Алексее Михайловиче, царь Федор 17 апреля 1678 г. подтвердил запрещение

¹ ДАИ. Т. 8. № 2, 7, 14.

² ДАИ. Т. 7. № 61; Т. 8. № 44.XV (ср. части XVI–XVIII).

русским вступаться в их земли в Уфимском уезде¹. В благодарность за трогательную заботу об инородцах государь получил сообщение, что башкиры подбивают татар воевать против русских. 15 декабря 1678 г. они «говорили, что твой, великого государя, город Чигирин турецкие и крымские люди взяли и твоих государевых людей побили, а они дескать потому и будут воевать, что у них одна родня и душа: турецкие и крымские там станут биться, а они, башкиры и татары — станут здесь биться и воевать»².

Уже 10 ноября 1678 г. Федор Алексеевич вынужден был издать указ об укреплении вооруженных сил в Сибири (на основе исторической справки о мерах правительства по защите мирного населения с 1668 г.). 3 декабря он уточнил указ в связи с вестями о готовящихся нападениях на Красноярск, Енисейск и Даурские остроги. 3 февраля 1679 г. появилась царская грамота в Тобольск об утеснениях русских и ясачных татар от калмык, 4-го — в Якутск о столкновениях с тунгусами, затем распоряжения об обороне потребовались во множестве: в указах упоминаются ханты, самоеды, коряки и т.п.

Наиболее опасной была выявившаяся в феврале подготовка похода калмык и киргизов «со многими немирных земель иноземцами», на Красноярский, Кузнецкий и Томский уезды. Кроме того, 11 марта государь предупреждал чердынского воеводу о набеге татар и башкир на Кунгур и Сибирские уезды, а 10 июня — о набеге татар и башкир на Пермь Великую³. Впрочем, русские воеводы и поселенцы не дождались особых распоряжений по защите своих жизней и жилищ: немногие особо крупные отряды кочевников

¹ ДАИ. Т. 9. № 31.

² ДАИ. Т. 8. № 15. С. 40; ср.: АИ. Т. 5. № 40.

³ ДАИ. Т. 8. № 44.1–XXV; АИ. Т. 5. № 40, 44.

имели успех, но к осени и об их судьбе поступили в Москву утешительные известия.

Киргизский князь Шанда с союзниками был разбит и обезглавлен под Томском, успев сжечь Ачинский острог и несколько деревень. Калмыки и тувинцы с сообщниками разных племен уничтожили 16 русских деревень и множество татарских селений, осадили Красноярск и четырежды приступали к городу, прежде чем были отбиты воеводой Загряжским и затем потоплены в Енисее атаманом Родионом Кользовым. Успокоившись, царь послал суровый выговор красноярцам, которые, не вынеся вида безнаказанно свирепствующих вокруг города тувинцев, вывели на стены и расстреляли их аманатов (заложников). Воевода же Даниил Загряжский, не удержавший своевольных красноярцев от сего поступка (ибо готовился к вылазке, чтобы изрубить злодеев), был царским указом посажен в тюрьму.

В мерах к бунтовщикам государь ограничился тем, что, милостиво приняв в Москве послов сибирского калмыцкого хана Бошохты и мирных тайшей, велел впредь восточных инородцев к Москве не пускать, наложил на ряд племен экономические санкции и постарался ограничить поступление к ним современного оружия (а то кочевники располагали даже винтовками, которые в значительном числе поступили на вооружение русской регулярной армии только при канцлере В.В. Голицыне)¹.

Нельзя, однако, сказать, что отзвуки сдачи Чигирина на востоке страны совсем ничему не научили Федора Алексеевича. Первым в Европе получив подробные сведения о Циньской империи, которые привез из Китая посланник Николай Милеску-Спафарий (они стали весьма популярны в России и на Западе), царь живо прореагировал на первые

¹ ДАИ. Т. 8. № 15 (ср. № 80), 44.XII; АИ. Т. 5. № 53.

известия об опасности для пограничного Албазина и Нерчинска. Федор Алексеевич собирался удержать границу по Амуру, хотя последних донесений (март 1682 г.) получить, видимо, не успел¹. Из-за придворных интриг правительство Софьи пошло на неоправданные уступки Китаю (подтвержденные правительством Нарышкиных) и создало повод для решенного лишь на рубеже XX и XXI в. пограничного спора (правительство РФ уступило еще больше, чем царевна Софья).

Возникает вопрос, чего же добился царь Федор, с таким трудом и издержками сровняв с землей Чигири? Правда, он надеялся на лучший исход переговоров, которыми можно объяснить отвергнутое турецким военным советом предложение Кара-Мустафы отступить от крепости. В реально сложившейся ситуации ближайшая выгода была получена в ходе переговоров с великими и полномочными послами Речи Посполитой в Москве, закончившихся еще до падения Чигирина (в основном договорились к 18 июля, текстами разменялись 3 августа).

На переговорах, подробно описанных в русских документах и записках участников польского посольства Бернгарда Таннера², представители Речи Посполитой предлагали заключить не вечный мир (как хотел Федор Алексеевич), а перемирие, при условии передачи на их сторону Киева, Смоленска, Невеля, Себежа и Велижа. В ходе упорных многодневных дебатов, когда обе стороны не раз угрожали оружием (царь даже заявил, что готов заключить союз против Польши с султаном), удалось склонить поля-

¹ ДАИ. Т. 8. № 104; т. 9. № 100, 104.

² РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 186–188; Таннер Б. Описание путешествия. С. I–XI, 1–203; Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 1.

ков ограничить свои аппетиты Невелем и Велижем вкупе с полумиллионом золотых (100 тыс. руб.). Город Себеж и еще 100 тыс. руб. Федор Алексеевич обещал передать полякам после ратификации договора королем (№ 730).

Уступчивость поляков в немалой мере объяснялась тем, что вопрос о Чигирине выпал из договора. Послы Речи Посполитой, требовавшие, чтобы он был отложен «до комиссии», были уверены, что таким образом всегда будут иметь повод расторгнуть договор, удержав полученное. Понятно, что они тщательно избегали и разговора о союзе против турок: даже вопрос о «не заключении договоров одному государю без другого с султаном турецким и ханом крымским» был отложен «до комиссии будущей с посредниками». Поляки столь упивались на истощение России в войне с турками, что князь Чарторыйский однажды сгоряча предложил, чтобы Чигирин и Правобережная Украина оставались за царем все перемирие (до июня 1693 г.).

Фактическое исчезновение вопроса о Чигирине из русско-польских и русско-турецких отношений стало для Яна Собеского и панов Рады пренеприятнейшей неожиданностью. Сняты были также многие противоречия государя с оппозицией при московском дворе, в которой особенно заметен был патриарх Иоаким, ради мира готовый на любые уступки соседям и до крайности опасавшийся «агарян». Дошло до того, что шведский посол в Польше заявлял: «Лихи на нас были ближние бояре, особенно Матвеев, они отвращали от мира покойного государя; но теперь дай Бог здоровья патриарху Московскому; он нынешнего молодого государя духовными беседами склонил к вечному миру с нами!» Благодарили Иоакима и поляки: 14 июля он пришел на переговоры, шедшие на грани разрыва, и потребовал уступить Речи Посполитой города и казну, внеся в договор только статью об охранении православия. Он же стоял на

стороне поляков в вопросе об исключении из договора статьи о русско-польском союзе. Требования Иоакима, доведенные и до государя, были удовлетворены¹.

После распространения в России вестей о падении Чигирина правительство, кажется, подыгрывало Иоакиму, объявившему Отечество в опасности. Разрядная записная книга о «полковых делах» (с ноября 1678 по сентябрь 1679 г.) наполнена указами царя Федора Алексеевича (именными, вместе с Боярской думой и по «совету» с патриархом) о необходимости единодушно, «без нетчиков» и «без мест» выступать «против турецкого султана с войсками и крымского хана с ордами» в составе нескольких армий под общим командованием князя Михаила Алекуловича Черкасского и князя Михаила Юрьевича Долгорукова. Распоряжения государя, помимо обычной предусмотрительности и склонности опираться на точные «доклады» об обстоятельствах прошлых лет, отличаются особенной резкостью и даже суровостью, обещая виновным по различным случаям «быть в жестоком наказании, и в разорении, и в ссылке без всякого милосердия и пощады»².

Общая разрядная записная книга 1678–1679 гг., хотя и сохранилась не полностью³, ясно свидетельствует, сколь видное место занимали военные дела в расписании занятий царя Федора Алексеевича. В поход вновь, и очень сурово, требовалось выслать из Соли-Камской выборных солдат А.А. Шепелева, заменив раненых и убитых солдатскими

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 219; Таннер Б. Описание путешествия. С. 82; и др.

² РИБ. Т. 11. – СПб., 1889. Ч. 2. С. 329–525.

³ ДАИ. Т. 9. № 46. С. 105–118; отрывки дворцовых записей за апрель–август 1679 г. (не совпадающие с ДР. Т. IV) опубл. также: Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение II. С. XIX–XXXIV.

детьми и родственниками¹. Отъявленных дезертиров вешали, чтоб другим бегать из полков «было неповадно».

Летом 1679 г. против ожидаемого похода турок и татар на рубежах было сосредоточено: в Большом полку дворянской и регулярной конницы 7214 чел., стрельцов и солдат 5229 чел. (итого 12 443); в Новгородском полку конных и пеших 3808 чел.; в Казанском разряде конных 7013 чел., пеших 2292 чел. (итого 9305); в приданном Казанскому разряду стрелецком корпусе Г.А. Козловского 4484 чел.; в Рязанском разряде, Севском полку и приданых им частях 6988 конных и 12 272 пеших (итого 19 260); в Белгородском полку 12 488 пеших и конных; в корпусе думного генерала В.А. Змеева было 10 239 конных, 7947 пеших (итого 18 186), в корпусе генерал-поручика Г.И. Косагова на Украине 2212 русских и 6930 украинских воинов (итого 9142). Одна полевая сила составляла более 89 тыс. чел., не считая полков, занимавших укрепленные черты и стоявших «в полевых городах за чертою»².

В 1680 г. главнокомандующим над армиями, которые должны были своими внушительными маневрами сдерживать воинственность турок и татар, был поставлен князь В.В. Голицын. В царских грамотах о мобилизации не шла речь о мирных переговорах: они еще с января вещали, «что турецкой султан собирает великие свои войска и непременно хочет по весне приходить под Киев», а крымский хан уже выступил в поход³. Действительно, на укрепленных рубежах шли, как и в предыдущие годы, военные действия⁴, но это были довольно обыкновенные бои со степными разбойни-

¹ АИ. Т. 5. № 36 – 20 февраля 1679 г.

² Подробнее см.: ДАИ. Т. 9. № 46. С. 114–118; ДР. Т. III. С. 990–992; Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 146, 172.

³ АИ. Т. 5. № 54. Цит. с. 83; и др.

⁴ См.: ДАИ. Т. 7. № 40, сводка документов 1677–1680 гг.

ками. Армии турок так и не дождались, хотя даже после заключения мира с Высокой Портой и Крымским ханством, в марте и апреле 1681 г., царские грамоты, например, на Белоозеро требовали обязательной высылки на службу московских и городовых дворян, копейщиков и рейтар, также и солдат в полки Тамбовского и Казанского разрядов¹.

По прошествии столетий очевидно, что правительство Федора Алексеевича изрядно преувеличивало опасность нового турецкого нашествия. Поражения отборной янычарской пехоты и сильной турецкой конницы — сипахиев в битвах с русскими регулярными частями в 1677—1678 гг. произвели в Османской империи столь удручающее впечатление, что Кара-Мустафа-паша и сам султан почли за лучшее не посыпать их вновь «на погибель», тем паче что престижный вопрос о Чигирине был снят. Зато в 1687 г., когда В.В. Голицын в чине канцлера и дворового воеводы двинул полки на юг, янычары завопили, что «русские идут на Стамбул!» и по обыкновению учинили бунт, а фанатики стали бросаться с минаретов, чтобы не попасть в руки «гяуров»².

ПЕРЕДЦЕНКА АРМИИ

Важно заметить, что мобилизации 1679—1681 гг. сильно отличались от старинного сбора всех военнообязанных и «даточных» и перемещения к одной границе значительных числом, но мало организованных полчищ. В условиях про-

¹ ДАИ. Т. 7. № 13.XXXIV. Ср. 33 предшествующих документа с весны 1677 до весны 1681 гг.

² Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки (далее – ИЗ). – М., 1950. Т. 33; Памятники дипломатических сношений России с государствами иностранными (далее – ПДС). – СПб., 1882. Т. VI. Стлб.1321, 1376–1397.

должающейся войны царь Федор Алексеевич энергично осуществлял военные реформы, изменившие саму структуру российской армии. Реформы эти, хотя и упоминаются в литературе, рисуются достаточно туманно, чтобы читатель не отдавал себе ясного отчета, что именно разрушал и что «впервые» создавал в армии Петр I.

Характерно идущее еще от В.Н. Татищева мнение, что сформированные царем Алексеем Михайловичем регулярные рейтарские, копейные и солдатские полки при преемниках его «упущены были и все они вскоре крестьянами сделались». В лучшем состоянии находились стрелецкие и выборные солдатские полки, «однако же и те допущением многих ненадлежащих вольностей, а наипаче торгом, приведены в дерзость»¹. Между тем реформа Федора началась как раз с расформирования окрестьянившихся полков: драгунских на юге и солдатских на севере.

Четыре полка драгун Белгородского разряда были расформированы, «и к началу 80-х годов XVII в. драгуны полностью исчезли из состава ратных людей полковой службы»². Часть их обратилась в тяглых крестьян, часть перешла в солдаты и на городовую службу. В Сибири, согласно указу Федора Алексеевича от 22 сентября 1679 г., возвращались из драгун в прежние звания завербованные с 1663 г. ямщики, посадские люди и крестьяне. Это было связано вообще с политикой избавления от «белых» (нетяглых) дворов, афористически выраженной в именном указе Федора Алексеевича от 29 октября 1677 г.: «Беломестцев, которые живут на тяглых землях, а по договору тяглой с той земли не платят — и тех сводить!» (№ 707). Поэтому в

¹ Татищев В.Н. История Российской. С. 176.

² Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 140–142; Очерки истории СССР. С. 444–446; и др.

Сибири в тягло возвращались также все записные с 1663 г. в пушкари, затинщики (стрелки из крепостных пищалей) и беломестные казаки (служившие с необлагаемой налогами земли), но, поскольку последних оставалось еще много, их велено было перевести в городовую службу и в драгуны. Предусмотрительное правительство даже повелело казакам сделать к мушкетам новые ложи для установки кремневых замков (вместо фитильных жагров), высылавшихся из Москвы¹. Сибирские драгуны предназначались для защиты мелких поселений.

Сыграли свою роль в защите северных границ и олонецкие солдаты, обученные в 1649 г. князем Ф.Ф. Волконским в количестве почти 8 тысяч (еще тысяча была рекрутирована в Старорусском уезде). Однако опыт создания своего рода военных поселений, когда под ружье ставилось чуть не все трудоспособное население, оказался неудачен. Вопреки мнению историка русской армии А.В. Чернова, правительство Алексея Михайловича не «освободило крестьян от солдатской службы»: в 1676 г. крестьяне-солдаты били челом Федору Алексеевичу о своем обнищании; 7 февраля 1679 г. царь еще приказывал их призывать, но 18 февраля и 7 апреля 1680 г., изучив докладную выписку, постановил отказаться от использования их в военных действиях и вместо службы брать сверх прежних рублевых и полтинных налогов по полтине с олонецкого двора, грозя воеводе за поноровку «жестоким наказанием без всякой пощады»².

Поскольку непривилегированные «служилые по прибору» получали казенное оружие и обмундирование, а во время действительной службы — жалованье, они лучше

¹ АИ. Т. 5. № 47; см. также указы 1678–1680 гг. об освобождении мордовы от казачьей службы с переводом в тягло: ДАИ. Т. 8. № 47.

² Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 143; АИ. Т. 5. № 13, 34; ДАИ. Т. 8. № 28.Х, XII.

обеспечивались казной в районах, почти постоянно находившихся на военном положении. Таких районов или разрядов, со сложившейся военно-территориальной организацией, к царствованию Федора Алексеевича было уже несколько. Самый старый, созданный еще в середине 1640-х гг. Белгородский разряд, по росписи 1677/78 г. включал 61 город с воеводским управлением, несколько крепостей и слобод «за чертой» и стоявший наподобие острова внутри территории разряда дворовый (царский) город Романов. Существовавшие с XVI в. разряды, такие, как Береговой и Рязанский, были упразднены в связи с переносом границ, зато на западе возникли Новгородский и Смоленский разряды, с юга к ним примкнул выделенный из Белгородского Севский разряд, с востока Белгородский продолжился Казанским разрядом, а в Сибири были организованы Тобольский, Томский и Енисейский разряды.

Удобство разрядного управления состояло в том, что первый воевода каждого разряда являлся главой местной администрации в мирное время и командующим армией — в военное. При царе Федоре Алексеевиче южные и юго-восточные города получали имевшееся на более спокойных территориях полноценное воеводское и местное приказное управление (благодаря чему общее количество приказных изб в России возросло с 284 до 299). Поскольку же разряды по значению и территории значительно выходили за рамки старых уездов, то, например, белгородский воевода превратился в разрядного воеводу, а его приказная изба — в разрядную приказную избу, т.е. произошло делегирование на места части функций Разрядного приказа¹.

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия. С. 31, 45. К 1690-м гг. разрядной избой или приказной палатой писались бывшие приказные избы Курска, Севска, Новгорода, Пскова, Ярославля, Смоленска и Киева.

Далее, со стабилизацией состава и расположения полков входившие в разряды города превращались в города полковые и корпусные (генеральские). Например, в Белгородском разряде квартировали в соответствующих городах и носили их имена по рейтарскому и солдатскому полку в Курске, Белгороде, Козлове, Мценске и Ельце. Понятно, что местный воевода должен был иметь чин не ниже генерал-майора. Известны также рейтарские полки этого разряда: Обоянский и Ливенский; солдатские: Старооскольский, Яблоновский, Хотмыжский, Ефремовский, Коротояцкий, Усманский, Воронежский и Добренский; регулярные казачьи: Ахтырский и Сумский. Это не значило, что полки были укомплектованы жителями одного города и уезда. Так случалось (например, Курский рейтарский полк), однако, не всегда: например, в Яблоновском солдатском полку из 1011 солдат 443 были местными, остальные — из Усерда, Ольшанска и Острогожска.

Трудности комплектования регулярных полков правительство с середины XVII в. преодолевало массовыми «разборами» и мобилизацией людских ресурсов из центральных уездов; переводом на рубежи дворян и принудительным набором даточных крестьян, записывавшихся в пожизненную солдатчину. Земли вокруг укрепленных рубежей испокон веков были причиной постоянной головной боли правительства. Они требовали людей и ресурсов, из-за нехватки людей частенько приходилось приостанавливать там сыск беглых, норовивших записаться в городовую службу (пушкари, затинщики, воротники и т.п.). В свою очередь оттуда бежали даточные, а сконцентрированное в полках дворянство нищало до полной потери социального лица.

Так, в результате смотров 1677—1679 гг. Федор Алексеевич обнаружил, что на одного дворянина и сына боярского в южных городах приходилось в среднем меньше одного

тяглого двора; а темарские дворяне владели по 1—3 крестьянскому и бобыльскому двору. В центральных уездах положение было лучше, но в целом земельный голод вполне объяснял и оправдывал ощущимое стремление дворянства к военным захватам¹. Стоять на краю черноземов и быть нищими в виду бескрайнего Дикого поля из-за какой-то там турецкой и татарской опасности — ей-богу, призыв к истребительной войне с полумесяцем падал на благодатную почву.

Чрезвычайно любопытно наблюдать, с какой последовательностью царь Федор Алексеевич, уклоняясь от экстремизма во внешней политике, принял кардинально решать весь этот комплекс взаимосвязанных проблем. Среди его деяний справедливо выделяют военно-окружную реформу 1679 г., представляющую собой всероссийский «разбор» военнослужащих, завершившийся составлением «Росписи перечневой ратным людем, которые в 1680 году расписаны в полки по разрядам».

ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ РЕФОРМА

Отныне система военных округов охватывала и центральную Россию: для комплектования и содержания приграничных округов, к которым вместо упраздненного Тульского прибавился Тамбовский разряд, были созданы разряды Московский и Владимирский и восстановлен Рязанский. Таким образом, вся территория государства (черносошные крестьяне и промышленники северных уездов содержали выборных солдат) была организационно приспособлена к

¹ Загоровский В.П. Изюмская черта. С. 36—40; Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 156—158; ПСЗ—I. Т. 2. № 744—745, 685, 855.

регулярной военной службе. Следует лишь уточнить, что разрядов было не 9, как считается с легкой руки А.В. Чернова, а 12 (три сибирских разряда не попали в «Роспись» 1680 г.). Впрочем, в начале 1682 г. их число сократилось до 11: Тамбовский разряд был влит в Белгородский.

Разрядный приказ оставался главным центральным военным ведомством — своего рода министерством обороны (поэтому Федор Алексеевич заблаговременно поставил его над другими приказами, № 677). Управление вооруженными силами дальних окраин осталось в территориальных приказах: Сибирском, Казанском и Малороссийском. 7 ноября 1680 г. царь Федор Алексеевич объединил управление Разрядным, Рейтарским, Пушкарским и Иноземным приказами (последний ведал солдатами) в руках одного человека — боярина князя М.Ю. Долгорукова, отец которого возглавлял Стрелецкий приказ. 12 ноября государь издал развернутый именной указ о распределении военного управления (№ 844), которым снимались последние противоречия в связи с осуществленной военно-окружной реформой: отныне Новгородский, Смоленский, Большого дворца и иные приказы (кроме названных) полностью теряли военные функции и не должны были мешать деятельности разрядных командиров¹.

Социальное значение военно-окружной реформы было заложено в инструкции «разборщикам» ратных людей. Федор Алексеевич считал, что числиться в «полковой» (действительной) службе могут лишь ратные люди регулярных полков (стоявших в пограничных разрядах), причем дворянство — в коннице, «служилые по прибору» — в пехоте. Возможно, драгуны пострадали именно потому, что не вписывались в эту четкую систему. Городовая служба — как дворянские

¹ ДАИ. Т. 8. № 82. I; Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 187–193; Очерки истории СССР. С. 449–450; и др.

сотни, так и городовые стрельцы, казаки, пушкари, воротники, затинщики — старательно искоренялась: всех годных к строевой службе велено было писать в полки. Недворян брали в солдаты, но, поскольку тем надо было платить жалованье, а многие люди городовой службы служили без него, с земель, в качестве переходной меры государь позволил части их служить через год: год в городовой службе без жалованья, год в полковой на солдатском содержании.

Московские стрельцы, давно превратившиеся в гвардию (ср. № 791), посылавшиеся как ударные войска чуть не во все походы и поддержавшие свою честь в кампаниях 1677—1678 гг., были сохранены. Однако и их организация подверглась изменениям. Старинные стрелецкие приказы были слиты в тысячные полки, головы переименованы в полковников, полуоловы — в подполковников, сотники — в капитанов (№ 819). Выборные солдаты к концу царствования Федора Алексеевича из двух полков превратились в две полносоставные дивизии во главе с генералами и, как гвардия, квартировали под Москвой в Бутырках.

Производя генеральную запись в солдаты, правительство не упустило возможности разобраться с беглыми. Прежде всего, Федор Алексеевич отменил указ своего отца о запрещении выдачи беглых крестьян и холопов, записанных в ратную службу и «надобных к походу»: по мнению нового государя, военная опасность не должна была препятствовать возвращению крепостных владельцам (1676). С набором даточных (1678) начались их побеги и, соответственно, сыск, массово проведенный (по переписям) в 1678 и 1680—1681 гг.¹.

¹ Новосельский А.А. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РАНИОН. — М., 1926. Вып. I. С. 342—343; *его же*. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. //

Разбор конницы состоял в выписке из нее всех недворян в солдаты; с частью обедневших дворян и детей боярских, неспособных к службе в рейтарах и копейщиках, поступали так же — это был необходимый элемент очистки дворянского сословия от деклассированных лиц. Взамен в регулярные полки вливалась масса призывающего на обязательную службу дворянства из центральных уездов.

В целом по девяти разрядам (не считая Сибири) полученная царем Федором итоговая роспись показала 61 288 солдат в 41 полку (37 % численности армии), 20 048 стрельцов в 21 полку (12 %), 30 472 рейтара и копейщика в 26 полках (18,5 %), 14 865 казаков в 4 полках (9 %). В старинной дворянской сотенной службе оставалось 16 097 человек (10 %) — из них к Государеву двору относилось 6385 человек, остальные, видимо, служили от городов по выбору или еще не были разверстены в полки. Дворян сопровождало 11 830 военных холопов (7,5 %), еще 10 тысяч конников было набрано из даточных (6 %) в явном противоречии с идеей сословного разделения конницы и пехоты.

Видимо, составителям росписи тоже показались странными эти результаты, за счет дворянской и даточной конницы дающие ей превосходство над главной ударной силой кампаний 1677—1678 гг.: пехотой (51 % конных и 49 % пеших). Пересчитав ратных людей без Московского разряда, получили иную картину: 43 908 конных рейтар и драгун, 76 158 стрельцов и солдат и 14 865 казаков в полках. Иными словами, в основном составе армии пехоты было в полтора (а без казаков — почти в два) раза больше, чем конницы. В то же время роспись 1680 г. настоятельно требовала от Федора

Труды МГИАИ. — М., 1946. Т. II. С. 127—152; Черепнин Л. В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // ИЗ. Т. 4. С. 42—52; Очерки истории СССР. С. 180, 447; ДАИ. Т. 8. № 40. С. 139—145 (сводка распоряжений о сыске даточных); и др.

Алексеевича заняться Московским разрядом -- последним бастионом старого дворянского ополчения.

Учитывая, что, согласно «Росписи перечневой» 1680 г., гетман Самойлович должен был выставить в поле ровно 50 тыс. казаков, Российское государство имело одну из самых больших армий в христианской Европе. Памятуя, что парад всегда дешевле войны, Федор Алексеевич старался максимально продемонстрировать это супостатам. Уже в походе 1679 г. участвовало 400 (!) орудий, а в 1680 г. В.В. Голицын вывел на рубежи 129 300 русских ратников (52,5 % солдат и стрельцов, 26,5 % рейттар, 8 % казаков и столько же дворянских ополченцев), то есть всего перед султаном и ханом маячило чуть не 180 тысяч российских воинов, самым современным образом вооруженных¹. В численности, вооружении и выучке регулярные части России уже тогда получили превосходство над ударными силами Османской империи (корпусом янычар и конным ополчением сипахиев).

НАСТУПЛЕНИЕ НА ДИКОЕ ПОЛЕ

Демонстрируя новую российскую армию на южных рубежах, боярин князь В.В. Голицын имел цель убедить «агарян» отказаться от мысли о большой войне. Но чтобы удержать от стремления к ней собственное воинство, царь должен был хоть частично удовлетворить дворянство из наличных земельных запасов. И таковые имелись: дворянство заглядывалось на дворцовые владения, составлявшие по переписи 1678 г. 88 тыс. крестьянских дворов, тогда как все вместе бояре, окольничие и думные дворяне владели

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы. С. 168–169, 189; Очерки истории СССР. С. 451; и др.

45 тыс. дворов. Еще более лакомыми выглядели церковные владения, в которых числился 116 461 двор! За одним патриархом было более 7 тыс. дворов, тогда как самый богатый боярин имел около 4 600 дворов, а боярин в среднем — всего 830 (окольничий — 230, думный дворянин — 150 и т.д.)¹. Так что горячий призыв патриарха защитить от «агарян» плодородные южные земли имел солидное основание: дворяне слишком ревностно следили за размерами церковных земель...

Федор Алексеевич, как и полагается мудрому монарху, нашел компромиссный выход в освоении уже занятого войсками участка Дикого поля. Он не сделал здесь открытия, но проводил эту политику настойчиво и последовательно. Уже 3 марта 1676 г. молодой царь слушал с боярами докладную выписку о реализации указов Алексея Михайловича от 21 июня 1672 г. и 2 мая 1673 г. о раздаче церкви и «всяких чинов служилым людям для хлебного пополнения» земель на ближних южных рубежах. По дворянскому челобитью Федор Алексеевич указал удовлетворять нужды служилых в земле также и свободными землями дальних, наиболее важных в военном отношении городов юго-запада (№ 632).

14 апреля 1676 г. государь вновь вернулся к указу 1672 г., по которому обещались очень большие поместные прибавки московскому дворянству (боярам — по 1000 четвертей, окольничим — по 800 и т.п., даже стрелецким сотникам и сокольникам по 100) и дополнительно разрешил «в украинских городах из диких полей продавать в вотчину, а брать за четверть по полтине» (т.е. чуть не даром) — до половины прибавки к окладам (№ 638).

¹ Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // ИА. — М.-Л., 1949. Т. IV. С. 88–149.

18 августа 1676 г. за боевые подвиги под командой князя Г.Г. Ромодановского все дворянство Севского полка (вплоть до служивших в солдатах и казаках) было пожаловано поместными окладами и деньгами (№ 658). 11 марта 1677 г. этот именной указ был расширен боярским приговором об отдаче дворянам пограничных городов в поместья тех земель, на которых они поселились (№ 682). Пожалование дикими полями частенько превосходило оклады дворян — посему, рассмотрев доклад, царь и бояре приговорили наделять землями по новым указам, а не по окладам и сохранить систему продажи половины поместий в вотчины по полтине за четверть (№ 690, 4 мая 1677 г.).

В сочетании с указами о сыске беглых (№ 768 и др.) крепостническое землевладение в царствование Федора Алексеевича сделало решительный шаг на юг¹. Правительство неоднократно с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения»; поток товарного зерна с юга оживлял торговлю. Уже в 1678 г. крестьянское население южной границы достигало 470 тыс. человек (в 1646 г. было около 230 тыс.) прежде всего благодаря государственной политике освоения и защиты земель².

Крупнейшим мероприятием царя Федора было возведение Изюмской черты, отодвинувшей укрепленную границу в западной половине старой Белгородской черты на 150—200 км к югу и защитившей от татарских вторжений территорию в 30 тыс. квадратных километров³. Разумеется,

¹ Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // ИЗ. Т. 4. С. 21–40.

² Александров В.А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979. С. 170.

³ Подробнее см.: Загоровский В.П. Изюмская черта. Далее используется эта монография с необходимыми дополнениями.

государь не прочертил ее на карте указательным перстом: замысел капитального сооружения рождался постепенно, и история Изюмской черты хорошо иллюстрирует роль Федора Алексеевича в работе государственного механизма.

Все началось с пролома в Белгородской черте восточнее Нового Оскола, сотворенного ханом Селим-Гиреем в 1673 г., когда тот по приказу султана бросил «весь Крым» на русскую границу. Татарам особо поразбояничать не дали, но потом «проломное место» так и не заделали, отвлекшись боями на Правобережье и под Азовом. Разрядный приказ обратил внимание на пролом только в 1677 г., когда во время Чигиринской кампании Мурза Ахмет-ага проскочил через «обожженный вал» и взял в «полон» 525 человек в Новооскольском и Верхососенском уездах. Вторую попытку татар прорваться в том же году сурово пресекли ратники П.И. Хованского, но Разряд поручил ему разобраться: надо ли исправлять старый вал или строить новые укрепления южнее?

Местные знатоки советовали построить дерево-земляные укрепления впереди Новооскольского вала по большой дуге: г. Усерд — Валуйский лес — г. Новый Оскол. Сие и велено было исполнить царским указом, хотя неизвестно, насколько Федор Алексеевич вслушивался в это одно из текущих дел. В 1678 г. временный воевода Белгородского разряда (остававшийся в отсутствие Г.Г. Ромодановского на рубеже) должен был стоять именно в Новом Осколе и строить передовые укрепления силами служилых людей. Военная обстановка, однако, позволила начать строительство только в 1679 г.

К этому времени царь проникся значением укрепленных линий. 25 июня 1678 г. Федор Алексеевич и бояре пришли в ужас, слушав докладную выписку о состоянии старых заочных черт, которыми ведал Пушкинский стол Рейтарского

приказа¹. Славные некогда засеки — Тульская, Веневская, Каширская, Рязанская, Ряжская, Шацкая, Козельская, Перемышльская и Лихвинская (532 версты с 32 воротами) — были с 1640-х годов перекрыты выдвинутыми далеко на юг Белгородской и Сызранской укрепленными линиями, тянувшимися от Ахтырки до Симбирска.

Понятно, что старые засеки обезлюдили сторожами, зато покрылись мирными поселениями, нанесшими заповедным местам столь значительный урон, что, согласно докладу, «со 171 (1662/63) по нынешний по 186 (1678) год за засечные порухи доведется взять пени 57 520 рублей, кроме того, что в некоторых местах посеченных деревьев и сметить нельзя». Приказные, констатировав непоправимую «поруху» засек, вопрошали: следует ли вообще ими заниматься и не снять ли дозорщиков? Федор Алексеевич и бояре были в этот момент особо озабочены событиями у Чигирина и указали суворо: все «дозреть и описать полностью», вторгшиеся в засеки села и деревни отписать на государя и всех жителей бросить на восстановление укреплений, «чтобы в том засечном деле никого в избылых не было»; где леса сведены совсем — «сделать земляной вал и рвы, и надолбы, и иные крепости, какие пристойно».

Суровость указа была чрезмерной: повелевалось «помещиковым и вотчинниковым людям и крестьянам за те засечные порухи чинить жестокое наказанье — бить кнутом в городах в торговые дни при многих людях, чтоб на то смотря иным также неповадно было в засеки ходить; ...а коли те люди... вновь начнут в засеках какие порухи творить — и им за то быть казненным смертью!»

Выразив таким образом готовность биться с «агарянами» хоть на старых засеках, царь Федор в итоге все же снизил

¹ ПСЗ-И. Т. 2. № 728; ДАИ. Т. 8. № 30. С. 89–94.

пеню за поруху засеки (сравнительно с указом 1663 г.), сторожей положил оставить по росписи 1638 г. (!) и повелел «до его государева указа сошных людей к засекам с оружьем... никого не брать и убытки и налоги им не чинить». Это был уже нормальный голос государя, понимавшего, что благодаря строительству более далких рубежей засеки-ветераны превратились в совершенно мирное место.

Многочисленные частные распоряжения Федора Алексеевича свидетельствуют, что он внимательно следил за развитием событий на юге в 1679 г., когда армия М.А. Черкасского должна была лишь удерживать турок от войны. Стремление не усугублять конфликт было настолько явным, что порывистого генерала Г.И. Косагова с его лихим корпусом (рейтары полковников М. Гопта и Ф. Ульфа, Сумский и Ахтырский казачьи и Яблоновский солдатский полки) оставили в тылу, на Белгородской черте. Вообще на черте осталось более 16 тысяч из подвижных войск Белгородского разряда, так что многочисленные орды татар даже не пытались к ней подойти (правда, ратники Косагова нашли и побили их в степи).

Указ использовать на строительстве новых укреплений с 1 сентября 1679 г. не только мобилизованное местное население, но и регулярные полки явно был санкционирован свыше: вряд ли подписавший эту разрядную грамоту дьяк Ф.Л. Шакловитый (будущий фаворит царевны Софьи) при своем хитроумии пошел бы на резкий конфликт с воеводами Я.С. Борятинским и Г.И. Косаговым, заставляя их буквально рыть землю. Первый свернул работу в октябре, когда люди разбежались из-за дождей и морозов. Косагов увел свой корпус еще раньше и сказался больным, однако события следующего года изменили его отношение к строительству.

В январе 1680 г. хан Мурат-Гирей провел орду Муравским шляхом, погромил Харьковщину и пограбил земли

в степях «за чертой». Крымчаки, видя воевод спокойно стоящими на черте, обнаглели до того, что подходили к полевым городкам Ахтырского и Сумского полков и даже к Белгороду. С другой стороны, украинцы с той стороны Днепра, в большом числе бежавшие на Левобережье «от войны турецкого султана и крымского хана», просились жить на русской, а не гетманской территории. 5 марта 1680 г. Федор Алексеевич указал и бояре приговорили поселить их перед чертой и пока не обременять ничем, а вскоре указано было строить новую черту дальше на юге.

Строительство началось силами русских войск, причем его предписывалось держать в строгой тайне, чтобы татары думали, что Москва готовит поход на Крым. На строительстве особо отличился Г.И. Косагов, получивший (сравнительно с главным воеводой П.В. Меньшим-Шереметевым и воеводой А.С. Опухтиным) самый длинный передовой участок. Мало того что генерал закончил работу раньше других, да еще соорудил остроконечные выступы вала в Дикое поле (для фланкирования огня): уже к 20 июня он составил «Книги описные и мерные новой черте» и предложил свой, более радикальный план ее завершения.

Косагов считал необходимым продвинуть черту дальше на юг (чтобы не оставлять в поле «за крепостями» уже существующие города). Генерал указал на военно-инженерные преимущества своего плана черты, на острие которой был бы возведен город «Великой Изюм», и на стратегическое удобство выдвинутого в Дикое поле огромного клина укреплений, не только пересекающего татарские шляхи, но подтягивающегося почти к г. Тору и его соляным промыслам. В направленных воеводе П.В. Шереметеву 20 и 22 июня документах Косагов доказывал, что ему нужно лишь 10 тыс. пополнения, чтобы «все дело» закончить за лето.

Шереметев, по воеводскому обыкновению, ответил, что строительство 1 сажени (более 2 метров) вала следует поручать одному, а не пяти работникам; что же касается «другой черты» и пополнения — это как царь «учинит»! К сожалению, царского указа по этому поводу не удалось обнаружить в разбросанных по разным архивным фондам и не полностью сохранившихся документах. Однако судя по тому, что Косагов продолжил строительство по своему плану, а в указе царя с боярским приговором от 14 августа (всем воеводам «за валовое дело с милостивым словом и похвалою», по которому строители были отпущены по домам) ничего об изменениях не говорится, распоряжение Федора Алексеевича было получено.

Воевода П.И. Хованский, назначенный царским указом от 17 августа 1680 г. для продолжения работ «с великим поспешением» силами 21 638 чел., в основном завершил укрепления к концу сентября. Косагов находился поблизости, «в степи, на вершинах Козинских», и в ходе работ присоединился к Хованскому; черта была построена по его проекту. Судя по распоряжениям Федора Алексеевича об обороне границы, он еще в октябре недостаточно представлял себе конфигурацию и мощь новой черты, что неудивительно, поскольку Разрядный приказ не подал ему подробный отчет о строительстве, а «строительные книги и чертеж новой черты» были получены в Москве 21 ноября 1680 г.

Царь лишь взял на себя ответственность одобрить инициативу генерала, которого хорошо знал и которому доверял во всем, за исключением хитроумных военных демонстраций в ходе переговоров с неприятелем. При спешном продолжении работ для царя были бы ошибочны и отсылка Косагова к местному начальству, и стремление самолично разобраться в деталях его предложений. Было бы весьма трудно закончить сооружение вала на сотни километров, с толщиной в подошве до 8,5 и высотой до 7 м, со рвом до 5,3 м шириной и 6,4 м

глубиной, с десятками крепостей — в наступившее с января 1681 г. перемирное время силами одних крестьян.

Вот только риторика нет-нет да и подводила Федора Алексеевича. Все его рассуждения о «всенародной пользе», «мирном и прибыльном прибывании» и справедливости следовало воспринимать с уточнением: в рамках феодально-государства. А крепостные крестьяне Новосильского уезда поняли так, что коли царь сделал безопасным огромный участок Дикого поля для всех — значит «велено им, крестьянам, дать всем свободу, и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентябрь до 1 числа 1680 года». Движение быстро распространилось на южные районы Белгородской черты — и вот уже толпы крестьян, «покинув дома свои, а иные села и деревни, в которых они жили, помещиков своих дворы пожгли» и пошли на новые земли Изюмской черты, объявляя, как доносили воеводы, «будто по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы!» 28 июня Федор Алексеевич разослал по городам Белгородской черты указ «воров переимать всех», по двое от каждой группы повесить, остальных бить кнутом; над неповинующимися «промышлять боем». Прорвавшихся в Изюмскую черту беглых «победил» полковник Т. Альбрехт с московскими стрельцами. Московское правительство, в 1630-х гг. записывавшее беглых даже в пограничные дворяне, а в 1675 г. очень не хотелвшее выдавать их с границы, теперь имело возможность круто изменить политику на южных рубежах в интересах дворянства.

И в мирное время государь продолжал заботиться о новой черте. В 1681 г. были построены стены и башни замка и двух колец укреплений Изюма (всего на 3740 м), причем руководитель строительства Г.И. Косагов возвел одну из башен на свои деньги. 26 февраля 1682 г. генералу было поручено поставить на черте новые крепости, но вскоре после смерти Федора Алексеевича он был отозван и работы приостановлены, хотя укрепления доказали свою полезность.

Разумеется, правительство В.В. Голицына, двигавшее крепости еще дальше в Дикое поле с намерением блокировать и со временем привести в подданство Крым, поддерживало Изюмскую черту, но уделяло большее внимание завершению Новой черты: от Верхнего Ломова через Пензу на Сызрань. Там тоже по завершению строительства (1676—1684 гг.) стремительно росло население и также особо быстрыми темпами развивалось крепостничество. Вольные поселенцы предпочитали уходить за царские укрепления, в места опасные, но «привольные». Г.И. Косагов писал на этот счет кратко: «В прежних городках по новой черте люди не пребывают от воеводского крохобочества: без милости бедных людей дерут»¹.

Сам государь не был крохобором и широко жертвовал своими владениями. Если при его отце за тридцать лет было раздано 13 960 дворов дворцовых крестьян, то при Федоре за шесть лет — 6 274 двора. Эти земли шли в основном в награду отличившимся высшим думным чинам. Например, признавая экстраординарные заслуги В.В. Голицына, царь пожаловал ему 2186 дворов, что выдвинуло князя в группу богатейших людей страны (в 1678 г. весь род его имел 3 541 двор). Однако раздачи дворцовых владений при Федоре выглядят ничтожными по сравнению с вакханалией правлений Софьи и Нарышкиных, когда за 17 лет (1682—1699) было пожаловано более 24 тысяч дворов, причем одни Нарышкины получили более 6500 дворов, «заслужив» их исключительно благодаря системе фаворитизма².

¹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977. С. 178–181.

² Очерки истории СССР. С. 149; ср. сводные таблицы первых богачей и первых по богатству боярских родов с 1613 по 1696 г.: *Cumtrey R.O. Aristocrats and Servitors.* P. 114–115.

Глава 5

ДВОР ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ

Если при Федоре Алексеевиче в богатстве выдвинулись люди типа В.В. Голицына и Ромодановских, то после него богатели преимущественно царские родственники и фавориты: Милославские, Лопухины, Апраксины, Салтыковы, Хованские, Стрешневы, Б.А. Голицын и др. Не столь резко сказывался при нем фаворитизм и в распределении административной власти между знатнейшими родами.

Эксцессы, разумеется, были. Царский родственник Иван Михайлович Милославский в безумной погоне за властью к началу 1679 г. взял в свои руки руководство 10 центральными ведомствами: Большим приходом, Большой казной, Новой, Владимирской, Галицкой и Новгородской четвертями, Иноземным, Рейтарским, Пушкарским и Казенным приказами. Но продержался недолго. К концу года он потерял большинство постепенно приобретавшихся должностей, в конце следующего — Иноземный и Рейтарский приказы, но не был устранен от участия в делах, как обычно бывало при падении временщика. Милославский сохранил важный приказ Большой казны, был вхож во дворец, заседал в Думе и царь время от времени поддерживал его престиж, поручая объявлять свои указы.

Для сравнения следует вспомнить, что отец и сын Долгоруковы контролировали 7 в основном военных приказов, клан Хитрово до смерти 27 марта 1680 г. его главы Богдана

Матвеевича держал в руках чуть ли не все дворцовое ведомство (6 приказов), в то время как могущественнейшие роды как бы не интересовались этим. Одоевские, например, ведали всего двумя приказами, а Голицыны некоторое время одним (Пушкарским), поскольку князь Василий Васильевич интересовался артиллерией.

ЦАРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ И ЖЕНИТЬБА

По дворцовым разрядам, в которых перечислены участники 39 загородных царских походов, хорошо видно, как менялись личные симпатии Федора Алексеевича. Неизменным и наивысшим его расположением пользовались трое: сравнительно молодые, лично им пожалованные в бояре князья В.В. Голицын и М.Г. Ромодановский, бывавшие в ближней свите всякий раз, когда возвращались из дальних походов (по 15 раз), и известный нам И.Б. Хитрово. Своего старого дядьку князя Ф.Ф. Куракина царь звал с собой часто (13 раз), но год от года все реже.

Это была большая часть, поэтому все знатные роды хоть по разу «отметились» в свите, но редко кто бывал в ней более двух-трех раз. По шесть раз приглашались не замеченные в политических интригах князья И.А. Воротынский и В.Д. Долгоруков, по семь — молодые князья Ю.П. Трубецкой, Н.С. и Ф.С. Урусовы, восемь раз — столь же далекий от придворной борьбы князь С.А. Хованский. Но если последний равномерно приглашался каждый год, то Урусовы попали в царскую компанию только в 1680 г. и стали явными фаворитами: Федор Алексеевич звал их в тот год гораздо чаще других.

Глава клана Урусовых князь Петр Семенович 6 раз появлялся в ближней свите в 1679 г. и столько же — в 1680 г. (итого 12 раз). Это было очень много — даже кравчий с путем Василий Федорович Одоевский, к которому был не-

изменно расположены государь, приглашался в походы всего 9 раз за все годы. На тот же 1680 г. приходится охлаждение Федора Алексеевича к ряду деятелей: ни разу не появляются терявший власть боярин И.М. Милославский (до того отмеченный 10 раз), покинувший Сибирский приказ боярин Р.М. Стрешнев (ранее — 9 раз) и весьма возвысившийся в это время боярин князь М.Ю. Долгоруков (ранее — 11 раз). Урусовы, кстати, получили тогда один Пушкарский приказ — не престижный и не доходный. Так что если личные симпатии Федора Алексеевича и были связаны с властолюбием фаворитов, то изредка и слабо.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что изучение состава всей царской свиты (до думных дворян) показывает, что с годами сокращается и стабилизируется круг близких Федору Алексеевичу лиц, почти прекращается родственный протекционизм, и политические симпатии уступают личной дружбе. Царь сумел отстоять от высшей знати свое время отдыха (хотя и брал в походы дьяков — дела есть дела). Более того, вопреки устоявшейся традиции даже его женитьба не явилась результатом политических интриг!

Федор Алексеевич поступил столь экстравагантно для российских самодержцев и о его женитьбе ходило столько слухов, что удивляюсь, как никто не сказал, что он взял за себя сироту, чтобы не обогащать новых родственников (как на Руси было в обычай и чего царь действительно избегал). В любом случае история, лучше всех рассказанная младшим современником В.Н. Татищевым, заслуживает упоминания. Все началось с участия государя в крестном ходе, что он проделывал постоянно и старательно (впрочем, это была его царская обязанность)¹.

¹ Ср.: Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича. С 1632 по 1682 год. -- М., 1844; ДР. Т. IV. – СПб., 1855; Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение II; и др.

Дело было, видимо, весной или в начале лета 1679 г. — это не важно. Существеннее, что Федор Алексеевич был не вполне сосредоточен на возвышенном (мы уже видели его в монастыре стреляющим из лука и решающим государственные дела). Иначе он не проявил бы жгучего интереса к одной из девиц в толпе зрителей. Как человек решительный, царь не дал чудному видению пропасть — немедля велел одному из постельничих (по Татищеву, это был Иван Максимович Языков) «о ней, кто она такова, обстоятельно осведомиться».

Как извернулся постельничий, тайна велика есть — но доложил государю, что это Агафья Симеоновна, дочь смоленского шляхтича Грушевского, живет сиротой в доме родной тетки, жены думного дьяка Заборовского. Здесь Татищев заблуждается: Семен Иванович Заборовский был пожалован в думные дьяки еще в 1649 г., в думные дворяне — в 1664 г., а в 1677 г. стал уже окольничим — разница немалая¹. Так же историк ошибся, уверяя, что вся интрига была подкопом под Милославского (который пострадал дважды, но за несколько месяцев до и несколько месяцев после событий), и потому, возможно, преувеличивает роль Языкова, выдвинувшегося на первые роли позже: у Федора Алексеевича хватало и других доверенных приближенных.

Как бы то ни было, условно названный Языков в тот же день был отправлен в дом Заборовского, увидел девицу, обстоятельно все разузнал и доложил государю. Оставшаяся неизвестной Татищеву история девицы была проста. Грушевские, как и Заборовские, издавна служили частью в Речи Посполитой, частью в России. Отец Агафьи одно время управлял

¹ О Заборовских см.: *Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие.* С. 187; *Стуттей R.O Aristocrats and Servitors.* Р. 188, 202. О Грушевских см.: *Либрович С.Ф. Царица Агафия Семеновна. Записки вельможной панни.* — СПб.—М., 1913.

имениями литовского магната Михаила Паца (известного Федору Алексеевичу политику), затем служил пану Андрею Заборовскому, с помощью его московского родственника переехал в Россию, по обычаю отдав дочь на воспитание более знатному свойственнику, за коего выдал сестру. Ничего подозрительного в истории сей не обнаружив, Федор Алексеевич вскоре велел Заборовскому объявить, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал».

Некоторое время это явное свидетельство о намерениях царя оставалось в тайне: государь размышлял, как подготовить родственников. Царевны-тетки и царевны-сестры, видимо, были в восторге: брату давно пора было жениться, так лучше, если новая царица будет не из какой-либо придворной партии. А вот Милославский действительно мог упереться, но не подозревая происки слишком мелких для него тогда И.М. Языкова и А.Т. Лихачева, а имея в виду другую кандидатуру, из которой хотел извлечь личную пользу. Сам Татищев упоминает, что временщик одобрил идею брака, но предложил «иных персон».

Взяв «время уведомиться», Милославский якобы сказал царю по-русски прямо: «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны!» Федор Алексеевич впал в великую печаль, кушать перестал, наконец приближенные узнали причину. Языков и Лихачев немедля поехали с царского изволения к Загоровским и предложили лучше сразу сказать правду «о состоянии» невесты, чем рисковать жизнью. Все пригорюнились, «каков стыд о таком деле девице говорить», однако Агафья, «узнав, что напрасная на нее некая клевета причину подает, сказала дяде, что она не стыдится сама оным великим господам истину сказать. И по требованию их выйдя, сказала, чтоб они о ее чести ни коего сомнения не имели и она их в том под потерятием живота своего утверждает!»

Потрясенные откровенностью заявления, посланцы тем не менее поверили и, просияв, бросились к государю. Тот возрадовался, но решил еще раз проверить свои чувства. Выехав на прогулку в Воробьево, царь прогарцевал мимо двора Зaborовских, якобы случайно увидев Агафью в чердачном окошке. Дело было решено. Вскоре, точнее 18 июля 1680 г., он довольно скромно сыграл свадьбу, уведомив страну о своей радости лаконичной окружной грамотой¹.

При дворе обычных для таких случаев перестановок не произошло. Правда, Татищев рассказывает, что Федор Алексеевич запретил Милославскому ездить ко двору и что великолдушенная царица еле упросила супруга простить боярина, «рассудя слабость человеческую». Но однажды Милославский, доставляя по должности своей царице болей и материи, был застигнут государем в подозрительном темном месте. Царь принял его ношу за личные подарки и разъярился: «Ты прежде непотребной ее поносил, а ныне хочешь дарами свои плутни закрыть!» Милославский был выгнан из дворца в шею и чуть не попал в ссылку, однако дело прояснилось Языковым и Лихачевым, которые почему-то выступили его заступниками. В документах ничего даже косвенно подтверждающего это не отмечено, и скорее всего Татищев передает еще одну романтическую легенду².

Производства в чины и раздачи наград в честь свадьбы не было. 11 июля 1680 г. Федор Алексеевич объявил стране о рождении царицей Агафьей Симеоновной царевича Илии Федоровича (№ 877 — первым, как и о браке, известив В.В. Голицына), а уже 14 числа разослал необычно подробную грамоту о смерти и погребении своей супруги, на котором не присутствовал в горести (№ 878). Напрасно Сильвестр Медведев спешно переделывал радостную поэму, чтобы почтить

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 829; СГГИД. Т. 4. № 121.

² Татищев В.Н. История Российской. С. 174–175.

одного царевича Илию — утром в четверг 21 июля младенец скончался; государь был в походе, поэтому погребение состоялось только в субботу¹. Для Федора Алексеевича характерно, что именно теперь он проявил свою благодарность С.И. Зaborовскому: 20 июля тот был произведен в бояре (незадолго до кончины), 15 августа его родич Сергей Матвеевич был пожалован в думные дворяне, а на следующий день И.М. Языков — в окольничие (боярином он стал лишь 8 мая 1681 г.).

ВТОРОЙ БРАК И НОВЫЕ ПРИБЛИЖЕННЫЕ

Еще более скромен был второй брак государя. Отец невесты — свойственник И.М. Языкова Матвей Васильевич Апраксин — не получил даже младшего думного чина, братья стали по обычаю комнатными стольниками, не более. О выборе супруги Федор Алексеевич объявил 12 февраля 1682 г., 15-го была скромно сыграна свадьба, без обычного чина и при запертом Кремле. Царь был уже очень болен и лишь 21-го сумел принять придворных, гостей и посадских с подношениями, 23-го царь и царица дали свадебные «столы»². Сильвестр Медведев тепло поздравил новобрачных, уподобляя царя Геркулесу, Александру Великому, Титу, Августу, Соломону, Константину Великому.

Радуйся царю, от Бога избранный,
От него же нам, россиянам данный! —
воскликнул поэт, уверяя:
«Ничто в мире лучше, яко глава
Крепкого тела, егда умна, здрава³.

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 881; ср. богомольные грамоты по случаю брака царя с Агафьей Симеоновной, кончины ее и царевича Илии: ДАИ. Т. 8. № 78, 102.

² ПСЗ-І. Т. 2. № 709; ДАИ. Т. 9. № 93.

³ Дурново Н. Сильвестр Медведев. Приветство брачное, поднесенное царю Феодору Алексеевичу 18 февраля 1682 года. — Харьков, 1912.

Глава была умна, но не здрава. До сей поры Федор Алексеевич, и болея, не выпускал из рук государственных дел, хотя временами был на грани смерти. Согласно донесениям нидерландского резидента Иоганна фан Келлера, сильнейшая болезнь свалила царя в январе 1678 г., среди военных приготовлений. Вообще ослабленный зимой, Федор Алексеевич так простудился на Крещенском водосвятии, что врачи отчаялись, Дума, забросив дела, размышляла о престолонаследии. Однако государь пересилил болезнь и 10 мая ослепил великих послов Речи Посполитой роскошью и величием, которое, «к удивлению присутствующих, пре- восходило его возраст».

Демонстрируя выздоровление, Федор Алексеевич все-народно отпраздновал именины, а 7 августа самолично произнес перед послами речь по случаю ратификации мирного договора в хоромах, где свод был расписан «небесными со-звездиями с зодиаком и течением планет», а стены увешаны французскими шпалерами «с изящными изображениями римских сражений»¹. Зимой 1682 г. царь также надеялся на выздоровление, но оказался прикованным к постели настолько, что не мог контролировать исполнение своих распоряжений.

В феврале, марте и апреле 1682 г. правительство продолжало функционировать, но роль вхожих в комнаты больного близких людей необычно повысилась — об этом с гневом или одобрением пишут все современники. Их влияние не касалось крупных государственных распоряжений, но стало ощутимо. Сторонник Матвеевых (если не сам граф А.А. Матвеев) уверяет, что благодаря близким людям было изменено отношение царя к ссыльному временщику. За прозявавшее в Мезени и завалившее первых лиц Москвы жалобами

¹ Попов А. Турецкая война. С. 298; Таннер Б. Описание путешествия. С. 52, 74, 95; Выходы государей. С. 657.

семейство Матвеевых вступилась новая царица и ее братья-стольники, боярин и оружничий Иван Максимович Языков, «глубокий прежде площадных, потом и придворных обходений проникатель» постельничий Алексей Тимофеевич Лихачев и его брат стряпчий с ключом Михаил (о значении дворцовых синов см. в Приложении). По словам сторонника Матвеевых, они стали «сильным орудием к оправданию совершенной невинности тех оклеветанных»¹.

Братья Лихачевы и Языков выдвинулись по дворцовому ведомству. Языков с 1671 г. служил в Судном дворцовом приказе, при восшествии Федора на престол был пожалован в думные постельничие (хотя в Думе не заседал) и возглавил Царскую мастерскую палату с товарищем своим стряпчим М.Т. Лихачевым. С 16 августа 1680 г., получив чин окольничего, Языков стал руководить Оружейной, Золотой и Серебряной палатами, оставив Царскую мастерскую палату братьям Лихачевым. Федор Алексеевич, и без того любивший «художества», в это время особенно активно интересовался работой своих мастеров, чем и объясняется его сближение с распорядительными администраторами, на лету ловившими его мысли. Языков был пожалован в бояре — честь, достойная царского оружничего, но Лихачевы при Федоре так и не получили думных чинов².

Поскольку Языков занял должности, принадлежавшие раньше умершему Б.М. Хитрово (но не непосредственно, а после В.Ф. Одоевского), сторонник Матвеевых заключил, что Языков, Лихачевы и Апраксины «положили жестокую бразду» клану Хитрово и И.М. Милославскому. Это преувеличение, как преувеличено и значение «реабилитации» Мат-

¹ Сахаров И.П. Записки русских людей. С. 74–94.

² Crumley R.O. Aristocrats and Servitors. P. 202, 206; Берх В.Н. Царствование Федора Алексеевича. Приложение XX. С. 100–114; ср.: Богоявленский С. К. Приказные судьи.

веевых: царь просто освободил их из-под надзора и позволил жить в г. Лух — в Москву они были вызваны лишь после его смерти. Напомню, что в то же время Федор Алексеевич освободил из заточения в Кирилло-Белозерском монастыре глубокоуважаемого им патриарха Никона, разрешив тому жить в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре.

Против этого царского желания долго и упорно возражал патриарх Иоаким, положение Никона при Федоре в первые годы даже ухудшилось, но смертельно больной царь проявил особую твердость — и это милосердное деяние не приписывается придворным интриганам. В то же время после долгого заточения был сожжен протопоп Аввакум, ужаснувший Федора Алексеевича кровожадным фанатизмом — вплоть до выражения надежды на уничтожение «никонианской» Москвы турками,— и это распоряжение почему-то не приписано Языкову и Лихачевым¹.

Более серьезное обвинение против И.М. Языкова выдвинул близкий к государю Сильвестр Медведев, писавший о начавшихся зимой 1682 г. распрях в верхах и недовольстве народа правлением, не контролируемым больным Федором Алексеевичем. От сетований на то, что великие и малые начальники «мздоимательством очи себе ослепили», волнение народа переходило в гнев «от налогов начальнических и неправедных судов». В частности, когда стрельцы одного московского полка пожаловались государю на полковника, вычитавшего у них половину жалованья, и царь приказал провести расследование, именно Языков, «по наговору полковников стрелецких, велел о том розыск учинить неправедный и учинить чelобитчикам, лучшим людем, жестокое наказание».

¹ Богданов А.П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. — М., 1990. Гл. 3 и прим. 1, 3.

Языков вполне мог исказить смысл устного царского распоряжения или даже высказаться по этому мелкому вопросу от имени царя, но Медведев преувеличивает, называя его «первым государственным советником» (это позволяет ему отвести обвинения от В.В. Голицына и других первых лиц Думы), а позднейшие историки усугубляют эту ошибку, говоря о «правительстве во главе с Языковым». Думаю, напрасно одному Языкову приписывается более трезвая реакция на вторую, общую чебокинскую стрельцов 23 апреля, когда правительство вынуждено было начать следствие о злоупотреблениях полковников.

Обвинение против Языкова поддерживает датский резидент Бутенант фон Розенбуш: тот будто бы неправильно информировал о просьбе стрельцов главу Стрелецкого приказа Долгорукова, а при наказании стрелецкого ходатая заявил, что это делается по царскому указу. Механизм поступка Языкова в общем понятен, тем более что все повести о начале Московского восстания 1682 г. упоминают о неправедном следствии, проведенном вопреки справедливому царскому указу (только обвиняют не Языкова, а вообще начальство или дьяков Стрелецкого приказа)¹.

Любопытно, что народ, поднявшийся после смерти Федора Алексеевича на открытое восстание, тоже старательно преувеличивал роль «временщиков», отводя даже тень обвинений от государя: высшего защитника всенародной правды. В.И. Буганов и ряд других историков доказали, что восстание посадских людей в Москве во главе со стрельцами и солдатами, распространившееся в 1682 г. и на другие города России и Украины, было обусловлено общим ухудшением их положения, а не только новейшими несправедливостями, ставшими искрой для взрыва недовольства.

¹ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое». С. 37–42; Буганов В.И. Московские восстания. С. 87–100, цит. с. 89.

Принципиально важно другое: восставшие, в первую очередь стрельцы и солдаты гвардии, отстаивали те же идеи, что декларировал царь Федор Алексеевич: общей правды, государственной функции всех сословий в организме страны, равного правосудия и т.п. Смерть великого государя и полное недоверие к верхам дворянства и церкви, неспособных отстаивать общие интересы, стали спусковым крючком «стрелецкого бунта». Современные источники практически единодушно свидетельствуют, что, как только патриарх и бояре посадили на престол 10-летнего Петра вместо 16-летнего (по тем временам взрослого) царевича Ивана, единокровного брата Федора, восстание стало неизбежным.

Если даже при царе Федоре бояре и приказные люди, вопреки его воле, попустительствовали неправде и всякому насилию, «что же ныне при сем государе царе Петре Алексеевиче, который еще млад и на управление Российского царства не способен, те бояре и правители станут в этом царстве творить? — вопрошали восставшие. — Ведаем, что не лучше нам бедным восхотят сотворить, но еще больше постараются во всем на нас величайшее ярмо неволи возложить, ибо не имея над собой довольного ради царских юных лет правителя и от их неправды воздержателя, как волки будут нас, бедных овец, по своей воле в свое утешение и насыщение пожирать».

Неслучайно, перебив особо ненавистных лиц во дворце, в приказах и армии, стрельцы и солдаты объявили их государственными изменниками, которые и самого царя Федора извели. Не напрасно, получив возмещение всех своих материальных требований, они воздвигли на Красной площади памятник победе над неправдой, взяли у правительства жалованые грамоты для всех служилых по прибору, посадили на престол неправедно обойденного Ивана Алексеевича, назвались «надворной пехотой» (в противовес дворянской

коннице) и хотели остатся при троне гарантами общей правды. «Чаяли... государством управлять», «хотели... правительство стяжать», — с испугом повторял годами позже представитель верхов¹.

Самого Сильвестра Медведева ужасала мысль, что «невегласы мужики» посмели присвоить себе право на идеи «премудрых мужей», а «верхи» перетрусили и разбежались, предоставив спасать себя девице! Конечно, хотя Долгоруковы и Ромодановские пали в первые часы бунта, В.В. Голицын, Одоевские и другие представители высшей знати, Ф.Л. Шакловитый, Е.И. Украинцев и их товарищи-приказные не разбежались из Москвы вслед за большинством дворян и администраторов. Даже нелюбимый Сильвестром патриарх Иоаким, несмотря на «страхование», помогал царевне Софье шаг за шагом, неделя за неделей «утишать» народное волнение.

Мирное подавление самого опасного городского восстания XVII в. в России не было импровизацией одной царевны Софьи, как, публицистически заостряя, старается показать Медведев. Но «мужеумная» царевна оказалась действительно необходима для «премудрого» обращения с народом. И без нее в России, скорее всего, не произошло бы революции типа английской (как пугал Медведев) и государство бы не пало, но самые опытные и храбрые представители господствующего сословия не смогли бы победить, не пролив реки крови. Именно такую ситуацию хотел сделать невозможной Федор Алексеевич, когда упорно старался изменить облик дворянства, бюрократии и особенно их высшего слоя.

¹ Подробнее см.: Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. – М., 1981. С. 197–206; его же. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Там же. – М., 1984. С. 131–146.

ДИПЛОМАТЫ И ДИПЛОМАТИЯ

Народ, поднявшийся на «временщиков», почти никогда не называл по именам тех из них, кто возвысился при Федоре. Действительно, я могу назвать лишь один явный случай непонятного возвышения в его царствование, когда «врун, болтун и хохотун» Василий Семенович Волынский был пожалован в июне 1676 г. в бояре, а 21 декабря 1680 г. возглавил сугубо ответственный Посольский приказ! Ядовитый автор «Истории о невинном заточении» Матвеевых, высказавшись о посредственном уме, легкомысленной совести и малограмотности сего деятеля — одного из участников интриги против Матвеевых, намекает, кажется, что появление Волынского в Посольском приказе было наградой за его клевету на бывшего канцлера, ведь он «управление таких государственных и политических дел столь остро знал, насколько медведь способен на органах играть»¹.

Но объяснение популярности и продвижения Волынского всемосковской славой златошвейной мастерской его супруги (которую тот «нашел себе не по разуму своему») и умением его веселиться за столом хотя и может как-то мотивировать его хорошие личные отношения с царем Федором и боярами, не помогает нам понять, для чего с 21 декабря 1680 г. по 8 мая 1681 г. кроме дьяков в Посольском приказе должен был сидеть этот деятель?!

Разумеется, Волынский не был тузицей. В 1650—1660-х гг. он успешно управлял Разбойным и Челобитным приказами, при Федоре Алексеевиче был товарищем судьи в приказе Сыскного денежного дела (недолго) и с октября 1676 г. до назначения в Посольский приказ исправно управлял Разбойным приказом (да и после вернулся в

¹ Сахаров И.П. Записки русских людей. С. 81–82.

Сыскной и появлялся в Большой казне). Но, во-первых, назначение в Посольский приказ было ему не по рангу и не по влиятельности: обычно это было место «первого министра». Во-вторых, на Руси всегда придавали особое значение внешней политике, а положение в ней тогда было сложное, даже критическое.

Внешняя политика России в царствование Федора Алексеевича сводится обычно к основным посольствам и переговорам с Империей Габсбургов, Польшей и Турцией, затрагиваются отношения со Швецией и Данией. Даже С.М. Соловьев, обычно подробно рассматривающий «внешние сношения», в данном случае почти целиком заменил их проблемой Украины. Действительно, Нимвегенский мир 1679 г., прервавший европейское междуусобие, возродил в Москве надежды на организацию антитурецкой коалиции христианских стран, но круг дипломатических забот царя Федора этим далеко не исчерпывается¹. Результаты посольства в Польшу и Империю И.В. Бутурлина с товарищами были как раз плачевными. В ответ на призыв к христианской совести король Ян Собеский и магнаты нагло потребовали «возвращения» Смоленщины и Украины, а имперский канцлер попросту отказался от прежней договоренности, по которой Россия уже провела военную демонстрацию против Швеции².

¹ Отдельные интересные наблюдения см.: Капустин М. Дипломатические сношения России с Западною Европою во второй половине XVII века. – М., 1858; Крылова Г.К. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та. – Л., 1939. Т. 19; Копреева Т.Н. Русско-польские отношения во второй половине XVII века (1667–1686 гг.). Рукопись канд. дисс. – Л., 1952; Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура). – М., 1966.

² ПДС. Т. V. – СПб., 1858; РГАДА. Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 1. № 26–28; ср. ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 189–191.

Однако правительству Федора Алексеевича терпеливыми переговорами с посольствами К.П. Бростовского с товарищами (1678–1679), К. Томицкого и Ю. Доминика (1680), С. Невестинского (1681), а главное, умелыми речами и действиями наших послов в Польше (И.А. Прончищева, И.А. Желябужского; 1680 г.) удалось удержать реваншистски настроенную шляхту от враждебных действий и даже (вопреки мнению историка Е.Б. Французовой) добиться некоторого прогресса на пограничных съездах 1679–1682 гг., обеспечив России безопасный западный фланг¹.

Царю обидно было узнать об измене имперцев, однако враждебность к Швеции он демонстрировал также по просьбам посла Нидерландов Кунарада фан Кленка и датского посланника фон Габеля. Тесные отношения с Нидерландами поддерживались через московского резидента Иоганна ван Келлера, к датскому королю Христиану V Федор Алексеевич отправил двух гонцов перед тем, как туда выехал посланник С.Е. Алмазов (посетивший также Бранденбург). Переговоры об антитурецкой коалиции велись с этими странами в более доброжелательном тоне и сопровождались не только взаимными обещаниями, но и реальными торговыми соглашениями. Следует отметить, что вопрос о свободе русской торговли занимал Федора Алексеевича в отношениях со всеми странами (даже вошел в договор о перемирии с Польшей), как и вечная проблема соответствия посольского церемониала рангу государства.

С 1679 г. в Москве утвердился и постоянный датский комиссар Бутенант фон Розенбуш (1679–1685). В 1680 г. Копенгаген посетил гонец М. Алексеев, а вскоре в Россию приехал посланник Гильдебрандт фон Горн, с которым завя-

¹ РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 192–204; ср.: *Французова Е.Б. К истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. // ИЗ. Т. 105. – М., 1980. С. 280–293.*

зались секретные переговоры, увенчавшиеся после кончины Федора Алексеевича не только выгодными соглашениями, но и важными шагами по умиротворению Швеции. Государь плодотворно для его преемников провел также два тура переговоров с бранденбургским посланником Г. Гессе и принял гонца курфюрста¹.

Отказываясь совместно выступить против Турции, все государства охотно противодействовали Швеции. Отношения правительства Федора с королевством Шведским начались летом 1676 г. на пограничном съезде со взаимных угроз, хотя как раз шведы предлагали союз против турок и татар. Выход Швеции из войны в союзе с Францией способствовал установлению более тесных связей северного соседа с Россией.

Переговоры между Россией и Швецией, суверены которых вели в 1676–1678 гг. только переписку, начались прохладно. Русский посланник Ю.П. Лутохин и королевский коммерции-фактор Христофор фон Кох были плохо приняты в соседних столицах (1679–1680). Перед новым шведским посланником Федор Алексеевич в июле 1680 г. демонстративно не снял шляпу. Казалось, что вскоре зажгут пушки, однако Карл XI и московский государь, изъявляя друг другу неприязнь, не только не нарушали перемирия, но без шума взаимовыгодно развивали пограничную торговлю².

¹ Ср.: РГАДА. Ф. 53. Сношения с Данией. Оп. 1. № 16–23; ф. 74. Сношения с Пруссией. Оп. 1. № 5; Замысловский Е.Е. Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. – СПб., 1889; Ловягин А.М. Посольство Кунраада фан Кленка; *его же*. Голландец Кленк в Московии // Исторический вестник. 1894. № 9. С. 760–791; Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ. 1986. № 3.

² РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. № 102–109; очень незначительный материал приведен в работе: *Форстен Г.В.* Сношения

Посольство П.И. Потемкина, запечатленного на великолепном портрете в музее Прадо и современной гравюре, произвело большое впечатление на общество Франции, Англии и Испании (1680–1682) и достигло главной цели: хотя бы временно удержать Людовика XVI от нарушения нейтралитета на Рейне. Правда, позиция Франции, давно, как было известно Федору Алексеевичу, интриговавшей против России через вторые руки, была ненадежна. В ответ царские дипломаты, также через вторые руки, обратились к римскому папе с просьбой удержать короля от нанесения вреда планируемой антитурецкой коалиции. Более тесные отношения установились с Англией, посланник которой Иоанн Гебден превратился почти в постоянного резидента в Москве (1676–1678)¹.

Сложнее обстояло дело с восточными соседями. Среди них калмыки, рассматривавшиеся Федором Алексеевичем как партнеры для переговоров, пошли на заключение мира с посланником князем К.О. Щербатовым (1677). Но калмыцкий хан имел мало влияния, а авторитетный тайша Аюка пошел на нарушение своей шертной грамоты (письменной присяги) и в 1680 г. заключил мир с крымским ханом, послав ему в подкрепление всадников и напав на русские пределы (что он, впрочем, проделывал и ранее)².

Аюка поступил несвоевременно: Бахчисарай сам готовился к миру с Москвой. Однако посланники в Бухарском, Хивинском и Ургенчском ханствах В. Даудов и И. Касимов сообщали Федору Алексеевичу об опасности объединения

Швеции и России во второй половине XVII века. 1668–1700 // ЖМНП, 1899. № 6 (ч.323). С. 312–338.

¹ РГАДА. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. № 6–9; ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. № 19.

² РГАДА. Ф. 119. Сношения с Калмыцким ханством. Оп. 1. № 6; СГТиД. Т. 4. № 107; Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 233–234.

мусульманских владык против уверенно наступавшей в Азии христианской державы (1677–1678). Русский резидент в Персии К. Христофоров (1676–1684), получив новые инструкции через гонца Н. Алексеева (1676–1681), также побывавшего у шаха Сулеймана, не обнадеживал государя относительно возможного вступления Ирана в большую войну с его давним врагом — Турцией¹.

Таким образом, к осени 1680 г., когда русские послы В.И. Тяпкин и Н.М. Зотов отправились на мирные переговоры с Турцией и Крымом, было очевидно, что момент для продолжения войны самый неподходящий. Федор Алексеевич оказался прав, приказав оставить Чигирин и не надеясь на многочисленные обещания союза против турок: пока Россия связывала султану руки, западные христианские государства могли искать себе прибыли в другом месте, не беспокоясь за тылы, да еще и шантажировать страну, которая одна страдала за всех. Разумеется, государь заранее подготовил миссию Тяпкина.

Еще в мае 1679 г. валашский представитель Билевич рассказывал в Посольском приказе об огромных (до 30 тыс.) османских потерях в последней кампании и желании турок, при уступке им части спорной Украины, пойти на мирную. Царь отписал тогда валашскому господарю о своем согласии на мир с султаном. К этому времени в Посольском приказе были систематизированы разведывательные материалы и дипломатические справки относительно Турции (за 1677–1678) и подведены итоги миссии в Стамбул стольника А. Поросукова (1677–1679). Почву для заключения мира готовило в Константинополе посольство В. Даудова

¹ РГАДА. Ф. 77. Сношения с Персией. Оп. 1. № 20–21; ф. 109. Сношения с Бухарским ханством. Оп. 1. № 6. Ср.: ф. 110. Сношения с Грузией. Оп. 1. № 9; Переписка, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государствами, с 1639 по 1770 г. – СПб., 1861. С. 89–112.

(1678–1681). Тяпкин выехал в Крым лишь тогда, когда из Москвы вместе с ним был отпущен новый ханский гонец Халил-Сеги. Миссию гонца исполнял в 1679–1680 гг. в Бахчисарае дьяк Г. Михайлов. Наконец, посольству Тяпкина, на котором сосредоточено внимание исследователей, предшествовало неудачное посольство в Крым стольника Б. Пазухина¹.

В ходе переговоров В.И. Тяпкину и Н.М. Зотову пришлось отказаться от Запорожья, однако перемирие на 20 лет было заключено согласно пожеланиям Федора Алексеевича и гетмана И. Самойловича (с которым осенью 1679 г. провел переговоры Е.И. Украинцев). На стороне России оставалась Левобережная Украина и Киев, а Правобережье Днепра до моря и Буга не должно было заселяться. Оно предоставлялось для кочевого скотоводства, рыбной ловли и промыслов казакам и татарам, турки же не имели права строить на Днепре крепости.

Такой мир, по мысли Самойловича, был выгоднее союза с Речью Посполитой и позволял в будущем потребовать от поляков за помощь в их войне с турками вечный мир (по существующей границе): «без вечного мира верить ему (королю.— Авт.) нельзя, потому что он великому государю не доброхот»². Так и произошло, когда Венеция, Империя (с 1683 г.), а затем и Польша вынуждены были отбиваться от турецко-татарского наступления. Как ни противились поляки заключению Вечного мира с Россией, оттягивая пере-

¹ РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. № 14–22; ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. № 60–61; *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Б.А. Пазухина в 1679 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 30. С. 179–216.

² Статейный список стольников В.Тяпкина и дьяка Н.Зотова в 1681 г. в Крым // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. 1; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 224–225.

говоры и ввергая свою страну в ужасное турецкое разорение, им пришлось подписать его в 1686 г. Только тогда Россия смогла разорвать договор с османами и стать важнейшим членом Священной лиги христианских стран¹.

Но до этого было еще далеко. Пока Федору Алексеевичу следовало добиться ратификации мирного договора с султаном, чему тот изрядно противился, не желая ограничивать себя в строительстве крепостей. Посольства в Константинополь И.И. Чирикова, а затем Т. Протопопова склонили султана в марте 1682 г. подписать договор, однако хитрые турки изменили его редакцию². Полностью завершить переговоры Федор Алексеевич не успел, но он вывел страну из войны и был за это восторженно приветствован современниками.

ГОСУДАРЕВ ДВОР

Вопрос о том, зачем в самый ответственный момент переговоров о мире с Турцией и Крымом понадобился во главе Посольского приказа В.С. Волынский, остается загадочным. Была это дворцовая интрига или попытка царя прикрыться от возможного негодования двора в связи с уступками «агарянам»? Как бы то ни было, Государев двор, первым человеком которого считал себя государь, всегда доставлял ему превеликое беспокойство. Федор Алексеевич пытался и подчеркнуть его значение, выделить среди дворянства, и заставить этот высший слой служилых по отечеству стать истинно служильным, функциональным в меняющемся государстве.

¹ Греков И.Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР, 1951. № 2. С. 85–98; и др.

² РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. № 20–22; ПСЗ–I. Т. 2. № 916 (Адрианопольская 1681 г. и Константинопольская 1682 г. ратификация Бахчисарайского договора).

Весь XVII в. московский список знатнейшего дворянства увеличивался и в 1681 г. насчитывал уже 6 385 человек, имевших поместья и вотчины практически по всей территории России (исключая Сибирь)¹. Этот привилегированный слой должен был поставлять высших военных и гражданских чиновников, но, несмотря на свою многочисленность, не исполнял полностью эту обязанность, а в военном отношении сотенная служба московского дворянства была явным архаизмом. Сложность состояла в том, что чиновная система Двора была главной в государстве и продвижение по служебной лестнице, например, военных нового строя, приходилось увязывать с чинами московского дворянства.

Служба представителей московского списка под начальством человека, в него не входившего (пусть даже генерала), считалась для дворян унизительной, а получение выходцем из «низов» звания московского дворянина, стольника, думного дворянина, окольничего и наконец боярина нарушало систему «мест» московских фамилий. Даже представители знатнейших родов должны были постоянно следить, чтобы не оказаться на службе ниже того, под которым его родственники никогда не ходили, и тем самым не «утянутуть» высоту своих традиционных прав. Поэтому московским дворянам приходилось частенько отказываться от выгодных и престижных поручений и назначений, скандалить на светских и духовных церемониях: вызвать царский гнев и даже быть выгнанным в шею было не так страшно, как унизить род. Наконец, если возвышение одного члена несколько повышало всю его фамилию, то опала могла «понизить» род гораздо скорее.

Федор Алексеевич и его Дума свято исповедовали родовой принцип (особенно активно реализуя его в поместно-

¹ Очерки истории СССР. С. 151.

вотчинном законодательстве). Так, уже 23 февраля 1676 г. государь указал и бояре приговорили, что за службу отцов, погибших на русско-польской войне (с 1654 г.), землями в вотчину безусловно должны жаловаться дети (№ 631). В то же время само дворянство, из различных соображений нередко посылавшее на службу сына вместо отца, племянника вместо дяди или брата за брата, просило государя изменить указ Алексея Михайловича и жаловать за службу действительно служивших, а не их родственников. 20 марта 1677 г. государь и бояре удовлетворили эти прошения частично: при желании родственников, записанных в службу, но не бывших на ней, жалованье получали они, а не действительно служившие (№ 684).

В том же месяце марте, 12-го числа, Федор Алексеевич именным указом повелел московским дворянам и жильцам, записанным в эти чины из городовых дворян с 1670—1671 гг., нести военную службу с теми городами, откуда они попали в московский список: надо полагать, имеются в виду воеводские разрядные (регулярные) полки. Это охватывало регулярной военной службой изрядное число лиц Государева двора (что стало особенно ясно после военно-окружной реформы). Но прямо покуситься на привилегии московского дворянства государь не отважился: было объявлено, что в городовых (более низких по чину) списках эти лица значиться не будут, то есть свой статус не уронят (№ 683). Как уступку этой категории дворян можно рассматривать указ от 22 августа 1677 г. о назначении городовых дворян и детей боярских в воеводы, если на то не будет специального царского распоряжения по каждому кандидату лично (№ 704).

Не только служить в регулярстве, но вообще служить московское дворянство приходилось заставлять. 15 января 1679 г. Федор Алексеевич велел объявить с Постельного

крыльца стольникам, стряпчим, московским дворянам и жильцам: ему «ведомо», что у них по домам живет немало способных к службе детей и братьев, племянников и свойственников. Всех их государь повелевал представить в чины и записать в полковую службу, угрожая уклоняющимся, что они совсем не получат чинов, а то и будут написаны «с городами» (№ 747). К 17 марта 1679 г. бояре нашли способ привлечь дворян на службу: приговорили, что поместья будут закреплены за отставными дворянами только в том случае, если их дети состоят в службе или они сами вновь начнут служить (№ 754). Речь в первую очередь шла о военной службе, но для московского дворянства она обычно оказывалась парадной и смыкалась с придворным церемониалом, который требовал демонстрировать роскошь и величие Государева двора.

Федор Алексеевич не одобрял театр, но уделял театрализованным придворным действиям большое внимание и неукоснительно следил за выполнением придворными актерских функций. Церемонии действительно производили большое впечатление на народ, заблаговременно предупрежденный глашатаями и собиравшимся посмотреть на них огромными толпами, а также на иностранных гостей. Вот, например, как описывал встречу польского посольства под Москвой его участник чех Бернгард Таннер. Взору приезжих представилось «блестящее войско... в разноцветном одеянии, со множеством труб и литавр». Младшие придворные — жильцы — составляли «новый, невиданный дотоле отряд воинов. Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков; сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были приложены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся на ветру. Отряд казался ангельским легионом.

Кто не подивился бы на такое чудное зрелище, того по справедливости я счел бы слепым и среди цветущего сада!»

О появившихся следом царских стольниках Таннер рассказывает: «Сознаюсь, что мне не под силу описать как следует убранство их, разнообразие одеяний и прочее великолепие этой вереницы — необычайную их пышность, красоту и блеск можно разве вообразить!.. На них ловко сидели красные полукафтанья, а другие, вроде плаща, были накинуты на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем; они называют их ферязями. На каждой ферязи на груди по обе стороны виднелись розы из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину. Блиставшие на солнце каменьями, золотом и серебром шапки придавали еще больше красы этой веренице».

Кони были украшены толстыми золотыми и серебряными цепями, бряцавшими, когда всадники горячили коней; особый звон издавали также конские наколенники и подковы с цепочками. Пересев на свежих коней «в еще более пышной сбруе», всадники эти «начали — удивительно сказать! — не касаясь земли, перескакивать с одного седла на другое, выказывая такую ловкость, что все в изумлении залюбовались на их искусство».

Последовавший далее торжественный прием, как и все такого рода протокольные мероприятия, был тщательно продуман, вплоть до деталей царского облачения¹. Еще готовясь к венчанию на царство 18 июня 1676 г., Федор Алексеевич проявил большое участие в уточнении деталей этой традиционной церемонии. Помимо серьезных изменений в чине венчания (о которых мы расскажем ниже) царь позаботился приставить более пышную свиту у скипетра, державы и про-

¹ Таннер Б. Описание путешествия. С. 44–52. Прим. 45.

ших инсигний (дьяков и дворян в золотой одежде), снять слова «в холопстве» из объявления о сборе на Ивановской площади «иноземцев, которые ему, великому государю, служат в холопстве», и дать строгие распоряжения охране.

Стрельцам было указано «людей боярских и иных мелких чинов отнюдь никого не пускать» на Красное крыльце и в дворцовые переходы, чтоб никто не толпился и не заступал путь главным участникам действия. Так же следовало заблаговременно «выслать из церкви (Успенского собора. — Авт.) народ, незнатных людей, и очистить» место, «чтобы золотчикам было где стать и от множества народа тесноты великой не было». Стряпчим, дьякам и гостям государь еще 16 июня повелел явиться на венчание в золотых одеяниях — нарушителей следовало гнать с Постельного крыльца, от Садовых дверей и проходных сеней перед Золотой палатой в темный закуток между Столовой и Сборной палатами¹.

Распоряжения, как должны выглядеть и вести себя «золотчики»², делались в царствование Федора Алексеевича беспрерывно, а 19 декабря 1680 г. государь издал сводный указ о торжественной одежде придворных чинов от бояр до дьяков. Ныне и «в предбудущие годы» им повелевалось на великих церковных праздниках являться к выходам либо всем в золотых ферязях, либо в бархатных, либо в объяринных, согласно приложенной росписи трех групп праздников (№ 850). Однако заставить всех выполнять подобный указ было затруднительно. 6 января следующего, 1681 г., распекая стольников, стряпчих и дворян московских за представление к военному смотру самого малого числа

¹ Бычков Ф.А. Разрядные записки о венчании на царство царя Феодора Алексеевича. — М., 1883 (оттиск из ЧОИДР, 1882. Кн. 1); ПСЗ-І. Т. 2. № 648 (ср. № 647, 649).

² Имелись в виду все уставные парадные костюмы, не только золотые.

дворовых людей «с боем», Федор Алексеевич милостиво похвалил явившихся к крестному ходу на Иордань в золотых ферязях, объявил, что допускает к ходу пришедших в бархате, а надевших обоярь или сукно не велит пускать и приказывает им стать подальше, «от тех золотчиков особо» (№ 855).

В октябре 1681 г. вместо старинной длинной одежды (ферязей, охабней, однорядок) Федор Алексеевич приказал всем служилым людям московского списка носить особое платье — короткие кафтаны¹. Этот указ волей-неволей выполнялся, поскольку в старинной одежде стрельцы не пропускали в Кремль, и вызвал изрядное число откликов. Даже в надгробной эпитафии было упомянуто, что царь «преубыточные для народа одежды переменил». Боголеп Адамов увидел в реформе идейный смысл: «платье народу российскому повелел носить от татар отменное»; а петровские летописцы отмечали, что «сей царь Федор Алексеевич переменил древнее российское платье», «древнюю неудобную одежду» (причем мужчинам и женщинам)².

Подобными регламентирующими указами изобильно петровское время, но Федор вынужден был и в этом отношении предвосхитить деяния брата. Еще 26 октября 1676 г. появился именной царский указ с боярским приговором, категорически запрещающий лицам всех чинов являться в Кремль на извозчиках (№ 664). В конце царствования Федор Алексеевич разразился указом, кому сколько по чину и времени года впряжен лошадей в кареты и сани: боярам, в зависимости от случая, от 2 до 6, а спальникам, стольни-

¹ Иловайский Д.И. История России. С. 496; и др.

² Богданов А.П. «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 399; РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1154–1170; Государственный исторический музей. Отдел рукописей (далее – ГИМ). Собр. Уварова № 543. Л. 184об.–192; ГИМ. Собр. Черткова. № 156; и др.

кам, стряпчим и московским дворянам — не более одной лошади в сани, а летом ездить только верхом (№ 902). Зато несколькими месяцами ранее этим младшим категориям придворных было велено не сходить с лошадей и не кланяться в землю при виде боярина — эта честь только для самодержца (№ 875).

Одной рукой Федор Алексеевич практически разрешал дуэли (чуть не в Кремле), ибо освобождал от казни вынужденного оброняться при свидетелях (№ 843), с другой — очень серчал на придворных, толкавшихся в Столовых сенях во время визитов патриарха (№ 790), и издал именной указ о порядке пропуска во дворец стольников и стряпчих, дворян и жильцов, генералов и стольников с посланниками, городовых дворян и т.п., вплоть до денщиков полковников (№ 901).

ПРОЕКТ ЧИНОВНОЙ РЕФОРМЫ

Выделение в придворных распоряжениях генералов и полковников было связано с огромной для того времени проблемой сочетания новых военных и старых придворных званий. Намереваясь решить ее радикально, Федор Алексеевич все равно вынужден был давать военным еще и придворные чины: только тогда генерала начинала «признавать» существующая система знатности. Проблема касалась также царских комнатных людей. Обычно они принадлежали к высшей знати, но все равно оставалась неясность, как сопоставлять, скажем, кравчего (виночерпия) или постельничего с общей иерархией придворных чинов?

Казалось, две старых иерархии могли ужиться, однако 18 августа 1677 г. Федор Алексеевич вынужден был издать именной указ, что его доверенный приближенный и знат-

нейший князь В.Ф. Одоевский как кравчий с путем должен писаться в документах, садиться за стол и получать жалованье выше окольничих (№ 701). Кравчий без пути князь П.С. Урусов, писавшийся ниже окольничих, вышел из сложного положения, только став боярином. К 8 января 1681 г. обострился вопрос, как трактовать при Государеве дворе должности думного постельничего И.М. Языкова, постельничего А.Т. Лихачева и стряпчего с ключом М.Т. Лихачева? Государю пришлось рассмотреть подробную докладную выписку о всяческих случаях, чтобы решить просто: всем названным почитаться на уровне думных дворян (№ 856).

Однако уже к 3 мая 1681 г. изменения личного состава высших дворцовых служителей заставили пересматривать систему их окладов и вновь искать им место в чиновной иерархии. Например, кравчий без пути князь И.Г. Куракин царским соизволением заседает в Думе и пишется выше окольничих, а какой ему дать оклад — непонятно; у стряпчего с ключом А.Т. Лихачева есть оклад — но писать его под думными дворянами выше печатника или нет? Федор Алексеевич расписал всем им новые статьи окладов, но принципиально вопроса решить не мог (№ 865).

Проблема упиралась в местнический обычай и в более широкое представление о родовой знатности; она оказалась слишком тесно связанной со служебными назначениями и жалованьем (иметь более низкий оклад означало и «утягивание» в чине). Вопреки общему мнению, Федор Алексеевич раньше столкнулся с этой проблемой не в военных, а в посольских делах (до военно-окружной реформы), решив унифицировать оклады первому, второму и третьему великому и полномочному послу, думному и рядовому дьяку, посланнику и его дьяку, гонцу, дворянам свиты. Каждому посольскому званию без различия придворных чинов был

установлен оклад по 1000, 700, 600, 500, 400, 600, 400, 100 и 30 руб. человеку.

Получалось, что главы великих посольств могли быть боярами, окольничими или думным дворянами, но уровень службы имели одинаковый! Конечно, посол в Польшу или Империю был бы назначен из более знатной фамилии и чина, чем, скажем, в Курляндию, но оклад уравнивал их (если Курляндию надо было удостоить великого посольства, а не посланника или гонца). Хотя Федор Алексеевич твердо указал и бояре приговорили «кроме сего великого государя указа никаких примеров послам и посланникам и гонцам о жаловании не выписывать» (№ 715), им пришлось подумать о кодификации различий в знатностях посольских посылок.

15 августа 1679 г. Федор Алексеевич попытался приспособить к новым условиям старую систему почетных наместнических титулов, которыми наши послы издавна величались перед западной титулованной знатью. При равных посольских окладах перечисленные им представители знатнейших фамилий (Одоевские, Долгоруковы, Черкасские, Куракины, Шереметевы) должны были получать титулы наместников царственных и степенных городов (например, наместник Московский, Киевский, Владимирский и т.п.). Было подтверждено существование таких же формальных, но менее престижных нестепенных наместничеств (от Тверского до Обдорского и Кандийского) и в «наместническую книгу» записано еще множество городов от Суздаля до Елатьмы (№ 715).

Этот указ известен нам по докладной выписке, представленной государю в марте 1680 г.¹, когда он вновь занимался наместническими титулами, введя их для командующих

¹ Доклад опубл. : ПСЗ–I. Т. 2. № 715; СГГиД. Т. 4. № 116.

отдельными армиями при их переписке с украинским гетманом (напр., окольничий А.С. Хитрово — наместник Ржевский, думный дворянин и генерал В.А. Змеев — Серпуховской; № 755). О размышлениях правительства в этом направлении, возможно, свидетельствует посланная в Разряд из Посольского приказа и Устюжской четверти справка от 17 декабря 1680 г. о действующих послах, посланниках и воеводах¹.

Во второй половине 1681 и начале 1682 гг. Федор Алексеевич и его единомышленники, осуществив финансовые, военные и административные реформы, всерьез приступили к реформированию чиновной системы. С.М. Соловьев пишет, что речь шла «об отделении высших гражданских чинов от военных — знак, что Россия начала уже выдвигаться из числа государств с первоначальной, простой формацией». А.И. Маркевич отмечает, что в наиболее полном (хотя, возможно, незавершенном виде)² проект чиновной реформы подразумевал сосуществование на иерархической лестнице воевод, управляющих на местах, и наместников, сидящих в Думе по старшинству титулов. П.Н. Милюков указывает на постепенность формирования такого порядка старшинства и считает проект наместнической реформы попыткой систематизации подсказанного практикой.

С другой стороны, В.О. Ключевский узрел в проекте план «аристократической децентрализации государства», «попытку ввести в Московской Руси феодализм польского

¹ ДАИ. Т. 9. № 77.

² Опубл.: Оболенский М.А. Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.В. Калачовым. -- М., 1850. Кн. 1. Отд. II. № 2. С. 19–40.

пошиба». В.К. Никольский, изучивший события наиболее подробно, заметил, что даже в той редакции, на которую предпочел опереться Ключевский, «вечна лишь лестница наместничеств, но не вечны лица, ими управляющие». Однако Никольский не рискнул развернуто разорвать мэтру, а советские историки ограничились маловразумительными рассуждениями о классовой направленности, прогрессивности или реакционности проекта чиновной реформы¹.

Между тем подготовленная во второй половине 1681 г. своеобразная «табель о рангах» из 35 степеней довольно остроумно утрясала иерархию чинов Государева двора, военных округов, выделившихся приказных палат (и вообще высшего гражданского аппарата), дворцовых должностей и.т.п., применив к ним наместнические титулы. Кстати, в определенной последовательности располагались и возглавляемые наместниками государственные учреждения, что соответствовало представлению Федора Алексеевича о строгой иерархичности государственной машины.

Например, боярин председатель Расправной Золотой палаты, со своими 12 заседателями из бояр и думных людей возвышенный над всеми судьями Москвы и обязанный сле-

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 252–253; Маркевич А.И. О местничестве. – Киев, 1879. Ч. 1. Гл. XLI. С. 708; *его же*. История о местничестве в Московском государстве в XV–XVII веке. – Одесса, 1888. С. 519–594; Милюков П.Н. Государственное хозяйство. С. 247 и сл.; Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. Изд.5-е. – Пг., 1919. С. 488–492; *его же*. Курс русской истории // Сочинения. Т. 3. – М., 1957. С.83–84; Никольский В.К. «Боярская попытка» 1681 года // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском ун-те, 1917. Кн. 2. С. 57–87 (цит. с. 84); Очерки истории СССР. С. 156–157; Волков М.Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2. С. 53–67; и др.

дить за правильностью и координацией работы центральных гражданских ведомств (и военных по гражданским делам), бесспорно получал 1-ю степень и титул наместника Московского. Вторую степень занимал боярин и дворовый воевода — титул новый, но звучавший традиционно и совершенно необходимый для общего заведования «всякими воинскими околичностями» (личным составом и устроением ратей, приготовлением оружия, запасов и т.п., аналогично позднейшей должности военного министра). Боярин № 3 отмечался степенью наместника Владимирского и председательствовал над лицами с наместническими титулами, заседавшими в Думе. Четвертую степень получал боярин и воевода Севского разряда (особого наместнического титула для него не требовалось — обозначением чина служила реальная должность).

Высота наместнической степени определялась по установленным уже наместническим книгам, а главенство разрядных округов сложилось в процессе их создания. Наместники царственных градов и разрядные воеводы имели боярские чины и четко координировались между собой. Например, воевода Новгородского разряда шел за Владимирским и имел общую 12-ю степень, Казанского — 14-ю, Астраханского — 16-ю, а украинский гетман — 25-ю степень. Всего статей было 35, но они позволяли охватить 83 сановника, т.к. статья 29 перечисляла 9 бояр с лесенкой названий наместничеств, статья 32 — 20 окольничих-наместников, статья 34 — 20 думных дворян-наместников. Свои места нашлись для кравчего, главного чашника, постельничего. Кроме того, положение лица любого чина легко было определить по степени его учреждения или соединения (обозначенной титулом руководителя), что делало сопоставимыми и более низкие старые чины.

ОТМЕНА МЕСТНИЧЕСТВА

Чиновная реформа задумывалась в более широком идейном контексте, представление о котором ярко обрисовал Сильвестр Медведев. Согласно его «Созерцанию», 24 ноября 1681 г. Федор Алексеевич изволил «вчинать» рассмотрение дела о чинах своего царского совета, «как бывает председение в синклите его и в воинских делах, когда... посылают в полки с ратными людьми или в правление по их царского величества царственным градам»¹. Проблема была в сочетании благородства рода, заслуженного чина, близости к великому государю, но Медведев выделяет обличение вражды и непорядков, возникающих из-за местничества.

Именно об отмене местничества Медведев жаждал рассказать, подчеркнув роль В.В. Голицына (правившего во время написания «Созерцания») и в особенности продемонстрировав на этом примере идеи правильной организации государства. Государь должен был отменить местничество, потому что им умножается зло и вражда среди начальников и приносятся бедствия подчиненным. «Если вручат кому-то правление в стране и в полках, хотя и не великого рода, а честью их государской пожалован и в таком деле искусен» — ни такому начальнику, ни с ним не следует «считаться местами» — это гордыня, Господь велит «не возноситься и над малым человеком».

В конце концов, все люди, по учению апостола Павла, составляют единое тело, не являясь одинаковыми его органами. Голова,— орган, безусловно, более важный, чем нога,

¹ Ср. Указ о полной и всеобщей отмене местничества от 24 ноября 1681 г.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Стлб. 651. Л. 145–149. См. также: Седов П.В. К изучению источников по истории отмены местничества // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1998. Т. XXVI. С. 209–223.

рука или палец,— не может отрицать полезности других частей тела, коли они не голова. «Людям, как единому телу, органам же разным, в вере единой, в государстве едином подобает всем звание свое хранить, в нем же кто пребывает. Если боярин — да о государстве во всяких вещах... к мирному и прибыльному государства всего добротворению беспокоиться должен. Воевода в воинстве, как достойно, да промышляет и управляет, воин также службы своей надлежащей не оставляет. Подданный, в земледельстве труждаясь, должный оброк господину своему да воздает. Все же есть люди Божьи и ни один благородный без единого мнимого меньшим жить не может». Так, по мнению Сильвестра Медведева, считал царь Федор Алексеевич.

Вся аристократия с удовольствием подписалась бы под этими словами, если бы не следующий сомнительный тезис: «Чести же и правление более всего даваемы бывают по разуму, и по заслугам во всяких государственных делах бывшим, и людям знающим и потребным». Если это правило относится к существующему положению — значит незачем возвышать еще и неблагородных. Если же продвигаться должны прежде всего самые способные, какое значение имеет природное благородство? В этой связи Федор Алексеевич, согласно «Созерцанию», произнес 12 января 1682 г. перед собранием духовенства и Думы смелую речь: «чтобы тому местничеству впредь между великородных людей не быть, и кому по их государеву указу велят где, хоть из меньшего чина, за его службу или за разум пожалованным быть честью равной боярству — и с ним о том никому не считаться... ибо в жизни сей кого Господь Бог почтит, благословит и одарит разумом — того и люди должны почитать и Богу в том не прекословить».

Далее царь по обыкновению обратился к иностранному опыту, будто бы «на всей вселенной у всяких народов, осо-

бенно же... у мудрых людей, всякое правительство и чести даваемы бываю от самодржцев достойным людям. Если же кто и благороден, но за скудость ума, или какой неправдой, и неблагочестивым житием и своевольным... губит благородство свое и почитается от всех во злородстве, таким... никакого правительства вручать не подобает» во избежание казни Божией на все государство. Однако это не искоренило понятия благородства — напротив, повелевая уничтожить местнические книги, Федор Алексеевич объявлял, что отменяет обычай «низить» по благородству тех, кто служил в подчинении малородного, и относить прегрешение одного члена фамилии к «бесчестью» всего рода. Отмена родового принципа в службе не касалась традиционных привилегий: они не упоминались, но на практике закреплялись¹.

В Соборном деянии об отмене местничества² история излагается значительно прозаичнее. Как уже упоминалось, князю В.В. Голицыну с товарищами 24 ноября 1681 г. было поручено «ведать ратные дела» для приведения российской армии в соответствие с современными требованиями. Речь сразу же зашла о Государеве дворе, лишь частично затронутом военно-окружной реформой (за счет службы части новых московских дворян в полках), но так и не вписавшемся в систему «регулярства». Да и как вписаться, если приглашенным на обсуждение генералам и полковникам — лучшим специалистам в военном деле на Руси — государь должен был дать придворное звание стольников, чтобы Государев двор признал, «коего они чина и звания»? Даже при удостоверении соборного акта об отмене местничества

¹ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание». С. 18–20.

² Подлинник опубл.: СГГИД. Т. 4. № 130. С. 396–410 (с подписями участников собора); ПСЗ–I. Т. 2. № 905. С. 368–379 (без подписей). См. также: Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание». С. 20–33.

знаменитый думный генерал В.А. Змеев поставил подпись среди думных дворян (без генеральского звания), а командиры гвардейских дивизий генералы А.А. Шепелев и М.О. Кровков, рейтарские и пехотные полковники подписывались в самом конце списка стольников — перед стряпчими!

Замысел же усовершенствования системы чинов был на этот раз гениально прост: заставить представителей всех родов Государева двора служить «полковую службу по-прежнему», но с общеармейскими званиями. Известно, что знатнейшая молодежь начинала службу в московских дворянских сотнях с чина не выше стольника. Посему В.В. Голицын, «выборным людям сказав его великого государя указ», сразу потребовал, «чтобы они, выборные люди, объявили, в каком ратном устроении пристойнее быть стольникам, и стряпчим, и дворянам, и жильцам».

Выборные, в число которых недаром включены были регулярные командиры и представители городового дворянства, приговорили младшим чинам Государева двора служить не в сотнях, а в ротах. «Для лучшего устроения и крепкого против неприятелей стояния быть у них ротмистрам и поручикам... изо всех родов и чинов с головы беспременно, и между собой без мест и без подбора». Хотя дворяне должны были служить по-прежнему со своими рекрутами (с 25 дворов по человеку; обычно это были профессиональные военные холопы), они объединялись в роты (по 60 человек) и полки (по 6 рот) во главе со старшим ротмистром.

Дело было не в том, чтобы сделать из аристократической молодежи реальную военную силу (после Конотопской катастрофы при Алексее Михайловиче, когда в одном сражении полегли юноши почти из всех знатных родов, никто не решился бы рисковать цветом московского дворянства), а

чтобы ликвидировать последний пережиток старой военной системы, мешавшей развитию не только новой армии, но и всего государственного аппарата. Никто в принципе не был против этого, но дворяне опасались лично проиграть.

Бояре доложили решение выборных царю, тот одобрил совет и предложил им всем вместе составить примерный список поручиков и ротмистров. Выборные озабочились, чтобы им был предоставлен полный список младших чинов двора, чтоб «написать на пример с головы к ротам ротмистров и поручиков». По поводу готовых списков очень беспокоились, били челом государю и боярам, что-де Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Шеинных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских «и иных родов в те чины никого ныне не написано из-за того, что за малолетством в чины они не приказаны, и опасно им (остальному дворянству) того, чтобы впредь от тех вышеписанных и от иных родов, которые ныне в ротмистрах и в поручиках не написаны, не было им родам их в том укоризны и попрека».

В связи с тем, что представители самых захудалых московских родов не желали попасть в командные чины, в которых не служат аристократы, выборные просили: во-первых, чтобы государь указал впредь записывать в ротмистры и поручики юношей всех родов Двора, ныне в списках не оказавшихся, «как они в службу поспеют и в чины приказаны будут»; во-вторых, указал бы великий государь представителям московского дворянства во всех службах быть «между собой без мест, где кому великий государь укажет, и никому ни с кем впредь разрядом и местами не считаться, и разрядные случаи и места отставить и искоренить».

Получив это противоречивое челобитье выборных, Федор Алексеевич выразил желание «в благочестивом своем царстве сугубого добра, лучшего и пристойного в ратях устроения и мирного всему христианскому множеству пре-

бывания и жительства». Для реализации сего достойного стремления он собрал 12 января 1682 г. патриарха с духовенством и наличный состав Думы, объявил им челобитье выборных и поддержал его весьма красноречивой речью. Федор Алексеевич изысканно выражался в том смысле, что местничество есть покушение на христианские ценности, оно разрушает любовь, плодит злобу и вражду и вообще «всех» в победоносное христианство дьяволом, видевшим неизменное одоление нашего «славного ратоборства», «а неприятелям христианским озлобление и искоренение».

Бог вкладывал желание искоренить местничество в государева деда Михаила Федоровича и отца Алексея Михайловича, многократно объявлявших службу «без мест». В этих случаях россияне неизменно имели успехи в войнах, дипломатии и внутреннем управлении, но, поскольку «совершенно то не успокоено по причине бывших тогда многих ратных дел», из-за местнических споров случались тяжелые поражения. Сам Федор Алексеевич сообщил, что он «последя предков наших государских благому намерению, всегда... попечение о том имел, как бы то... пагубное дело совершенно искоренить».

Действительно, все дворцовые мероприятия его правления, начиная с венчания на царство, военные назначения и даже объявления о крестных ходах, сопровождались указанием на их проведение «без мест», а то и угрозами желающим поместничать¹. Участников крестных ходов он даже указал не записывать в разрядных книгах, чтобы «чинам от того между собойссор и нелюбия не было». Нынешнее мероприятие было направлено против самой психологии местничества, сидевшей крепко и проявлявшейся в самых непредвиденных случаях.

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 247, 738, 775; СГГиД. Т. 4. № 115 (цит. с. 372).

Патриарх Иоаким, безусловно, был заранее подготовлен к такому повороту событий, поскольку произнес стройную речь от имени духовенства (а говорил всегда по бумажке; речи ведущему «мудроборцу» обычно писал знаменитый поэт и просветитель Карион Истомин). За задуманное государем «умножение любви» патриарх не находил «достойной похвалы»: духовенство могло лишь «едиными устами и единым сердцем» молить Бога о приведении столь благого намерения к исполнению. Затем государь обратился к боярам, у которых тоже был подготовлен красивый литературный ответ (придворные литераторы явно входили в моду) ¹.

При общем согласии Федор Алексеевич приказал боярину князю М.Ю. Долгорукову с думным дьяком В.Г. Семеновым принести все имеющиеся разрядные местнические книги и предложил духовенству тут же их уничтожить, объявив, что отныне все будут служить без мест, старыми службами считаться не должны под страхом наказания, «а которых родов ныне за малолетством в ротмистрах и в поручиках не написано — и из тех родов впредь писать так же в ротмистры и в поручики». Духовенство торжественно сожгло разрядные книги в сенях Передней палаты, патриарх произнес увещевание нарушителям нового постановления с угрозой «тяжкого церковного запрещения и государева гнева». «Бояре же и окольничие и думные люди все единогласно отвечали: Да будет так!» В свою очередь Федор Алексеевич изволил Думу «милостиво похвалить» и перешел от декоративной части к существенному: объявил о кодификации всех дворянских родов в родословных книгах по степеням знатности.

¹ Подробнее см.: Памятники общественно-политической мысли (текст и коммент.); *Богданов А.П. Известия Кариона Истомина о книжном чтании // ПКНО за 1986. – Л., 1987. С. 105–111; его же. Литература и общество накануне Петровских преобразований // Русская речь. 1988. № 2. С. 96–102.*

Согласно царской речи, древняя родословная книга должна была быть пополнена именами всех не вошедших в нее родственников записанных там фамилий. Не попавшие в старое родословие княжеские и иные честные роды, служившие до сей поры в боярах, окольничих и думных людях, вместе со «старыми родами», не достигшими этих чинов, но бывшими «в посольствах, и в полках, и в городах в воеводах, и в иных знатных посылках, и у его великаго государя в близости», велено было «с явными свидетельствами написать в особую книгу». В третью книгу вносились выдвинувшиеся при Романовых роды, служившие в полковых воеводах, посланниках «и иных честных чинах» и занесенные в «десятни» (списки дворян по городам) по первой статье. В четвертую книгу — городовые дворянские роды средней и меньшей статей десятиен. В пятую — попавшие в московские чины из нижних (недворянских) чинов за службы отцов и свои личные; по чину они получались выше, а по знатности — ниже городового дворянства. Таким образом Федор Алексеевич надеялся преодолеть междворянскую «нелюбовь» и созданием Палаты родословных дел внес действительно крупный вклад в сплочение дворянского сословия.

В то же время, хотя «соборное деяние» об отмене местничества было торжественно подписано «самодержавною государевою рукою», архиереями и придворными, а решение объявлено энергичным указом от 12 января 1682 г.¹, современники, заносившие в свои записки самые любопытные

¹ ДАИ. Т. 9. № 88. 19 января в Передней палате состоялось торжественное подписание царем, патриархом и придворными «по листам» «родословной книги» и указа об отмене местничества, для переплетения и вечного хранения вместе: Соловьев С.М. История России. Кн. VII. Приложение IV. С. 312.

случаи, не сочли интересным это шумное мероприятие. Не только городские, но и дворянские летописцы проигнорировали отмену местничества, вспомнив о сем случае только в XVIII в. Даже в официальной эпитафии Федору Алексеевичу на стене Архангельского собора это мероприятие упомянуто где-то после строительства богоаделен, но до обновления зданий Кремля и Китай-города. Последнее, как и отмена местничества, было в первой трети XVIII в. воспринято преувеличенно. В.Н. Татищев, например, уделив тому и другому одинаковое внимание, отнесся к массовому каменному строительству при Федоре даже с большим почтением, чем к отмене местничества, которое, по его мнению, реально искоренил только Петр I.

«В Москве, — писал дедушка русской ученой историографии о царе Федоре, — хотелось ему прилежно каменное строение умножить. И для того приказал объявить, чтобы припасы брали из казны, а деньги за них платили в десять лет, по которому (указу) многие брали и строились. При нем над кирпичными мастерами был для особых надзоров Каменный приказ учрежден и положена была мера и образцы, как (кирпич) выжигать. Не меньше надзирали и за мятым глины, но дабы кто от своей работы не отперся — велено на десятом кирпиче каждому мастеру или обжигальщику свой знак класть. Камень белый также положен был только трех размеров, мельче которых продавать и возить было запрещено, только если бы кто специально по потребности мельче привезти заказал. Для чего учрежден был особый Каменный приказ, и для производства того камня дано было довольно большое число денег, на которые бы, изготавливая довольно припасов, по вышеписанному для строительства в долг раздавать. Но как в прочем, так и сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по заступничеству

их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И так то (строительство) вскоре разорилось»¹.

Историк XVIII в. допускает в рассказе две существенные ошибки. Размах каменного строительства в столице при царе Федоре поразил его настолько, что заставил приписать этому государю создание давно существовавшего приказа Каменных дел, который лишь расширил свои полномочия на все капитальное строительство (так же, как Посольский приказ — на все посольские дела, Разбойный — на все разбойные, ср. № 805, 894). Он не разорился, а прекрасно существовал и далее², а потери казны на массовой каменной застройке Москвы окупались: Федор Алексеевич видел доход от этого дела не в рублях, а в появлении защищенных от пожаров новых улиц и красивых зданий столицы (№ 892).

Примерно такое же отношение к действительности имели век от века все более многочисленные и многословные рассуждения об отмене местничества³. Историки, анализировавшие борьбу различных группировок вокруг реформы, не заметили подчеркнутых во всех соборных речах уверений в стремлении к «общему добру», «общему государственному доброму», к «государственных дел устроению для общей высоких и меньших чинов всего своего царства пользы». Но почему же современники не заметили самого мероприятия, из-за коего потомки пролили столько чернил? Соборный акт отменял устаревший обычай, затруднявший службу одним, угрожавший благополучию других и мешавший осуществлению государственной власти силами дворянства. Поэтому

¹ Татищев В.Н. История Российской. С. 175–176.

² Сперанский А.Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. – М., 1930.

³ Обзоры историографии см.: Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. – М., 1973; Буганов В.И. «Враждотворное местничество» // ВИ. 1974. № 11.

о местничестве, хотя его рецидивы еще случались¹, никто и не вздохнул, зато многие дворяне и даже не дворяне обратили внимание на иное мероприятие Федора Алексеевича: учреждение Палаты родословных дел, энергично занимавшейся кодификацией дворянского родословия при царевне Софье и В.В. Голицыне (она и историкам дала огромные запасы источников)².

Между 5 и 15 февраля 1682 г. в новом «разряде без мест» было записано царское повеление приступить к созданию шести родословных книг: «1) родословным людям; 2) выезжим; 3) московским знатным родам; 4) дворянским; 5) гостиным и дьячим; 6) всяким низким чинам». «Гербальной» было поручено ведать боярину князю В.Д. Долгорукову (тогда как работать над расширением Уложения должен был стольник князь И.А. Большой-Голицын, а далее следовала комиссия стольника князя А.И. Хованского с его «двойниками»)³. В кровавых волнах Московского восстания 1682 г. и годах последующей грызни за власть «в верхах» потонули многие благие начинания Федора Алексеевича, но Палата родословных дел, как необходимейшее всему дворянскому сословию начинание, не сгинула. Гораздо дольше пришлось дворянству ждать Табели о рангах: это значительно более конфликтное мероприятие не могло пройти без волевого нажима государя, способного снять частные противоречия лиц и групп. Но за Федором Алексеевичем историки не признавали такого качества, как самостоятельная и тем

¹ См.: Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. – М., 1994. С. 208–210, местнические «случаи» № 1698–1717 (с 1683 по 1694 г.).

² Подробно: Богданов А.П. От летописания к исследованию. С. 317–337; *его же*. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. – Магнитогорск. Вып. 2. 2003. С. 28–53.

³ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. Приложение IV. С. 314.

паче плодотворная воля, поэтому изучение незавершенной чиновной реформы превратилось в фарс.

Резкое суждение В.О. Ключевского о «боярской попытке» 1681 г. разделить страну на «вечно» отписанные аристократам наместничества, в духе Речи Посполитой¹, было основано на недоразумении: на одну доску с опубликованным М.А. Оболенским проектом «степеней» военных, гражданских и придворных чинов историк поставил маленькую публицистическую заметку из составленного в 1700 г. церковно-полемического сборника «Икона»².

Было совершенно очевидно, что русское правительство, старательно поддерживавшее шляхетскую республику и еще в 1675 г. договорившееся с Империей о сохранении в Речи Посполитой «аристократической децентрализации государства» (как надежной гарантии против усиления Польши), никогда не пошло бы на заведение у себя «феодализма польского пошиба». Но Ключевского не останавливали такие соображения, и заметку из «Иконы» он принял, во-первых, за исходный и основной вариант проекта чиновной реформы, а во-вторых, поверил сообщению той же заметки, что именно патриарх Иоаким остановил грядущее разделение Российского государства на уделы, а значит — предотвратил «несказанные беды, войны, и нестроения, и погубление людем».

Довольно скоро В.К. Никольский выяснил, что проект реформы светских чинов планировался в сочетании с

¹ Его доселе послушно повторяют петербургские историки, см., напр.: Седов П.В. О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2. С. 25–29; его же. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. – СПб., 2008. С. 457.

² Заметка опубликована: Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение III. С. XXXIV–XXXV.

епархиальной реформой не «великородными» боярами, а сторонниками преобразований из близкого окружения царя Федора (В.В. Голицын, И.М. Языков, Лихачевы) и вкупе с ней был отклонен усилиями патриарха. В благодарность за тщательно проделанную предшественником работу М.Я. Волков заявил, что оценки Никольского «не всегда обоснованы, а иногда противоречивы». С помощью многочисленных передержек и домыслов Волкову удалось сделать вывод, что «при составлении проекта авторы субъективно руководствовались двумя целями. Они хотели подчеркнуть "христианскую не-преоборимую силу" Российского царства и царской власти, уподобив царя Богу. Если Иисус Христос имел 12 апостолов, то царю полагалось иметь 12 наместников...».

В «Иконе», если даже признать ее ценным источником, упомянуты задуманные наместничества в Новгороде, Казани, Астрахани, Сибири и иных неназванных городах. Цифра 12 взята М.Я. Волковым «с потолка» и использована благодаря незнанию реалий царствования Федора Алексеевича. Например, 8 июня 1680 г. государь очень рассердился, узнав, что придворные в челобитных уподобляют его Богу. Он объявил особый указ не писать, «чтоб он, великий государь, пожаловал, умилосердился, как Бог; и то слово в челобитных писать непристойно... а если кто впредь дерзнет так писать — и тем за то от него... быть в великой опале!» В том же указе царь сердито заметил, что являться к нему из домов, где есть заразные болезни — «бесстрашная дерзость... и неостерегательство его государева здоровья». Лучше бы, заметил государь, поздравляли с праздником и здоровья желали, а не Богу уподобляли!¹

Но выдуманная цифра 12 неумолимо ввлекла М.Я. Волкова, и он продолжал: «Вторая, более прозаическая их (со-

¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 826 (цит. с. 869); СГГиД. Т. 4. № 120.

ставителей.— Авт.) цель состояла в том, чтобы удалить из Москвы на постоянную службу еще 12 бояр»: их оставалось бы мало, причем «большая часть оставшихся в столице бояр... состояла бы... из сановников, не заинтересованных в функционировании Боярской думы». Предполагаемое удушение Думы было бы «прогрессивным», из 12 наместничеств могло бы выйти что-то вроде «губерний начала XVIII в.», но сопротивление «боярской знати, патриарха и церковных властей» не позволило сбыться сим мечтам. «Сопротивление» описано М.Я. Волковым по тексту «Созерцания» Сильвестра Медведева, где обсуждаются общие причины «смут» и «мятежей» в государствах (а реформы Федора Алексеевича, которым сопротивлялся Иоаким, одобряются), но такая подмена ничего уже не добавляет к общему стилю «исследования».

Нет смысла повторять, что Федор Алексеевич настойчиво и последовательно расширял Боярскую думу, придавая ей статус постоянно действующего высшего государственного учреждения: не замечать очевидного советские историки привыкли. Гораздо интереснее разобраться в представлении Федора Алексеевича о месте царской власти и ее отношении к Церкви, тем более что эти вопросы были взаимосвязаны с самого венчания государя на царство до церковной реформы, в ходе которой он скончался.

Глава 6

ПРАВОСЛАВНЫЙ САМОДЕРЖЕЦ

Изучая взгляды россиян, историки долго опирались на неофициальную, неизвестно кем читавшуюся публицистику, упуская из виду главные, в высшей степени общепринятые народом понятия, выраженные в основополагающих государственных документах. Венчания государей на царство были наиболее торжественными официальными церемониями в России XVI—XVII вв., отражавшими наивысший уровень публичных взаимоотношений самодержца и православного люда. Тесное взаимодействие царства и священства выражалось и в действиях, и в торжественных речах главных действующих лиц. Сравнительное изучение тщательно разработанных и идеально сопоставимых сценариев, чинов царского венчания заставляет обратить особое внимание на действие, подготовленное и проведенное в Кремле в 1676 г. при деятельном участии Федора Алексеевича¹.

¹ Подробнее о проблеме см.: Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII в. – М., 2001. См. также публикации чинов венчания: Идея Рима в Москве XV–XVI веков. Источники по истории русской общественной мысли. Москва, 1989. Ч. II. № 17 (чин Дмитрия Ивановича, 1498 г.), № 17 (чин Ивана Грозного, после 1547 г.; ср.: ДАИ. Т. 1. – СПб., 1846. № 39), № 20 (чин Федора Ивановича, 1584 г.); ДАИ. Т. 1. № 144. С. 239–249 (чин Бориса Годунова); СГГиД. – М., 1819. Т. 2. № 138 (чин Марины Мнишек, 1606); ААЭ. – СПб., 1836. Т. 2. № 47. С. 104–106 (чин Василия Шуйского, 1606); СГГиД. – М., 1822. Т. 3. № 16. С. 70–87 (чин Михаила Федоровича, 1613), № 45. С. 187–201 (чин патриаршего

Еще в прошлом веке Е.В. Барсов, выборочно сопоставив русские чины с византийскими, особо выделил чин коронации 1676 г. Барсов подчеркивал, что «наибольшую полноту греческого чиноположения представляет венчание царя Федора Алексеевича. После речи, в которой государь изъявлял желание короноваться, патриарх спрашивал его: Како веруешь и исповедуешь Отца, Сына и Святаго Духа? И государь торжественно читал Никео-Цареградский символ веры. Кроме указанных знаков царского достоинства (венец, бармы, скипетр, крест, златая цепь.— *Авт.*), по примеру греческих царей, на него возложена была царская одежда. Миропомазание началось по приобщении патриарха, всех епископов, но до приобщения дьяконов. Кроме того, всем прежним царям по их миропомазании Святые дары были преподаваемы не внутри алтаря, а перед Царскими вратами, где совершалось самое помазание, теперь же царь, по примеру греческих царей, введен во святилище, прямо Царскими вратами, где он приобщался тела и крови Христовой, подобно священникам»¹.

поставления Филарета, 1619); ДРВ. – М., 1788. Ч. VII. С. 234–303 (чин Алексея Михайловича, 1645; здесь же опубл. чины Федора Алексеевича, с. 304–372, Ивана и Петра, с. 403–484); ПСЗ–I. Т. 2. № 648. С. 42–68 (чин Федора Алексеевича, 1676), № 391. С. 412–439 (чин Ивана и Петра Алексеевичей, 1682). Об этом ценнейшем комплексе источников см.: Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. – М., 1995. С. 211–224.

¹ Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. I–XXXV, 1–160. Цит. с. XXVIII–XXIX. См. там же публ. текстов греческих чинов (II–IV), чины Дмитрия внука (V), великих князей (VI), Ивана Грозного (VII–VIII), «перечней» о венчании Алексея Михайловича с «отменами» при венчании Федора Алексеевича (X), Ивана и Петра (IX).

ОСНОВЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Изменения в главном государственном акте при царе Федоре имели тем более важное значение, что по замыслу устроителей церемонии она издревле имела в высшей степени публичный характер. Это подчеркивалось уже в пространной редакции чина венчания Ивана Грозного, которая легла в основу традиции царских чинов. В отличие от камерного характера церемонии венчания Дмитрия Внука (1498 г.) в чине Ивана дважды подчеркивалось присутствие при действе бесчисленного множества христиан. Для их «устройения» в чине Федора Ивановича было введено «многое множество» чиновников; в чине Марины Мнишек добавлено шесть полковников и 20 сотников со стрелецким войском.

При венчании Михаила Федоровича еще «многое множество» дворян и народа отмечено внутри храма и подчеркнута радость свидетелей события. При первом Романове была также введена торжественная служба по всем храмам и монастырям государства накануне венчания. По чину Алексея Михайловича благовест во все столичные колокола начинался не перед венчанием, а с самого рассвета; всем чинам двора была предписана золотая одежда; на Ивановской площади появились иноземцы — служащие царю и представители других стран «без числа»; неисчислимое множество православных было, согласно чину, «мужского пола и женского». Все эти признаки публичности были аккумулированы в чине Федора Алексеевича, который вдобавок за два дня до торжества весьма энергично отдавал личные распоряжения по деталям его проведения.

Международная публичность венчания, фиксированная в чинах XVII в. начиная с Алексея Михайловича, была подчеркнута тем, что руководили церемонией посольские

думные дьяки — чиностроители (Г.В. Львов при Алексее, Г.К. Богданов при Федоре и Е.И. Украинцев при Иване и Петре). Дипломаты разрабатывали чин и, стоя «против государя» «на чертожном месте», по ходу церемонии «царскому поставлению и венчанию чин строили». А вот среди главных исполнителей действа инициатива менялась.

Первоначально она принадлежала великому князю-отцу. Иван III благословил внука на великое княжение, а митрополит только подтвердил благословение, вторя Ивану. В редакциях чинов Ивана Грозного инициатива постепенно переходит к самому царю. Иван предлагает митрополиту венчать его на царство, ссылаясь на волю отца. Церемония начинается по изволению Ивана Грозного. Так же происходило венчание тишайшего богомольца Федора Ивановича. В чине Бориса Годунова не сохранилось начала, но и здесь именно царь заявляет, что его благословила и повелела быть царем царица Ирина. Поэтому Борис предлагает патриарху благословить его «по Божьей воле и по вашему избранию». Несмотря на выборы, Михаил Федорович также сам «изволил венчаться» и «велел» митрополиту начать церемонию. С большим основанием так же вел себя Алексей Михайлович, заявив, что его отец уже «благословил царством» и приказал патриарху сына на царство благословить.

Картина резко изменилась начиная с венчания Федора Алексеевича. К нему, а позже к Ивану и Петру, от имени всех людей обратился патриарх Иоаким, предложив царю венчаться и помазаться на радость подданным и для славы государства. В ответ Федор бегло упомянул, что его благословил и приказал венчаться отец. Но Иван и Петр заметили лишь, что старший брат «оставил» царство, на котором они сделались царями, в частности, по просьбе патриарха. Именно патриарх Иоаким демонстративно распоряжался на коронации Федора Алексеевича (и его младших бра-

тьев), приказывая сделать каждый шаг как духовным, так и светским лицам. Столь крупное изменение взаимодействия светского и духовного владык заманчиво без всякого исследования закономерностей эволюции чинов венчания отнести к конкретной политической ситуации: сильный и властолюбивый патриарх при юных и неспособных к правлению царских отпрысках... Однако речь идет о более важном шаге, сделанном при Федоре Алексеевиче в соответствии с развитием представлений о правовых основаниях самодержавной власти и ее функциях.

В чине Дмитрия Внука господствовало родовое начало. «Божиим изволением, — говорил великий князь, — от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы, великие князья, сыновьям своим старшим давали княжество великое». Очень важным было указание и на законность власти отца государя, благословляемого на великое княжение. Наследие Византийской империи как первоисточник великокняжеской власти указывалось лишь в одной редакции чина, однако именно эта мысль получила развитие впоследствии. В пространной редакции чина Ивана Грозного введение в церемонию — дополнительно к бармам и шапке Мономаха — креста, скипетра и цепи, а также миропомазания, прямо связано с представлением о наследии Константинополя — Второго Рима. Эти инсигнии здраво символизировали имперское наследие, но ни царь, ни митрополит об этом не объявляют. Только в описательной части чина пояснено значение креста, «что прислал тот греческий царь Константин Мономах на поставление великим князьям русским с бармами и с царским венцом».

Непосредственно в диалог царя и патриарха наследие Второго Рима вошло при венчании Михаила Федоровича. Удрученный целой серией избраний — Бориса Годунова, Василия Шуйского и себя самого, — юный государь ссылался

на то, что царь Федор Иванович приходится ему «дядей». Михаил подчеркивал, что венчается «по прежнему нашему царскому чину и достоянию», идущему от Рюрика и Владимира Мономаха, «который превысочайшую честь и царский венец и диадему от греческого царя Константина Мономаха воспринял, почему и Мономахом наречен, от него же великие Российские государи царствия венцом венчались... даже до... царя Феодора Ивановича... на сем престоле недвижимы были».

По обыкновению, идущему с венчания Федора Ивановича, митрополит в своей речи на венчании первого Романова усилил обоснование прав коронуемого на власть. Подтвердив сказанное Михаилом, он подробно разобрал неприятные казусы с избранными царями — Василием Шуйским и Владиславом Сигизмундовичем, а также изложил печальную историю плenения отца Михаила Федоровича, Федора Никитича Романова (Филарета). Очевидный разрыв династии заставил митрополита подчеркнуть преемственность «царского чина и достояния» через Мономахов венец. «Царствия венец на главу восприми, — воскликнул митрополит Ефрем, обращаясь к Михаилу Федоровичу, — его же взыскал от древних лет великий государь Владимир Мономах, чтоб нам от вас, великого государя, от вашего царского прекрасноцветущего корня пресветлая и прекрасная ветвь процвела, в надежду и в наследие всем великим государствам Российского царства!»

Разрыв в династии решительно ликвидировал Филарет Никитич в своей речи при поставлении на патриаршество (22 июня 1619 г.)¹. Он заявил сыну, что тот сидит «на престоле прародителей твоих: прадеда вашего... царя... Иоанна Васильевича... и деда вашего... царя... Феодора Иоанновича...

¹ СГГИД. Т. 3. № 45. С. 187–201.

и прочих прежде бывших царей Российских». Эта версия прямого родства вошла во все последующие царские чины вместе с высказанной Филаретом надеждой, «яко да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распространит Бог от моря и от рек до конца вселенной, и расточенное во благочестивое твое царство возвратит и соберет воедино, и на первообразное и радостное возведет, чтобы быть над вселенной государю царю и самодержцу христианскому, и воссиять, как солнцу среди звезд».

Включение в царские чины Молитвы Филарета о «собирании» земель в едином вселенском государстве (она восходит к особой молитве Бориса Годунова) было взаимосвязано с резким усилением поиска корней царства — ведь границы подлежащего возвращению «расточенного» зависели от размеров наследства. Алексей Михайлович (чин венчания которого переполнен отсылками на наследие Мономаха) впервые назвал царями Рюрика и Владимира Святого, а патриарх Иосиф разъяснил, что в наследство царей входит не только Второй, но и Первый Рим: «Происходит великих государей царей российских корень и самодержавствовали в Великой России от превысочайшего первого великого князя Рюрика, который от Августа кесаря, обладающего всей вселенной».

Второй составляющей корня российских государей было крещение Руси Владимиром Святым, третьей — венчание Владимира Мономаха венцом константинопольского императора. Непосредственно в связи с этим Алексей и патриарх Иосиф в два голоса характеризовали достижения Михаила Романова, который: 1) сохранил крепкое благочестие и веру; 2) устроил всем православным покой, тишину и благоденствие, благодаря чему страна при нем процвела свыше «всех великих государств»; 3) прославил свое имя среди всех

великих христианских и мусульманских государей, так что друзья и недруги пожелали с ним мира, а многие народы вошли ему в подданство.

Дважды повторяемая в чинах венчания Алексея и его детей Молитва Филарета сделалась еще воинственней — слава и распространение царства во вселенной связано в ней с победой над врагами и покорением народов, хотящих войны. В чине Федора Алексеевича в этом контексте восхваляется его отец Алексей — хранитель веры, защитник церкви, хозяин государства и крепкий победитель врагов, имя которого было страшно и славно во всем мире. Так же потом в чине Ивана и Петра славился царь Федор.

Именно такими должны были быть самодержцы, претендующие на обладание вселенной, наследники Первого и Второго Рима. Но этого оказалось недостаточно! Третий Рим — Москва — считался нерушимым потому, что это было земное царство Христа. В поучении царям со времен Ивана Грозного неизменно утверждалось, что самодержец избран Богом замещать его земной престол. Царь своей душой отвечает перед Богом за спасение душ подданных. В свою очередь патриарх всегда уподобляется пророку Самуилу, через которого Бог избирает Давида «в цари над людьми» (некоторые отклонения в чине Федора Ивановича не прижились в последующих чинах).

Но Российское царство, даже возведенное к потомку императора Августа Рюрику и наследуемое по своему собственному чину, имело недостаточно священный, сакральный характер, что явственно обнаружилось после нововведений в чине Алексея Михайловича. При огромном значении церемонии венчания это не могло не быть учтено самым тщательным образом. Литература о мировых монархиях была ко времени венчания Федора Алексеевича проработана в

Посольском приказе и соотнесена с российскими реалиями¹. Родовое начало царской власти не отвергалось, но уступило первое место ее божественному происхождению.

Необходимые элементы сакрализации, как справедливо заметил Е.В. Барсов, были найдены при обращении к чинам венчания византийских императоров. Кроме того, патриарху, роль которого подчеркивалась и его громогласными распоряжениями, и похвалами ему со стороны Федора Алексеевича, было вменено в обязанность в пристойных случаях речах (сочиненных в Посольском приказе) явственно и четко подчеркнуть божественную основу власти российских государей.

Наконец, изменилась сама формула царского венчания: Федор Алексеевич короновался прежде всего «по преданию святой восточной Церкви» и лишь затем — «по обычаяу древних царей и великих князей российских». Во избежание недопонимания новая формула повторялась в чине Федора Алексеевича трижды (а в чине Ивана и Петра — пять раз). Не только слова — сама церемония зримо объясняла и оттеняла смысл формулы, что самодержец венчается «по преданию святая восточныя Церкви». Это было продемонстрировано максимально наглядно. Люди не могли не заметить, что на царском венчании распоряжается исключительно патриарх. В ходе церемонии, выслушав обычную речь царя о желании короноваться, Иоаким по византийскому образцу вопросил: «Како веруеши и исповедуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» В ответ Федор Алексеевич, в отличие от всех своих русских предшественников, торжественно произнес Никео-Цареградский символ веры. Затем, помимо шапки Мономаха, бармы, скипетра и державы, на царя, согласно

¹ Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 179–244.

чину императоров, была возложена царская одежда. Далее, причастие и миропомазание Федор принял по приобщении патриарха и епископов, но до приобщения дьяконов. Наконец, церемония сия проходила не на специальном месте перед царскими вратами, а в самом алтаре — царь уподоблялся священнослужителю!

Российское самодержавное царство стало на самом высоком официальном уровне Российским православным самодержавным царством. Идеологическое обоснование власти московских государей было приведено в соответствие с имперским статусом новой России, отстаивавшемся ее правительством на международной арене.

ЦАРСТВО И СВЯЩЕНСТВО

Личные отношения Федора Алексеевича с патриархом Иоакимом чем-то напоминают роли, сыгранные ими на церемонии царского венчания. Патриарху демонстрировалось максимальное почтение, и в вопросах, относящихся к его компетенции, государь шел на уступки, которые, может быть, были для него болезненны. Так, почти сразу по вступлении на престол молодой царь выдал на расправу патриарху духовника своего отца Андрея Савинова (которого Алексей Михайлович упорно не выдавал). Вскоре Федору Алексеевичу пришлось распорядиться об ужесточении содержания в ссылке бывшего патриарха Никона, которого он лично глубоко уважал, но так требовали патриарх Иоаким и весь освященный собор Русской православной церкви, боявшиеся властолюбивого старца даже в заточении¹.

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 192–196; ААЭ. Т. IV. № 213, 217. Об отношениях царя Федора с Никоном и Иоакимом см.: Богданов А.П. Русские патриархи. – М., 1999. Т. 2.

Именно светские власти, по настоянию духовных, преследовали по всей стране раскольников, завершив превращение этого прежде элитарного явления в массовое движение. От центральной власти исходили распоряжения о конфискации в церквях и монастырях древних пергаменных церковнослужебных книг, о заведении дел против раскольников¹. Федор Алексеевич не мешал Иоакиму издать патриарший указ, запрещающий чиновникам государя требовать от священнослужителей нарушения тайны исповеди, но Иоаким должен был своим указом запретить всему духовенству изготавливать вино и обязать духовных лиц покупать его в казенных учреждениях. Характерна формула последнего распоряжения: «патриарх... слушав великого государя указа... указал» (№ 862).

В таком остром вопросе, как церковные имущества, Федор Алексеевич, не без некоторых колебаний, придерживался буквы закона (впрочем, достаточно сурового к Церкви). Хотя по традиции он утверждал жалованные грамоты, данные до Уложения 1649 г.², в том числе некоторые тарханные (закрепляющие иммунитет церковных владений)³, государь подтвердил вместе с боярами и указ от 1 марта 1672 г. об отмене тарханных грамот (№ 699, 9 августа 1677 г.). 9 сентября 1677 г. боярским приговором был подкреплен запрет большинству монастырей приобретать земли в Диком поле, несмотря на нужду в его освоении (№ 705).

Федор Алексеевич специально дважды запрещал сибирским архиереям и монастырям покупать, брать на оброк, принимать по вкладам или в залог деревни, земли и угодья⁴.

¹ Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. – М., 1986; ДАИ. Т. 7. № 63; т. 8. № 50; и др.

² ПСЗ–I. Т. 2. № 698, 703, 716, 807–811.

³ ПСЗ–I. Т. 2. № 681, 698, 769.

⁴ АИ. Т. 5. № 32; ПСЗ–I. Т. 2. № 731. Ср. также общий указ об отмене тарханов в грамоте на Вятку: АИ. Т. 5. № 18.

Зашита интересов казны простиралась в данном случае до мелочей. Например, 30 августа 1678 г., и так рассердившись на невыполнение сибирским духовенством запрета на приобретение земель (ср. № 731), государь велел не давать духовным лицам ямских подвод на Сибирской дороге — а то-де их чиновникам не хватает¹.

В делах, относящихся к его ведению, государь бывал непреклонен и в большом, и в малом. Так, при экстренных денежных сборах все церковные имущества неизменно облагались без изъятия в большем размере, чем государственные, дворцовые и частновладельческие. Патриарх Иоаким был известен симпатией к Нарышкиным и царевичу их крови Петру. Федор Алексеевич тоже любил своих братьев, имена которых уже довольно давно писались в грамотах вместе с царским именем. Однако после воцарения он запретил даже тосты за царевичей у стола самодержца и издал специальный указ о не писании их имен в грамотах и челобитных². Такое воспоминание родового начала не соответствовало бы его представлению о самодержавии.

Вопреки грекофилии Иоакима Федор Алексеевич разнообразными способами проявлял свое неблаговоление к грекам. И наоборот — вопреки яростному сопротивлению патриарха простер свою поддержку просвещению до открытия бесцензурной Верхней типографии, училища Медведева и утверждения «Привилегии» Академии. Впрочем, не благоволя к современному греческому духовенству, являющемуся на Русь за милостыней, Федор Алексеевич не забывал о византийской традиции, к которой обращался еще в чине своего венчания. В росписи новых государственных

¹ АИ. Т. 5. № 25.

² Койэт Б. Исторический рассказ. С. 508. Прим. 9; СГГид. Т. 4. № 109; ПСЗ-І. Т. 2. № 709.

чинов (против которой выступил Иоаким) первый боярин как глава Расправной золотой палаты был уподоблен византийскому «доместику фем», дворовый воевода — «севастократору» и т.п.

Византийская традиция, при разделении функций светской и духовной власти, подразумевала безусловное первенство самодержца, защитника, гаранта и расширителя благочестия. Эти свои функции Федор Алексеевич принимал безусловно. На тяжелых переговорах о мире с Речью Посполитой, когда поляки грозили войной, а под Чигирином шли решающие сражения, он отказался даже говорить, если не будет снята статья о допущении в России католического богослужения. Федор Алексеевич соглашался обсуждать судьбу Киева, Смоленска и других земель, но о вере «царь сказал, чтоб и помину не было!»¹

В деле просвещения святым крещением российских подданных все цари были более или менее изобретательны, однако Федор Алексеевич отличился особо. 21 мая 1680 г. государь именным указом излил милости на Романовских мурз и татар, познавших истинную веру греческого закона: 1) похвалил; 2) «велел их писать княжым именем»; 3) пожаловал в стольники (как детей аристократов!); 4) дал поместные и денежные оклады; 5) простил провинности, вплоть до дезертирства; 6) освободил от военной службы на три года (№ 823).

Результат превзошел все ожидания. 15 февраля 1681 г. ядринский воевода доносил, что татары, мордва «и иных вер иноверцы многие» столь дружно познают истинную веру, что не хватает казны на традиционное денежное пожалование новокрещеным. Федор Алексеевич повелел в сем случае давать служилым людям льготу в службах,

¹ Таннер Б. Описание путешествия. С. 72.

а ясачным — в податях на шесть лет. Эту меру пришлось применять и специальному порученцу, крестившему в 1681—1682 гг. селенгинских, баргузинских, иркутских, нерчинских, илимских и братских иноверцев¹.

Начало массовой христианизации господствующего слоя объединенных под крылами двуглавого орла народов побудило государя принять особые меры к упорствующим в иноверии. 16 мая 1681 г. царь указал и бояре приговорили запретить басурманам владеть христианскими душами. «Ведомо ему великому государю учнилось, — гласил указ, — (что) мурзы и татары в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере, и чинят осквернение». Крестьянам христианам повелевалось отныне не повиноваться иноверным хозяевам, а подати платить на государя.

Указ убивал двух зайцев сразу. Например, служилых мурз и татар, закоренелых в басурманстве, обещано было испомещать на мордовских землях. Но мордве объявлялось, что, крестившись, они освободятся от такой опасности и будут иметь налоговые льготы на шесть лет. Наконец, крестившимся мурзам и татарам всякого пола и возраста помимо поместий обещалось определенное денежное жалованье (№ 867). 24 мая того же года Федор Алексеевич усугубил искушение, повелев поместья и вотчины некрещеных отдавать их крещеным родственникам, причем некрещеных держать на постоянных дворах в Угличе, а кормить за счет крещеных. Тем, кто, не выдержав семейного нажима, «захотят сами в святую православную христианскую веру», велено было возвращать все владения (№ 870).

Эта своеобразная миссионерская деятельность оказалась столь эффективной, что к некрещенному меньшинству

¹ ДАИ. Т. 8. № 89. I, III.

могло было принять действительно жесткие меры. Зимой 1682 г. упорствующим в иноверии курмышским помещикам-татарам велено было объявить, что не успевшие принять крещение до 25 февраля никогда не получат назад своих поместий, отданных принявшим православие. Неизвестно, остался ли кто из феодалов-инородцев в басурманстве¹, но российское дворянство пополнилось изряднейшим количеством родов восточного происхождения.

ЦЕРКОВЬ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Еще В.Н. Татищев справедливо заметил, что недостаток священников, особенно владеющих местными языками, и другие обстоятельства делали массовое крещение само по себе мало полезным. Но наряду с описанными мерами Федор Алексеевич осуществлял обширную церковную реформу, призванную закрепить и углубить первоначальные успехи. Солью ее было более чем четырехкратное увеличение числа архиерейских кафедр и придание новой системе епархий иерархического строения в духе готовившейся одновременно реформы государственных чинов. Огромная Российская держава, протянувшаяся от Балтийского моря до Тихого океана и от моря Белого до Каспийского, имела почти такую же церковную иерархию, как старое Московское царство. Страна настоятельно требовала нового церковного управления, соответствующего ее новым масштабам. Архиереи отказывались верить, а царь настаивал, что сохранение и умножение православия прямо зависят от обновления высшей духовной власти.

¹ ДАИ. Т. 8. № 89. II; Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. – Казань, 1893. Т. XI. Вып.3. С. 283; и др.

В самом деле, так называемые никонианские реформы проводились сверху, силами высшего духовенства (об руку со светскими властями), тогда как священники, особенно сельские, в значительном числе не понимали и не принимали их, возмущая паству против властей или присоединяясь к протесту прихожан. В Поморье страшный разгром царскими стрельцами Соловецкого монастыря не угасил дух сопротивления. Дон, Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь, да и более близкая юго-западная граница были неведомо чьими: раскольничими, никонианскими или (по незнанию) не присоединившимися ни к кому. Староверы гнездились даже в столице, разве что не выходя на демонстрации; впрочем, на Богоявление 1681 г. некий старовер Герасим Шапочкин влез на Ивановскую колокольню в Кремле и разбросал оттуда «воровские письма на смущение народа»¹.

И на все необъятное пространство страны приходилось, вместе с патриархом, 17 архиереев (9 митрополитов, 6 архиепископов и только 1 епископ). Федор Алексеевич, вслед за Симеоном Полоцким (готовившим решение Большого церковного собора 1666—1667 гг. против Никона и староверов), был убежден, что истинный корень раскола — в невежестве народа, а также в буйстве низшего духовенства. Следовательно, необходимо было кардинально усилить духовное просвещение и укрепить духовный меч. Вместо непонятно как расположенных, различных по площади и населенности епархий, подведомственных, несмотря на отдаленность, непосредственно Московскому архипастырю, Федор и его единомышленники разработали стройный проект подчинения патриарху 12 митрополитов и, в значительной степени через последних, 70 архиепископов и епископов.

¹ Иловайский Д.И. История России. С. 501–503; и др.

Указ 1681 г. о епархиальной реформе (№ 898) был разработан самым тщательным образом, при использовании карты новейшего подворного описания и административного деления страны, значения городских центров (в соответствии со списком наместнических чинов), с учетом политико-этнографических соображений и данных о движениях староверов. Обязательно предусматривалось не только подчинение каждой епархии, но и источники ее содержания. Например: «На Костроме. А во удовольствование дать ему (епископу) Воздвиженский монастырь, а за ним 114 дворов; Шеренский монастырь, а за ним 52 двора; Ширтольский монастырь, а за ним 37 дворов; всего 229 дворов».

Указ гласил, что Федор Алексеевич по совету с патриархом «изволил для украшения святой Церкви и для спасения и просвещения христиан быть и именоваться архиереям по степени, и каждому архиерею иметь в своей епархии епископов, подвластных ему, а святейшему патриарху, отцу отцам, иметь многих епископов, как главе и пастырю». Конкретно патриарху подчинялось 10 епископов: в Костроме, Галиче, Звенигороде (без епархии, для управления делами), Севске, Туле, Белеве, Темникове, Белоозере, Арзамасе и Ливнах. Митрополиту Великоновгородскому были подведомственны епископы в Великих Луках, Городце, Колмогорах, Олонце, Ваге. Митрополиту Казанскому: в Симбирске и Уфе. Митрополиту Сибирскому: в Томске, Енисейске, на Лене (содержание за счет государя). Митрополиту Ростовскому: в Угличе, Устюге Великом. Митрополиту Псковскому: в Торопце. Митрополиту Смоленскому: в Брянске, Вязьме. Митрополиту Тверскому: в Кашине. Митрополиту Вятскому: в Соли-Камской и Кунгуре. Митрополиту Нижегородскому: на Алатыре. Митрополиту Рязанскому: в Тамбове, на Воронеже и в Муроме. Митрополиту Белгородскому: в Курске.

В этот список вошли остатки первоначально предложен-
ной царем генеральной росписи епархий (отличавшейся
еще и тем, что вместо одной из отмеченных митрополий
сохранялась старая Астраханская с епископами на Тере-
ке и в Самаре). Легко заметить, что многие митрополии
получились в указе усечеными. Еще бы: в документе от-
мечено, что из первоначального плана были вычеркнуты
епископии во Владимире, Переяславле-Залесском, Путивле,
Туле, Белеве, Кашире, Калуге, Серпухове, Можайске, Лухе,
Юрьеве-Польском, Каргополе, Кевроле и Мезени, Кольском
остроге, Чаронде, Свияжске, Чебоксарах, Уржуме, Терске,
Самаре, Верхотурье, Тюмени, Даурах, Ярославле, Тотьме,
Пошехонье, Соли-Вычегодской, Гдове, Дорогобуже, Вязьме,
Старице, Яренске, Кайгородке, Балахне, Шацке и Ряжске.

Затем список подвергся еще одному усечению «и про-
тив прежней росписи, — констатирует указ, — отставлено
епископов 53 человека», но «в то число прибыло 6 чело-
век епископов» старых и новых епархий. Общим числом
в росписи осталось 7 архиепископов и 20 епископов при
12 митрополитах. И это было бы большим шагом в развитии
православных епархий, да только проект Федора Алексе-
вича встретил столь упорное сопротивление патриарха и
архиереев, что от него не осталось почти ничего.

Царь не учел, что высшие интересы Церкви и государ-
ства — это одно, а оказаться вместо одного из 17 архиереев
одним из многих десятков (с минимальным шансом повы-
ситься в сане, ибо митрополитов уже было 9), разделить
управление (и доходы) огромных епархий даже с подчинен-
ными епископами — это совсем, совсем другое. Главой сопро-
тивления был патриарх, долго рассматривавший проект без
комментариев: ведь подчинение епископов митрополитам
(если мыслить в старинных феодальных категориях) ума-
ляло его власть. Только 15 октября, в ответ на письменное

требование государя, Иоаким обещал, «моля всех владык», попробовать утвердить проект на соборе¹.

Церковное собрание работало в ноябре 1681 г. Государев указ, так и не вступивший в силу, несмотря на переделки, датирован 24 ноября. Соборное постановление по предложению государя, составленное от имени Иоакима, — ноябрем². Федор Алексеевич именуется в нем, по праву государя, «истинным благочинного делания попечителем», но сколь отличается этот документ даже от усеченных предложений царя! Ключевая проблема была потоплена среди комплекса вопросов, «которые требуют исправления: вначале к ограждению святой Церкви, а потом христианам на распространение, во-первых, о прибавлении вновь архиереев по городам, и что множатся церковные противники, и о иных нуждах, которые требуют исправления».

Вместо постановления об общей епархиальной реформе Иоакимом со товарищи было сказано, что «архиерейское вновь прибавление потребно и нужно для того, что Сибирская страна пространна и в ней множество народа», в ней полно нехристей и раскольников. В качестве возможных епархий бегло названы еще Путивль, Севск, Галич и Кострома, страдающие от распространения раскола без архиерейского надзора. Между тем роспись предлагаемого епархиального деления была представлена архиереям: в первом пункте постановления сказано о желании царя иметь под митрополитами епископов, «а святейшему патриарху, отцов отцу, иметь многих епископов, как главе и пастырю; а в которых градах быть епископам, и от чего им иметь довольноство, и то предложено именно». Но что «именно» — не сказано. Зато царю четко дан отрицательный ответ: иерархии среди епархиальных архиереев быть не должно «для того,

¹ Никольский В.К. «Боярская попытка». С. 69–70.

² АИ. Т. 5. № 75. С. 108–118.

чтобы в архиерейском чине не было какого церковного разногласия, и между собой распри, и высости».

Новые епархии устраивать допускалось, но в прямом подчинении патриарху и весьма ограниченном числе. После долгих уговоров участники этого собрания высшего духовенства (в нем не участвовали даже архимандриты крупнейших монастырей) согласились «учинить» архиепископии в Севске, Холмогорах, Енисейске и Устюге, епископии в Галиче, Арзамасе, Уфе, Тамбове, Воронеже, Болхове, Курске, а Вятскую епископию сделать архиепископией. Это вынужденное согласие означало лишь, что архиереи слишком осторожны, чтобы наотрез отказать даже столь негневливому государю; но засим они умыли руки, отнюдь не собираясь выполнять принятое решение.

ВЛАДЫКИ ПРОСЯТ КАРАУЛ

Сорвав епархиальную реформу, архиереи лишили смысла второй важнейший вопрос царя: о «неразумных людех», отколовшихся от церкви. Соборное постановление игнорирует содержание царского предложения, о смысле которого, впрочем, нетрудно догадаться. Вместо просвещения и разумного попечения о пастве архиереи считают необходимым, чтобы Федор Алексеевич указал ужесточить борьбу с расколом всей силой светской власти. Духовные владыки требуют «отсылать к градскому (светскому) суду» и казнить староверов, вменить преследование раскольников в обязанность всем воеводам, приказным людям, помещикам и вотчинникам, указать местной администрации «по посылкам архиерейским» направлять против раскольников воинские команды.

В архиерейском постановлении пересказан запрос Федора Алексеевича относительно богатых монастырей, в

которых, вопреки воле вкладчиков, нет богаделен и больниц. Несмотря на искажения, вполне прочитывается царское недоумение: не от того ли «монашеское крепкое житие упразднилось?» В ответ владыки предлагают свирепые меры наведения порядка, вплоть до построения специального монастыря-тюрьмы для «бесчинников» (!), просят выделить дворян-приказчиков для управления вотчинами женских монастырей и устраивают новые гонения на вдовых попов, живущих у добрых людей...

В просьбе царя озаботиться поставлением священников в православные районы за шведской и польской границами архиереи не отказали — при условии, что делегаты от соответствующих общин доберутся до них с удостоверяющими их потребность документами. Не отказали и снять из Чиновника, по которому приносят присягу служилые люди, самые «страшные и непрощаемые клятвы, которые к тем делам и неприличны», при условии, «чтобы великий государь указал отставить церковные казни... и вечной смертью их не убивать», а «изволил тем людям наложить свой государев указ, прещение и страх по градским законам».

В шестом и седьмом предложениях Федор Алексеевич заботился о сохранности и наилучшем использовании святых реликвий Успенского собора и своей дворцовой Благовещенской церкви. Архиереи ответили индифферентно: «то должно чиниться по воле великого государя». Восьмое предложение — заделать двери в монастыри из мирских домов — прошло вполне. Известная уже нам идея устроения богаделен и госпиталей «от его государевой казны» также прошла без обсуждения, хотя государь желал привлечь к этому делу все монастыри. Архиереи потратили на этот вопрос едва ли больше времени, чем на 10-й: о запрещении нищим побираться в церкви во время службы. Интересно, что именно государь заботился, чтобы церковнослужители

не застраивали для личных нужд земли, отведенные под кладбища (предложение 11-е). Архиереи отослали его в Земский приказ. Зато они согласились, что в праздники нельзя пускать прихожан в храмы с едой и питьем, что следует ограничить строительство пустыней (но здесь опять просят царского указа).

Вообще, даже в изложении архиерейского постановления, тон Федора Алексеевича и духовных владык сильно различается. Государь считает, что «простолюдины, не ведая истинного писания», принимают за истину содержание множества всяких тетрадок, столбцов и прочей неформальной литературы, свободно ходящей по Москве и продающейся на Спасском мосту,— и думает, что таких следует «остерегать», а тексты «свидетельствовать с Печатного двора». Архиереи предлагают отрядить светского и духовного чиновника с «караулом стрельцов», дабы таких людей «иметь» в Патриарший приказ, где им «чинить смирение, смотря по вине, и брать пени по рассмотрению».

В 15-м предложении архиереи согласны бесплатно заменять все книги старой печати, продаваемые в Москве, на новые (на казенном Печатном дворе). Наконец, в 16-м предложении царь беспокоится о множестве «палаток и деревянных амбарцев», самочинно превращенных в Москве в часовни и собирающих по праздникам множество народа. Архиереи отвечают классически: «Чтобы в (тех) часовнях святым иконам быть, которые близко (от) караулов».

Я уже не раз писал, что во второй половине XVII в. верхи Русской православной церкви, к великому ее несчастью и вопреки воле многих верующих, упорно стремились спрятаться за «караул» и вполне закономерно превратились в начале следующего столетия в духовный департамент военно-полицейской империи. Как ни печально, даже столь

истово благочестивый монарх, как Федор Алексеевич, пришелся им не ко двору. Именно патриарх Иоаким возглавил оппозицию ему, провалил и извратил реформу гражданских и церковных чинов. Опасаясь, что царевич Иван Алексеевич может способствовать продолжению курса единокровного и близкого с ним по образованию брата, архипастырь стал видным членом заговора, приведшего «в тот же час» после смерти Федора на неостывший престол Петра. Воистину, высшие иерархи сами напрашивались на дубину своего ставленника и избранника!

ХИЧИНА ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ

Автор эпитафии царю Федору в Архангельском соборе не преувеличивает, что смерть великого государя в разгар реформ была трагедией для России. Мы видели, сколь много полезного для страны царь задумал и энергично реализовал в области просвещения и налогообложения, военного, гражданского и церковного строительства. Древняя мудрость гласит: не суди о человеке только по тому, как он жил,— сперва узнай, как он умер. Дела, которыми был занят государь в месяцы, недели и дни перед смертью, лучше всяких рассуждений позволяют нам понять глубину убеждений и силу характера самодержца-реформатора.

Даже смертельно больной, Федор Алексеевич не сдавался. У него были и другие советники, кроме постоянно являвшихся ко двору, но не стремившихся основывать новые епархии архиереев. Государь, например, часто приглашал к себе знаменитого строителя Флорищевой пустыни Илариона (останавливавшегося в Москве в доме своего родича, художника Симона Ушакова). Этого подвижника царь поставил во главе архиепископии Сузdalской и Юрьевской,

преобразованной по его плану в митрополию¹. Известный независимостью взглядов архиепископ Суздальский и Юрьевский Маркелл был поставлен в «новоучиненную митрополию» Псковскую и Изборскую. Архиепископ Симеон на своей Смоленской кафедре стал первым митрополитом: «поставление же его было не так, каков есть обычай, но только надели саккос и прочее, достоинства же ему не припевали»².

Последняя, «без мест» разрядная книга царствования Федора, оставшаяся в черновике, сообщает, что 5 февраля 1682 г. архимандрит Сергий из далекого Новоторжского монастыря стал архиепископом Тверским и Кашинским (кафедра пустовала). Сразу по поставлении по царскому указу боярин князь Ю.С. Урусов со свитой проводили нового владыку к Федору Алексеевичу³.

На следующий день государь изволил вновь духовенству «возвестить о делах, которые требуют исправления, вначале к ограждению святой Церкви, а потом христианам на распространение, противникам же церковным на искоренение». Царь писал, что начало его делу положено: патриарх с освященным собором «соизволили» поставить митрополитов и архиепископов по степеням «так, как в том его царском взвещении написано»⁴.

Согласия на план Федора Алексеевича, кроме мизерных уступок, в письменном виде не сохранилось. Показательна, однако, история с Никоном, держать которого в заточении,

¹ См.: Жизнь Илариона, митрополита Суздальского и основателя Флорищевой пустыни. – М., 1859; Георгиевский. Флорищева пустынь. – Вязники, 1896; и др.

² Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание». С. 36. Ср. с. 34–37.

³ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. Приложение IV. С. 313–314.

⁴ СГГИД. Т. 4. № 131. С. 410–411.

как преступника, было не слишком умно, усиленно навязывая народу «никонианство». Несмотря на то, что «многие соборы у архиереев были, чтобы его, Никона, оттуда из (Ферапонтова. — Авт.) монастыря не брать», государь настоял на своем и разрешил Никону вернуться в Новоиерусалимский монастырь. Никон скончался по дороге и по указанию патриарха должен был быть погребен как простой монах. Трудно поверить, что Федор Алексеевич лично участвовал в похоронах (хотя об этом пишет современник), но царь решительно требовал, чтобы Никона поминали как патриарха. Архиереи отказались наотрез, тем более что Никона осуждал Большой собор с присутствием восточных патриархов. Тогда государь обратился к последним: Никон был реабилитирован грамотами патриархов Иакова Константинопольского, Парфения Александрийского, Неофита Антиохийского и Досифея Иерусалимского. Мнения русских иерархов больше не требовалось, при этом задолго до получения грамот государь приказал погребать и поминать Никона как патриарха¹.

Итак, царь известил Иоакима, что раз епархии утверждены, следует «на умножение хвалы Божией именоваться им архиереями по тем городам, которые в его царской державе имениты», то есть в соответствии с первыми чинами наместников. (Вот была еще одна причина для Иоакима выступить против проекта реформы гражданских и военных чинов!) «Того не исполнено» — строго напоминал государь. Далее, поскольку архиереи активно выступали против того, чтобы посыпать епископов «на Лену, в Дауры», ибо, по их мнению, «в тех дальних городах ныне быть неудобно», царь потребовал, чтобы был особо решен вопрос о предоставле-

¹ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание». С. 33–34; ПСЗ–I. Т. 2. № 918.

нии архипастырей «Сибирской стране»: «для исправления и спасения людей, пребывающих в тех городах».

Федора Алексеевича особенно интересовали епископы для Даурского, Нерчинского и Албазинского острогов: им грозила беда. Еще 27 января он двинул Казанский полк (армию) в Симбирск под командой боярина П.В. Большого-Шереметева. 29 января «сказано по указу великого государя строить города в Дауры, и в Селегинский, и в Болбожинский, и Сибирским полком на китайцев думному дворянину Кириллу Осиповичу Хлопову, а с ним велено быть всем Сибирской земли городов всяким служивым людям конным и пехоте». Царь не собирался позорно отдавать Амур, как сделали его преемники; он желал иметь там твердое государственное и церковное присутствие, невозможное, когда «в тех дальних местах христианская вера не расширяется». Кстати, он вспомнил и о других землях, остающихся в церковном забросе. «Прибавить архиереев» требовалось в Путинске, Севске, Галиче, Костроме «и в иных многих местах», доселе как будто отденных в распоряжение староверов.

Любопытно, что Федор Алексеевич общался с патриархом письменно, тогда как лично встречался с Иоакимом и членами освященного собора 19 января (на пиру после приема крымских послов), при наречении своей невесты 12 февраля, на «действе Страшного суда» 19 февраля, на приеме 21-го, «у стола» 23-го и на именинах царевны Евдокии 26 февраля. Как бы то ни было, царь упорно добивался назначения одного архиерея за другим. 12 марта первым архиепископом Вятским и Великопермским стал Иона, а Великоустюжским и Тотемским -- Геласий (монах из-под Новгорода). За поставлением по указу государя следили боярин князь Ю.С. Урусов, думный дворянин И.П. Кондырев (известный воин) и посольский думный дьяк Е.И. Украинцев. 19 марта первым архиепископом Холмогорским и Важским

стал Афанасий (знаменитый книжник). При поставлении присутствовал боярин князь И.Б. Троекуров с товарищами. 24 марта игумен Галичского Городецкого монастыря Леонтий стал первым епископом Тамбовским — под наблюдением Ю.С. Урусова с компанией царских представителей. 2 апреля первого епископа получил Воронеж — это был сам святой Митрофан. Пока он еще сподобился святости, за исполнением царского указа проследила группа И.Б. Троекурова.

Сам царь почти не мог вставать. Но он еще возвел в боярский чин будущего замечательного полководца А.С. Шеина и «пожаловал в комнату» кончившего жизнь на плахе во время Московского восстания того же 1682 г. боярина князя И.А. Хованского. 15 апреля Федор Алексеевич, как и обещал архиереям, переложил в уже изготовленный новый ковчег Ризу Господню (подарок иранского шаха). 16-го числа он в последний раз вышел из комнаты: к заутрене в Успенский собор на праздник Светлого воскресения. Двор сопровождал его в новых золотых кафтанах европейского образца.

23 апреля в палатах патриарха пировали: были даже князья В.В. Голицын и В.Д. Долгоруков. А на окраинах Москвы, собираясь «в круги» по казацкому обычаю, подхваченному в походах, кричали о невозможности терпеть «тяжелоносия» от своих полковников лучшие пехотные полки русской регулярной армии. В тот же день, сомневаясь, что можно сыскать в этом государстве правду, они договорились всем вместе бить челом на одного — самого закоренелого в злодействе — полковника Семена Грибоедова.

Люди так и не узнали, но разрядная книга беспристрастно записала, что Федор Алексеевич все же получил стрелецкую челобитную 24 апреля и указал: «Семена сослать в Тотьму, и вотчины отнять, и из полковников отставить». Это было последнее распоряжение умирающего царя. Следующая запись

гласит, что «апреля в 27 день, грехов ради всего Московского государства» (так!) Федор Алексеевич умер¹.

Полковник был посажен в тюрьму и... через сутки выпущен. «Во всех полках тайно начали мыслить» о подготовке общего восстания. Известие о смерти Федора и воцарении «того ж часа» Петра означало, что многие из тех, кто в эти дни беспечно плетет интриги во дворце, вскоре полетят «с Верху» на копья и будут «в мелочь» изрублены, патриарх едва избежит смерти во время бунта староверов и чудом спасется благодаря царевне Софье. Но это уже другая история.

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. Приложение IV. С. 312, 317–319.

Глава 7

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Современники знали, что кончина Федора Алексеевича была неразрывно связана с дворцовым переворотом, приведшим на престол юного Петра. 10-летнего мальчика посадили на трон, разумеется, не для того, чтобы он самостоятельно правил (этого и не произошло). Но кто конкретно и почему это сделал? Письменные источники об этом молчат или отвечают крайне уклончиво. Однако мы можем разобраться в деталях преступления в Кремле 27 апреля 1682 г., восстановив события по всему комплексу косвенных улик.

Эти слившиеся воедино (с разрывом, по разным данным, от 15 до 45 минут) события: подозрительная смерть мудрого и неправедное воцарение отрока,— буквально взорвали уже изобиженную царедворцами во время болезни Федора и забурлившую Москву. Судорожные попытки победителей в придворной борьбе удержать захваченную власть лишь приближали третью неизбежное событие: 15 мая 1682 г., после тщательной подготовки, все стрелецкие и солдатские полки московского гарнизона с развернутыми знаменами и барабанным боем вошли в Кремль, ведя за собой несметные толпы москвичей. «Изменники-бояре и думные люди», которые, в противность воле государя, угнетали народ и извели доброго царя, полетели из дворцовых окон на копья.

Свидетельства и документы, раскрывающие суть трех взаимосвязанных событий, составляют многие тома и по содержанию часто несопоставимы друг с другом. Изложить дело, завершившее царствование Федора Алексеевича, кратко и внятно мы можем, воспользовавшись приемом исторической реконструкции, восстановив живые картины и ход мыслей героев по всем имеющимся материалам. Эта работа значительно более трудоемка и выглядит не вполне убедительно, поскольку логика всех мыслительных операций скрыта от читателя и даже коллеги, погрузившиеся в источники той эпохи не столь глубоко, затруднились бы пройти тем же путем (тем более что многие источники впервые найдены в архивах).

Зато результат реконструкции, за честность которой автор отвечает своим добрым именем, предельно краток и нагляден. К тому же желающие всегда могут обратиться к указанным в Примечаниях исследованиям и публикациям источников, попытавшись подтвердить или опровергнуть свое впечатление от прочитанного в этой книге.

ТРАПЕЗА У ПАТРИАРХА

23 апреля 1682 года в Крестовой палате у патриарха Московского пировали. Неподалеку, в Теремном дворце, тихо умирал от цинги царь Федор Алексеевич. За столом, не забивая себе голову призором над ближними и дальними епархиями великого Российского государства, были все до единого, старые и новопоставленные митрополиты, архиепископы и епископы. Не слишком богатые — поелику патриарх Иоаким не терпел в подчиненных роскоши — мантии архиереев служили хорошим фоном для золотых, серебряных и цветных усыпанных драгоценностями кафтанов избранных государственных деятелей.

Влиятельнейший политический советник государя, мастер международной интриги боярин князь Василий Васильевич Голицын¹, памятуя о нелюбви патриарха к коротко стриженым волосам и бороде, держался скромно и тихо беседовал с владыками на чистом русском наречии, старательно избегая модных латинских, немецких и французских выражений. Не считая того, что на украшавшие его кафтан драгоценные камни можно было купить кавалерийский полк, старания опытного дипломата выглядеть заурядным боярином были почти успешны; одно выдавало его с головой — князь не пил водки!

Предосудительное поведение коллеги по Думе не слишком огорчало добродушного князя Владимира Дмитриевича Долгорукова. Он понимал опасность распространения столь тлетворного обычая, поелику возглавлял в свое время Кабацкий приказ — золотое дно Государевой казны. Причуда Голицына даже забавляла князя, как и склонность того блистать богатством напоказ. Сам Долгоруков держал состояние в конных заводах — и эта страсть к лошадям делала его лучшим другом царя Федора Алексеевича. Единомышленники уже добились многого: породистые кони не только разводились по всей стране — они вошли в моду, стали при дворе едва ли не главным предметом праздных разговоров, заносчивой гордости и скрытой зависти.

Третий приглашенный патриархом царедворец, окольничий Петр Тимофеевич Кондырев, получил свой чин и весьма почетную должность судьи Царицыной Мастерской палаты во многом за счет брата Ивана, величайшего специалиста по коневодству и выездке, коего взыскательный государь недаром сделал ясельничим — главою Конюшеннего при-

¹ О его характере и деятельности см. также: *Богданов А.П. Первые российские дипломаты. (Исторические портреты.)* – М., 1991. С. 33–60.

каза. Пользуясь симпатией царя Федора, Петр Тимофеевич на пиру выглядел скорее как сопровождающий Долгорукова. Четвертый гость, думный дьяк Посольского приказа Емельян Игнатьевич Украинцев, как бы для равновесия держался ближе к Голицыну, который и без определенной должности был душою наиболее тайных и смелых дипломатических планов царствования.

С молитвой гости благочестиво выпивали и закусывали, наслаждаясь свежим весенним воздухом из раскрытых окон и не ощущая разносимого им беспокойства. На окраинах Москвы, в опоясывавших столицу стрелецких слободах и чуть более дальних солдатских казармах на Бутырках, служилые по зову сполошных колоколов собирались «в круги» по казачьему обычаю. Лучшие полки русской регулярной армии в один голос кричали о невозможности далее терпеть «тяжелоносия» от своих полковников и покрывающих их безобразия приказных.

Вся их надежда была на государя. Недавно служилые одного полка уже пытались добиться правды — подали во дворец челобитную с описанием явных и крайних вин своего командира: даже из государева жалования тот больше половины выдирал! Но придворные, стакнувшись с полковниками, велели схватить челобитчиков и учинить им жестокое наказание. Лучших людей московского стрелецкого полка как государственных преступников били кнутом без всякой милости и отправили в ссылку.

Правители хотели устрашить служилых, чтобы те всегда полковникам были от страха в покорении. Пользуясь болезнью царя, его приближенные быстро забыли политику Федора Алексеевича, более стараясь народ удержать в повиновении страхом, нежели праведной любовью. Во дворце и всем государстве без постоянного присмотра государя действительно многое пошло наперекосяк. Даже войска,

посланные отучить китайцев соваться к нашим рубежам, топтались на месте. А долго сдерживаемое воровство и мздоимство, моментально процветя, едва не всю Россию лишило правосудия! На фоне усердной заботы царя Федора об общем благе, правом суде и всенародной пользе — ей, нестерпимы были алчные покушения злодеев на достоинство, имущество и самую жизнь подданных...

Князь Голицын, поднимая за здоровье патриарха Иоакима кубок мозельского, размышлял о том, что реформы великого государя зашли слишком далеко и будут, несомненно, остановлены. Лучшая часть знати явно готова выступить за младшего царевича Петра и, посадив на трон мальчишку, устроить большой дележ власти. Умного и когда надо решительного царя Федора было жаль. В каком-то смысле это был идеальный монарх, философ на троне. Но эта страница почти закрыта. Готовясь броситься в новое море интриг, в котором гостеприимный хозяин-патриарх станет важным ориентиром, князь испытывал приподнятое чувство.

Не блиставшему, подобно Голицыну, тонкостью ума боярину Долгорукову было грустно и тревожно. Умирающий царь был его другом, да и почти взрослый царевич Иван вызывал симпатию. Но воцарение Петра уже решено на семейном совете влиятельнейшего рода Долгоруковых, контролирующих военные ведомства. Об этом же сговорились между собою многие первые фамилии государства. Сегодня, вот, патриарх со всеми архиереями явственно дает понять, что крестоцелование юному Петру, вместо совершеннолетнего Ивана, пройдет гладко, что духовенство все как надо устроит, вроде это и не переворот, а законное завещание Федора Алексеевича.

Обнаружив, что размышляет о царствовании Федора в прошедшем времени, Долгоруков призадумался. До сей поры государь, часто хворая, все же не выпускал из рук браз-

ды правления. Помнится, сильнейшая болезнь свалила царя среди дипломатических забот и военных приготовлений в январе 1678 г. Федор Алексеевич так простудился на Крещенском водоосвятии, что врачи отчаялись, Дума, забросив дела, размышляла о престолонаследии. Однако государь пересилил болезнь и 10 мая ослепил великих и полномочных послов Речи Посполитой роскошью и величием. Демонстрируя обеспокоенной стране свое выздоровление, царь тогда всенародно отпраздновал именины, а 7 августа лично произнес перед послами речь по случаю ратификации мирного договора в хоромах, где пол был расписан небесными созвездиями с зодиаком и течением планет, а стены увешаны французскими шпалерами с изящными изображениями римских сражений. И ныне Федор Алексеевич надеялся на выздоровление, но оказался прикованным к постели и обложенным близкими людьми в хоромах настолько, что не мог контролировать исполнение даже важнейших распоряжений.

С гневом думал боярин Владимир Дмитриевич о все-силии палатных представителей, постепенно окруживших больного царя плотным, непроницаемым кольцом. Конечно, то были не настоящие временщики, захватившие правление, а лишь влиятельные и доверенные близкие люди государя, выдвинувшиеся по дворцовому ведомству — отличившись расторопной помощью царю в управлении его личным хозяйством. Кто из них первый, кто последний — сказать сложно.

На вид главнейшим был боярин и оружничий Иван Максимович Языков. Долгоруков знал, что сей «глубокий прежде площадных, потом и дворцовых обхождений проникатель», служивший еще с 1671 г. в Судном дворцовом приказе, при восшествии Федора Алексеевича на престол пожалован был в постельничие (затем в думные постель-

ничие). Новый думный чин возглавил Царскую мастерскую палату вместе со стряпчим Михаилом Тимофеевичем Лихачевым, родным братом государева постельничего Алексея Тимофеевича Лихачева.

В августе 1680 г., получив чин окольничего, Языков стал руководить Оружейной, Золотой и Серебряной палатами, оставив Царскую мастерскую палату братьям Лихачевым. С февраля 1681 г. еще один Языков – Павел Петрович – возглавил дворцовый Казенный приказ, в начале 1682 г. перешедший в ведение М.Т. Лихачева. А еще один Лихачев – Иван Афанасьевич – заступил судьей в Большой Дворец. Рачительный хозяин Федор Алексеевич, очень любивший «художества» и лично следивший за работой своих мастеров, особенно сблизился с распорядительными администраторами, на лету ловившими его мысли и щедрыми на разные усовершенствования. В начале 1682 г. Языков был уже боярином, Лихачевы же, хоть и не имели думных чинов, реально оказались ближайшими друзьями и комнатными советниками государя.

Со стороны выглядело так, что именно Языковы с Лихачевыми сокрушили власть Милославских (родичей царя Федора по матери) и Хитрова (господствовавших в дворцовом ведомстве). И как было не сомневаться в силе временщиков, когда именно с их помощью государь, без всякого смотра невест и вопреки яростному противодействию своего дяди И.М. Милославского, женился в 1680 г. на полюбившейся ему девице Агафье Федоровне Грушецкой!? Бедная царица, родив летом 1681 г. царевича Илью, вместе с младенцем померла. Как было не увериться, что именно Языковы и Лихачевы «положили жестокую бразду» кланам Милославских и Хитрова, едва ли не изгнав их из дворца, когда 15 февраля 1682 г. Федор Алексеевич чуть ли не тайком, без обычного чина и при запертом Кремле, женился вторично – на Марфе

Матвеевне Апраксиной, дочери дворянина незнатного, зато свойственника И.М. Языкова?!

На деле все было сложнее, чем рассказывает легенда. Даже простодушный Долгоруков подозревал, что Языковы, Лихачевы и Апраксины были лишь «сильным орудием» более могущественных лиц светского и духовного звания. Голицын же был совершенно уверен, что дворцовое ведомство перешло к временщикам после кончины их покровителя Б.М. Хитрова в 1680 г., поелику родичи главы дворцового хозяйства нимало не способны были заменить сего талантливого администратора. Также и громкаяссора царя с Милославским по поводу свадьбы с Грушецкой, спровождавшаяся непечатными выражениями боярина и спусканием его с лестницы, не привела непосредственно к падению родного государева дяди.

Крах Милославского произошел лишь через полгода, причем приказы, находившиеся в его ведении, достались Долгоруковым! Те, конечно, вынуждены были затем поделиться с другими знатнейшими родами. Но симпатию между коалицией вокруг Долгоруковых и патриархом Иоакимом, задолго до смертельной болезни Федора собравшим и державшем в Москве всех, включая вновь назначенных в горячие точки, епархиальных архиереев, острозрительный князь Василий Васильевич Голицын проницал насквозь.

Добрейший Василий Дмитриевич Долгоруков, в отличие от более активных сородичей избегавший бремени государственной власти и лишь недолго в 1681 г. руководивший Разбойным приказом, не был зашорен на политических расчетах. Зато он хорошо видел, что творится вокруг Кремля, слышал народные вопли и стенания о «неисправлении правых дел» в приказах, беззащитности людей от связанных круговой порукой больших и малых начальников. До сих пор надежда прорвать сей замкнутый круг и приструнить

народных обидчиков возносилась к единственному неподкупному владыке — государю царю (патриарха Иоакима не числили заступником обездоленных).

«Но когда господь Бог хочет какую страну... казнию наказать — тогда первое отъемлет мудрых правителей и сострадателей человекам благих». «Так же и в наше время,— мыслил Долгоруков,— благоволил Господь Бог крепкого нашего самодержца, и благохотного всем людям человека, и милостивого царя, гневаясь на людей, отнять. Который бы ради своего мудрого рассмотрительства и великого милосердия, если бы болезнь его не постигла, народное бедствие всячески бы смог успокоить. Ибо уже в царствующем граде гнев Божий от налогов начальнических и неправедных судов разгораться начал...»

ОТСТУПЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ: О ПРИЧИНАХ РАЗДРЯДА И ПОГИБЕЛИ ЦАРСТВ

В России многих тогда волновал вопрос о сохранении внутреннего мира: повторения Смуты не хотело подавляющее большинство, а власти к тому же были весьма (едва ли не более всех в Европе) удручены уроком Английской революции. Большинство летописцев и историков размышляло, отчего это одни государства приходят к падению, а другие обращаются великими державами. Не растекаясь мыслию по древу, ознакомимся с общим взглядом на проблему просвещенного историка Сильвестра Медведева, изложенным в его «Созерцании» гражданской смуты в столице в 1682 г.

Отнюдь не желая проводить аналогий, ограничусь простым, по авторскому порядку, перечислением тезисов мыслителя, считавшего, что история есть коллективная память человечества. Как лицо без памяти недееспособно,

так и общество без опыта истории безумно и аморально. Правда, историческое знание опасно и далеко не всегда оптимистично. Однако человеку разумному, созданному Богом для познания мира, интересоваться историей столь же свойственно, как смотреться в зеркало:

От него можешь бело-черно знати
И яко тебе будет умирати.

Итак, прежде всего людей — мужей и жен — охватило отчаяние от «неправд и нестерпимых обид» в «неполучении правых дел», рождался гнев «на временщиков, и великих судей, и на начальных людей, что мздоимством очи себе послепили». Увы, «мзда ослепляет очи и премудрых». Далее, узкий круг царских близких представителей, презрев идею совета со многими, особенно искусными и мудрыми людьми, принял вымысливать «всякие новые дела в государстве, и чины в даянии чести, и суды иночиновные в гражданстве покусился вводить, иноземным обычаям подражая».

Забыв истину, что «во многом совете спасение», новые правители, сами «мелкие люди», запустили ужасный процесс: напрасные смерти видных людей, вызывающие «великую молву и смущения»; ненавистные, в поношение и укоризну гражданские законоположения; «добрых обычав смущение, а мерзких прозябание». В итоге — «великие будут сеймы многонародные и частые» на пагубу вельможам, боярам и начальникам. «Подданные восстанут против правителей своих за то, что сердца их опечалены и тоскою наполнены».

Попытки мудрых вельмож успокоить страну провалятся; «казна истощится». Государство разоряется, когда «начальники больше печалятся о корысти своей и о достоинстве над иными честью, нежели о добром деле всего государства».

За междуусобием в верхах крадется смута, «а за смutoю погибель государству последует: ибо из малой искры огня великий пламень происходит»!¹

Мудрые говорят о пагубности заведения в стране иноземных обычаев: будь то государственное право, организация и управление — или просто одежда, обувь, пища и питье. Ликург, запретивший спартанцам любые заимствования, «то не для того делал, чтобы у иноземцев чести унимати или чтобы их ненавидеть — но чтобы... в обычаях и делах оного государства не была бы перемена». В особенности речь о заимствованиях убыточных: за потерей богатства следует «хотение приступиться до чужого имущества... И за таким делом смущение и мятеж происходит в государстве, а после — разорения царств».

«Удобно слава государства того погибает, где владеют злоба, неправда и хитрость в лукавстве. Того ради всякие властители всяких государств зело должны беречь то крепко, чем бы целость государства своего содержать могли и себе бессмертную славу на веки оставили». В России же сбывается пророчество Исаии от Господа: «поставлю юношей князьями их и ругатели обладают ими»!

В самом деле, задает вопрос историк вместе с гласом народа: «Как можно содерjать в мире многое множество людей, не возьмев в судах правосудства?! Если того не будет — от таких правды устраниющихся дел как в иных прежде государствах велия изменения были, так и здесь конечно некое изменение в государстве произойдет!» Альтернатива правосудию — неправедный страх. Удержит ли он народ в покорности? Забыли, пишет в гневе Медведев, мудрых совет:

¹ См.: Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание». С.68–74; Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено». Гл. 8; Богданов А.П. Летописец и историк. С. 63–144; и др.

«Бойся того, кто тебя боится. Ибо кого боятся — того обще ненавидят, а кого ненавидят» — тому готовят погибель.

* * *

Шум за окнами Крестовой палаты тем временем усиливался. Караул, на который возлагал превеликие надежды патриарх Иоаким — лучшие пехотные полки русской армии, весь регулярный состав московского гарнизона — «не возмогая» более терпеть грабеж, порабощение и лютое мучение от своих полковников, прислал в Кремль единую делегацию с требованием примерно расследовать преступления одного полковника. Сомнительно, чтобы участники пира у патриарха уяснили детали случившейся смуты, тем паче, что и современники передают события 23—24 апреля несходно¹.

Опустив красочные описания деяний героев и жутких преступлений полковника Грибоедова, можно заключить, что избранные всеми полками делегаты рвались со своей челобитной во дворец к государю. Начальство Стрелецкого приказа во главе с суровым старцем Ю.А. Долгоруковым и действовавший от царева имени Языков пытались заковать их в железа и примерно казнить кнутом. Власти не учли, однако, существенной детали: охрану Кремля тоже несли стрельцы, и кроме поддержаных горожанами участников волнений иной реальной военной силы в столице не было.

В результате челобитчики прошли-таки во дворец и говорили с государем, вышедшим «к переграде» (отделявшей на лестнице от Боярской площадки личные покои царской семьи — «Верх» — от общих палат и переходов). По всем версиям Федор Алексеевич немедля велел провести над Гри-

¹ См.: Буганов В.И. Московские восстания. С. 90–95.

боевым строгое расследование. Оно состоялось, несмотря на яростное сопротивление Языкова — коего неслучайно обвиняют резче, чем руководство Стрелецкого приказа. Делегаты стрельцов пережили все угрозы и попытки расправы, доказали страшные преступления Семена Грибоедова и добились, чтобы дело вершил самодержец.

24 апреля 1682 г. в разрядных книгах было записано последнее распоряжение умирающего государя, которое в корне меняло ситуацию: «Семена послать в Тотьму, и вотчины отнять, и ис полковников отставить». Царь четко указал, на чьей стороне правда и столь тяжко преступление неправедного начальника. Народ мог увериться, что право в Российском царстве еще живо. Но ему этого не позволили. Указ не был объявлен. Грибоедова подчеркнуто нагло и скоро выпустили из тюрьмы.

А 27 апреля патриарх Иоаким благословил беззаконие такого размаха, такой степени цинизма, что государство содрогнулось, зашатался трон, покатились с плеч многие начальственные головы, власть и господство стали призрачными, иерархия Русской православной церкви ступила на грань пропасти, руки сильных опустились от ужаса, и только «зазорное лицо», теремной цветок, слабая девица царевна Софья противопоставила разразившейся гражданской буре острый государственный разум и несгибаемую волю¹.

¹ О ней см.: *Hughes, Lindsey. Sophia, Regent of Russia. 1657–1704.* – New Haven and London, 1990; русский перевод: Хьюз, Линдси. София, регент России. 1557–1704. – М., 2000; Богданов А.П. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. – М., 1997. Кн. 1. 198–227; *его же.* Правление царевны Софьи // Труды Государственного исторического музея. – М., 1998. Вып. 9. С. 25–48; *его же.* Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. – М., 1999. С. 305–325; *его же.* Царевна Софья и Петр. Драма Софии. – М., 2008.

ВСЕНАРОДНО И ЕДИНОГЛАСНО

От этой знакомой до боли формулы бывшим гражданам Страны Советов делается не по себе. Одно упоминание, что по общепринятой версии именно так, «всенародно и единогласно», был в обход старшего брата и законного наследника 16-летнего Ивана Алексеевича избран на престол 10-летний царевич Петр Алексеевич (в будущем предпочитавший именоваться Петром Первым, Великим или попросту Отцом Отечества), должно, по здравому рассуждению, сказать нам достаточно о захвате власти в России 27 апреля 1682 г.¹.

Истинный ход событий был прост. Днем 27 апреля 1682 г., между 12-м и 13-м часом после рассвета, в Кремле произошел дворцовый переворот. Трапеза 23-го числа у патриарха, на которую были приглашены самые явные друзья царя Федора, стала зримым признаком объединения вокруг Иоакима подавляющего большинства аристократов и придворных чинов. При первом известии о кончине государя — с указанием времени коей даже официальные источники путаются — духовенство окружило маленького Петра, коему тут же без рассуждений присягнули «бояре, окольничие, и думные, и ближние люди».

Одновременно заранее распределенные лица привели к кресту представителей низших дворцовых чинов и слу-

¹ Детально: Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича. С. 197–206; *его же*. Начало Московского восстания 1682 г. С. 131–146; *его же*. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. С.78–91; *его же*. Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 г. // ИИИ СССР. – М., 1988. С. 101–108; *его же*. Нarrативные источники о Московском восстании 1682 г. Часть 1–2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). – М., 1993–1995. С. 39–62; и др.

жащих центральных приказов, опечатали Большую казну, Казенный двор и мастерские палаты. Особое внимание было обращено на то, чтобы «уговорить» к присяге московский гарнизон, начиная, естественно, с дежурившего в Кремле стрелецкого полка А. Карандеева. С помощью духовенства, крестоцелование гвардейских полков началось успешно, и только некоторое время спустя, в удалении от энергичного патриарха, процесс принятия присяги младшему царевичу вместо старшего начал пробуксовывать.

С объяснением, почему собственно следует целовать крест «меньшему брату мимо большего», первоначально не мудрствовали. Светские чиновники и разосланные Иоакимом по всем концам столицы власти объявляли, что почивший государь самолично «вручил» скипетр своему младшему брату. О сем начали было извещать и «иноzemных потентатов». Однако уже в первых числах мая правители, нагло поправшие права 16-летнего царевича Ивана Алексеевича в условиях острого народного негодования на «неправды и нестерпимые обиды» от властей, оказались в сложной ситуации. Москвичи, которых смена власти коснулась в первую очередь, не отказались присягнуть мальчику царской крови — но не пожелали подчиняться людям, презревшим правду даже в наследовании трона.

«Что же ныне, при сем государе Петре Алексеевиче, который млад и на управление не способен, те бояре и правители станут в этом царстве творить?» — риторически вопрошали себя стрельцы, солдаты, зажиточные горожане, наемные работные люди и холопы. Ответ напрашивался: «Как волки станут нас, бедных овец, по своей воле во свое насыщение и утешение пожирать!» Тут-то патриарх, выступавший важной, если не главной фигурой дворцовового переворота, и проявил политическую волю. Иоаким объявил, что Петр посажен на трон отнюдь не «изменниками-боярами и думными

людьми», — он избран на царство представителями всех сословий, Земским собором, под архиерейским руководством, «всенародно и единогласно».

Считается, что у лжи короткие ножки, тем более что обман патриарха и его сторонников был немедленно опровергнут народным восстанием против узурпаторов. Но в России официальный документ часто сильнее действительности. В «избрание» Петра верили авторы исторических трудов и специальных исследований, расходясь лишь в определении юридической состоятельности избирательного органа. Спорили, был то полноценный Земский собор, проходивший в сложных условиях, или «фиктивный собор, пародия на древнерусское представительное учреждение», «разыгранная сторонниками царевича Петра»¹.

ОТСУПЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ

При столь авторитетном подкреплении правительенной версии — не могу просить читателя поверить автору на слово. Прошу, господа, пройти со мною в Российский государственный архив древних актов на Большой Пироговке и взглянуть на древние державные манускрипты. В фондах Посольского приказа сохранились черновые и беловые «отпуски» (списки) объявительных грамот о кончине Федора и воцарении Петра Алексеевича. Грамоты начали составляться сразу после того, как служащие приказа, вместе с остальными чинами Государева двора и центральных ведомств,

¹ См. труды Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева, М.М. Богословского, И.Д. Беляева, Н.Я. Аристова, Е.Ф. Шмурло, В.Н. Латкина, Л.В. Черепнина, В.И. Буганова и др.

приняли присягу новому государю¹. По традиции, первое уведомление адресовалось польскому королю².

Яна III Собеского, судя по черновому отпуску, собирались уведомить, что царь Федор Алексеевич перед смертью самолично «вручил» скипетр, державу и другие царские инсигнии брату своему Петру, который и взошел 27 числа на прародительский престол. Вскоре в текст было внесено существенное исправление: вместо зачеркнутого «вручил» оказалось — «оставил» (Л. 10). Эта менее определенная форма версии завещания царских инсигний, вместе с другими исправлениями, отразилась в беловике отпуска, который, однако, подвергся новой правке.

Фраза, будто Федор Алексеевич «оставил» инсигнии брату, была вовсе вычеркнута; осталась простая констатация, что Петр «учинился» на прародительском престоле. Понятие «учинился» входило в традиционную формулу воцарения и подразумевало предварительную мотивацию (наследие «предков наших великих государей», а затем еще и богоизбранность по закону Церкви). В данном случае мотивация наследием было отброшена, хотя при наличии старшего брата Ивана она требовалась сугубо. Поскольку слово «учинился» из констатирующей части текста было перенесено в мотивационную, в первой пришлось исправить фразу на «восприяли» (мы, Петр Алексеевич, государство). По мере сокращения светской аргументации, служащие Попольского приказа все более апеллировали к Богу. В первый раз, сняв слово «вручил», они добавили, что Петр сел на

¹ Восстание 1682 г. в Москве. Сб. документов. – М., 1976 (далее – Восстание). С. 9.

² РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Ч. 5. Свиток 1682 г. № 4. Черновик отпуска на л. 8–17, беловик – л. 1–7. Составлявшихся примерно в то же время шведских столбцов в ф. 96 (сношения со Швецией) не сохранилось.

престол «при помощи всемогущего Бога» (Л. 10). Исключительно на Господа приходилось уповать после полного отказа от версии завещания царства (Л. 4).

Впрочем, грамота, датированная в черновом и беловом отпусках апрелем, не была отправлена адресату. В начале мая, когда в Москве вовсю бушевало народное восстание, «верхам» пришла в голову мысль представить воцарение Петра «всеноародным и единогласным избранием» на Земском соборе. Этот мотив, подходящий для внутреннего пользования (особенно в провинции, где не ведали о воцарении Петра «того ж часу» по смерти Федора¹), дисгармонировал с образом наследного и богохранимого Российского самодержавия, который Посольский приказ культивировал в международных отношениях.

Так что от версии избрания, возникшей в связи с внутренними трудностями, в грамотах «иноземным потентатам» воздержались. Послания к «Галанским статам» и лично штатгальтеру Вильгельму Оранскому составили по последнему варианту грамоты к Яну Собескому (Петр «учинился» на престоле), в связи с новыми соображениями добавив тезис о всеноародном признании государя:

¹ О наречении Петра на царство *в один час* по смерти брата сообщают только официальные записи Разряда, Поденные записки патриаршего приказного – очевидца Московского восстания, а также чудовский монах-летописец Исидор Сназин. – По их данным, на все ушло от 30 до 45 минут. Понятно, что правительство не стало афишировать время воцарения Петра, хотя о часе смерти Федора писали как московские, так и провинциальные авторы: Боголеп Адамов, составители патриарших летописцев 1686 г., 1619–1691 гг. и Уваровского (Чудовский монастырь), Сильвестр Медведев (Заиконоспасский монастырь против Никольских ворот Кремля), думный дворянин А.Я. Дашков и московский площадной подьячий И. Шантуров, редакторы Краткого Московского летописца, Летописца выбором (в Спасо-Прилуцком монастыре), Двинского летописца (на Холмогорах), Сокращенного временника (Спасо-Ярославский монастырь), Сибирского летописного свода (Тобольск) и др.

«И наши царского величества подданные, сибирские, и касимовские, и московские царевичи, и ближние наши бояре, и окольничие, и думные люди, и всего нашего Российского царствия всяких чинов люди во святей Церкви пред святым Евангелием обещание учинили, что им нам, великому государю нашему царскому величеству, верно служить и всякого добра хотеть»¹.

Непротокольное сообщение о всеобщей присяге косвенно отражало наличие версии избрания и способствовало если не мотивации законности воцарения Петра, то, по крайней мере, убеждению иностранных адресатов в стабильности его положения (в действительности весьма шаткого). Видимо, оно было в сокращении скопировано посольскими подьячими с «соборного акта» об избрании Петра, сочиненного к этому времени в Разрядном приказе с соизволения патриарха, которому в документе отводится ведущая роль².

Наречение в конце мая по требованию восставших на престол старшего царевича Ивана (при сохранении за Петром статуса царя-соправителя) сняло вопрос о правах на престол — и при переработке нидерландских грамот текст о присяге в обеих был вычеркнут (Л. 3–4, 7). Теперь грамоты констатировали, что «обще мы, великие государи», взошли на московский престол — как будто и не было почти месяца народных волнений и кровопролития в российской столице в связи с нарушением наследного права.

Черновые отпуски сообщений в Нидерланды не имели дат — только после их переработки для двух царей было

¹ РГАДА. Ф. 50 (Сношения с Нидерландами). Оп. 1. Свиток 24. № 1/1682 г. Л. 1–5 (к Голландским Штатам) и 6–9 (к Вильгельму Оранскому).

² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Безгласный стол. Стлб. 65. Ч. II. Л. 1–8; копия: БРАН. 32.4.3. Ср. грамоту с актом по изд.: Восстание. № 204. Л. 254–257 (по соборному избранию Петр «учинился» царем «и ему, великому государю... подданные ево... хитrostи». С. 256–257).

помечено, что грамоты посланы «месяца июня... дня» (Л. 5). Аналогичная грамота в Пруссию отправилась с гонцом Дмитрием Симоновским 9 июня — а именно он должен был, продолжив путь, завезти послания в Нидерланды и Англию¹. Помимо белового, сохранился черновой отпуск этой грамоты, писавшийся первоначально для одного Петра.

К сожалению, черновик был обработан с помощью ножниц и клея, но судя по местам редактирования и его результату — аналогичному грамотам в Нидерланды, — курфюрсту Фридриху Вильгельму предполагалось сообщить буквально то же, что Вильгельму Оранскому и «высокомочным статам». Чудом сохранившаяся первоначальная дата отправки грамоты — 9 мая — показывает, к какому времени версия завещания была вытеснена легендой о «всенародном избрании» Петра².

Как видим, мотивация воцарения младшего брата в обход старшего завещанием Федора Алексеевича просуществовала недолго. Всего несколько дней, если учесть, что бранденбургский курфюрст был не первоочередным адресатом грамот о воцарении. Пруссия, вместе с Голландией и Англией, были последними в ряду христианских государств, к которым в июне 1682 г. все-таки выехали гонцы. Более важными считались — и, соответственно, раньше оформлялись — грамоты к Австрийскому императору и королю Польскому (гонец Н. Венюков), в Швецию и Данию (Н. Алексеев); из мусульманских держав — в Персию (И. Силин) и Османскую империю (М. Тарасов)³. Известно, что отъезд гонца Н. Венюкова в Польшу и Империю с грамотой о воцарении

¹ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Свиток 1682 г. № 1. Ср.: Ф.50. Оп. 1. Свиток 24 № 1.

² РГАДА. Ф.74. Оп. 2. № 34. Л. 1–6.

³ Статьюную книгу об отправлении гонцов, с переводами ответных грамот, см.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 29; опубл.: ПДС. Т. VI. Стлб. 1–214. См. также отдельные книги: ф. 79. Оп. 1. Кн. 205 (Польша); ф. 89. Оп. 1. Кн. 24.I (Турция); ф. 96. Оп. 1. Кн. 110 (Швеция и Дания).

Петра был назначен на 9 мая¹. Очевидно, ясность в формулу объявления о воцарении была внесена за несколько дней до этого, и версия завещания существовала только в последние дни апреля, максимум — первую неделю мая.

Скорее всего, она иссякла скорее, иначе гонцы, уже с 28 апреля выезжавшие по городам и весям России с крестоцеловальными грамотами новому государю, разнесли бы ее по всей стране. Конечно, нужно учитывать, что пишущие современники, фиксировавшие подобные сообщения из столицы, под давлением новых официальных объявлений принимали новые версии, не успев записать старые, а то и правили свои труды, да так, что прежний текст исчезал совершенно.

С помощью ножниц и клея несколько раз редактировал в 1682 г. повременные записи составитель Спасо-Прилуцкого летописца. К счастью, клочок бумаги с заметкой о воцарении Петра остался в рукописи — то ли по ошибке, то ли благодаря сознательной небрежности автора он был приkleен к странице вместо вырезанного фрагмента. Это единственное современное свидетельство бытования на Руси правительственный версии завещания Федора², поскольку грамоты, с которыми отправлялись в путь первые гонцы, не сохранились. Их пытались быстро заменить, позаботившись при этом и об «отпусках». Восслед первым концам летели сменщики с новыми объявительными грамотами, сообщавшими об «избрании» Петра на царство.

Прибытие такого гонца (с грамотой взамен первой) в Стародуб 6 мая зафиксировал в «Летописи Самовидца» подскарбий Роман Ракушка-Романовский³. Разумеется, гет-

¹ РГАДА. Ф.79. Оп. 1. Ч. 5. Свиток 1682 г. № 5.

² ГИМ. Собр. Уварова. № 591. Л. 185. Позже, в 1743 г., версия завещания царства отразилась в Троице-Сергиевской Повести: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ). Ф. 310. № 792. Л. 16).

³ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. – Киев, 1878. С. 153.

манская ставка была одним из первых адресов для грамот с новой версией, но и путь туда был не ближний, так что предположение о вытеснении «завещательной» версии в первых числах мая находит подтверждение. На смену ей шла версия «избрания» Петра Земским собором, якобы состоявшимся 27 апреля. Она живописно изложена в «соборном акте», помещенном в Разрядной записной книге Безгласного стола за 27 апреля — 25 октября 1682 г., составлявшейся в Троицком походе Государева двора в октябре.

Спрашивается, с чего бы царевна Софья, имевшая к этому времени реальную власть, и ее вернейший сподвижник думный дьяк Разрядного приказа Ф.Л. Шакловитый, ведавший царской походной канцелярией, вздумали сохранять версию уничтоженного восставшими еще 15 мая пропетровского правительства? Тем более что эта версия не получила широкого признания и в пропаганде уже не использовалась! Тайна сия велика есть. Логично, однако, предположить, что дальновидные умы вступающего в свои права правительства регентства предвидели, что несколько лет спустя им в том же духе придется обосновывать идеей «избрания» право на власть самой царевны Софьи.

Такой «акт», действительно составленный в 1687 г. Шакловитым и помещенный в «Созерцании» Сильвестра Медведева после «соборного акта» об «избрании» Петра, по понятным соображениям не мог быть опровергнут противниками царевны, скрывавшимися за спиной Петра. А после падения Софьи документ об «избрании» ее правительницей 29 мая 1682 г. послужил (и до сих пор служит историкам) важнейшим доказательством, что «стрелецкий бунт» против друзей юного и всенародно избранного Петра был направлен в пользу царевны, следовательно — ею же и устроен!¹

¹ См.: Богданов А.П. Летописец и историк. С. 134–135 и др.

ПОГИБЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ

Но вернемся к патриарху, благословившему в первой половине мая 1682 г. создание и распространение версии о «всенародном и единогласном избрании» младшего царевича. «Воззвание патриарха Иоакима ко всем государственным чинам и народу» со списками богомольной грамоты об «избрании» Петра, изготовленными в патриаршей канцелярии¹, еще более, чем «соборный акт», подчеркивало «единомыслие» участников двухпалатного избирательного Собора и призывало к тому же всех россиян, подкрепляя эффект государевых объявительных и крестоцеловальных грамот².

На основании иоакимовского воззвания сотрудник патриаршего летописного скриптория Исидор Сназин написал в Мазуринском летописце, что после смерти Федора «того ж часу избрали на Московское государство царем брата ево, государева, меньшова царевича и великого князя Петра Алексеевича... мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича... И крест ему, государю, целоваша бояре, и окольниче, и думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди». Среди современников «избирательную» версию изложили еще автор Поденных записей очевидца и датский резидент Бутенант фон Розенбуш, но уже составитель патриаршего Летописца 1619–1691 гг., ведя рассказ в основном соответственно объявительной грамоте, уточнил, что наречение Петра было осуществлено

¹ СГГиД. Т. IV. № 132. С. 412–413. Ср. № 133–134.

² АИ. Т. V. № 82; Санкт-Петербургский Институт российской истории РАН. Собрание грамот. № 2869. Л. 1–22; и др.

патриархом Иоакимом с освященным собором и царским синклитом (а отнюдь не Земским собором)¹.

Популярность «избирательная» версия приобрела только в памятниках петровского времени (включая «Гисторию» кн. Б.И. Куракина и Записки И.А. Желябужского), в коих утверждалось, что Иван Алексеевич был обойден из-за его слабого здоровья². Однако в знаменитой «Подробной летописи» начала XVIII в. отмечено, что поскольку «царевич Иван Алексеевич бе скорбен главою и слаб в здравии», патриарх Иоаким, без собора и даже без синклита, «нарек» царем Петра столь быстро, что сторонники царевича Ивана даже не успели заявить свои претензии.

За созыв Земского собора, по словам летописца, первой выступила старшая сестра царевичей Софья Алексеевна. Именно царевна, призвав «патриарха с лицом святительским, и служащих царевичей, и князей, и бояр, и окольничих, и стольников, и стряпчих, и жильцов, дворян, гостей — предлагала, чтоб возведен был на престол больший царевич». Конечно, как ярый сторонник Петра, автор «Подробной летописи» считает, что Софья, Милославский и Хованские заранее сговорились со стрельцами. Именно поэтому царевна и бояре твердили, «что все стрелецкие полки желают быть на престоле царем Иоанну Алексеевичу, который и летами уже совершен». Противники Петра заявляли, что стрельцы боятся боярского правления при малолетнем государе и присяга ему грозит кровопролитием.

¹ ПСРЛ. Т. 31. – М., 1968. С. 173, 187; Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // Советские архивы. 1979. № 2. С. 35; Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. – М., 1875. Приложения. С. 40–41.

² ГИМ. Собр. Уварова. № 543. Л. 192–192 об.; БРАН. 17.18.25. Л. 422; РГБ. Ф.37. № 415. Л. 350; РГАДА. Ф.181. № 625. Л. 25 об.; ГИМ. Собр. Черткова. № 156. Л. 90 об.; Богданов А.П. Россия при царевне Софье. С.204–205; Архив кн. Ф.А. Куракина. – СПб., 1890. Т. 1. С. 43.

Хотя в этом рассказе явно звучат впечатления последующих событий и особо популярной в начале XVIII столетия версии «заговора» против Петра, летописец признает важнейшие обстоятельства, опровергающие господствующую точку зрения. Сторонники младшего царевича имели при дворе 27 апреля 1682 г. решающий перевес и пользовались эффектом внезапности. Созыв собора мог помочь упавшим на законное воцарение Ивана оттянуть время, найти новых сторонников и реализовать более сильное право на престол старшего и совершеннолетнего наследника.

Согласно «Подробной летописи» именно патриарх вступил в бурный спор с царевной и ее немногочисленными сторонниками, заявив, что Петр уже венчан (видимо, имелось в виду: наречен) на царство. Можно допустить, что сверхстремительность наречения Петра не позволила даже приказным дельцам уловить точное время сего важнейшего события. Но как могла Софья, по признанию ее врагов, последние недели неотлучно дежурившая при постели больного брата¹, пропустить наречение Петра, происходившее (по признанию даже «соборного акта») над телом почившего Федора?!

Здесь возможны две версии. Одна — что Иоаким солгал царевне, зная, что она все равно не успеет переломить события. Второй придерживалась значительная часть современников: она гласила, что Федор Алексеевич был отравлен заговорщиками. В этом случае последние могли начать церемонию крестоцелования и до завершения агонии, в уверенности, что царь не проживет еще некоторое время и все они не окажутся вдруг государственными преступниками. На наречение нового царя до смерти старого намекает, как

¹ История о невинном заточении... С. 408; Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. / Браудо А. // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 259.

кажется, летопись придворного знатока А.Я. Дашкова¹. В отравлении Федора были абсолютно убеждены восставшие стрельцы, солдаты и горожане, проводившие сыски и казни «отравителей», как рассказывают современные русские, польские, датские и немецкие источники.

При всей увлекательности возможного расследования дворцовых тайн, ограничим обвинение против Иоакима тем, что он взял на себя личную ответственность за наречение Петра (позже по неблагодарности покончившего с патриаршим престолом) и не допустил созыва избирательного Собора. Ничего страшного, не правда ли? То, что кричала Софья о народных волнениях, об опасности восстания, Иоаким отбросил как несущественное. «И о том бы вопросили стрельцов и чернь, и что народу годно, то б исполнить, и будет царствие мирно и безмятежно!» — премудрая царевна убеждала напрасно². Патриарх уверенно вел своих сторонников к страшной смерти от рук презираемого ими народа.

Две погибельные ошибки Иоакима особенно поучительны. Первая: он со клеветами надеялся, неправо захватив власть, расплатиться с возмущенным народом крупными уступками и купить мир жестами справедливости и милосердия. Ведь патриарх знал, что столица бунтует. Не мог архиастырь не знать того, о чем давно писал своему королю датский резидент Иоганн фан Келлер и о чем был прекрасно осведомлен московский ученый Сильвестр Медведев! 30 апреля и 1 мая указами нового правительства (под председательством патриарха) были арестованы и приговорены к казни восемнадцать особо ненавистных стрельцам и

¹ РНБ. Эрмитажное собр. № 567. Л. 156; ср. РГАДА. Ф. 357. № 274. Л. 243 об.

² РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1177–1178 об. Ср. с изданием: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии / Львов Н.Л. – СПб., 1799. Ч. IV. С.81–83.

солдатам полковников и один генерал. 1-го числа от двора были демонстративно грубым указом удалены ненавистные народу «временщики»: Языковы и Лихачевы. Тогда же, по рассказу Медведева, для предотвращения разрастания «народного смущения» Иоаким направил к солдатам и стрельцам с уговорами «митрополитов, архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов»¹.

Все эти массированные уступки не утишили народный гнев, но, по словам современных наблюдателей, лишь укрепили уверенность восставших, что бесчестная власть желает их обмануть и при первой возможности подвергнуть жестокой расправе. Агитаторы, выбранные на полковых собраниях стрельцов и солдат, при сочувствии народа «сказывали на бояр измену». Они разъясняли, что «бояре всем творят обиды и истеснение великое, суд и расправу чинят неправедно всему христианству ради мзды своей, сирых и бедных не щадя... нападают всякими неправдами, себя обогащают и домам своим прибытки чинят, а народ губят».

«И сего ради,— пишет свидетель,— служилые люди, стрельцы и солдаты, между собой совет сотворили, всеми полками во единомыслии стали, говоря: Как бояре завладели всем государством! И возмутились все и восколебались: на бояр встанем, потому что бояре что хотят — то и творят... им от бояр терпеть невозможно!» Петр Алексеевич «вельми юн, только 9 лет и 11 месяцев, как ему государством владеть, если не боярам богатеть? И народ весь погубят!.. И будут царством владеть паче прежнего, и людьми мять, и обидеть бедных, и продавать».

Переданная многими современниками народная мольва гласила, что Иван Алексеевич «в возрасте, можно ему, государю, царствовать». Потому-то и отстранили его коварством

¹ Подробно см.: *Буганов В.И.* Московские восстания. С. 102–122.

от престола, «дабы царствовать меньшему брату... а государством владеть и людьми мять им, боярам». «Стрельцы беспрестанно толковали, что избрание нового царя произошло незаконно, что не может быть, чтобы старший царевич Иван отказался по болезни, что это сделано партией изменников... Лучше сломать им шеи».

Не вдаваясь в детали ярких рассказов о народном возмущении, скоро выразившемся в вооруженном восстании (их легко представит себе каждый россиянин), отмечу главное решение стрелецких и солдатских советов. Зачинщики восстания «лучше избрали смерть, нежели бедственный живот». Они «себе положили крепкую заповедь... чтоб в том своем... умышлении стоять крепко и друг за друга головы положить неизменно». Не догадаться о будущих событиях, получая донесения, как народ повсеместно затаекивает на сигнальные башни-каланчи ведомых «ушников» (доносчиков) и, раскачав за руки за ноги, под крики «любо! любо!» — швыряет вниз,— высшим чинам Московского двора было весьма трудно.

Вторая гибельная ошибка патриарха и возглавленных им придворных заговорщиков состояла в том, что, пытаясь выбить идеяное оружие из рук восставших, они усугубили впечатление от цинизма верховной власти, выступив с вестью о «всенародном и единогласном избрании» Петра. «Петровцы» не поняли, что подобные идеи воспринимаются «с глубоким удовлетворением» только тогда, когда весь народ находится под караулом, когда никто ровным счетом ничего не может сделать. На сей раз караул был возмущен больше всех, а людям, по крайней мере москвичам, было что предпринять. Например — явиться в Кремль и врезать обнаглевшей, зажравшейся и веками презирающей «черный люд» сволочи по сахарным устам, от лица народа российского привычно и лживо вещающим.

Крупнейшее в истории Москвы народное восстание вспыхнуло из-за контраста между надеждами, которые дало правление Федора Алексеевича, и притеснениями со стороны тех, кто воспользовался его болезнью и, желая продолжить бесконтрольный грабеж страны, совершил дворцовый переворот, посадив на престол Петра. Восстание, в ходе которого народ послал своих выборных представителей для контроля в Думу и центральные ведомства, продолжалось до осени 1682 г. «Утишить» его смогла только «премудрая и милосердная» сестра Федора -- царевна Софья Алексеевна. Но и ей придворные не простили «заигрывания» с народом. Как только, благодаря гибкой политике царевны, опасность нового восстания в стране была предотвращена, Софья была свергнута в результате нового заговора, а впоследствии обвинена в том, что это она «разожгла бунт» в 1682 г.!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А как же несостоявшийся император? — спросите вы. Федор Алексеевич действительно завершил дело отца, приведя государственное управление, армию и финансы в соответствие с требованиями времени и, главное, масштабами государства, раскинувшегося на севере Евразии от Балтики до Тихого океана. При старшем брате Петра I Россия окрепла и реально утвердилась в мире как империя: могучая монархическая держава, объединяющая в себе многие языки, народы и конфессии.

Уже в первые месяцы правления, усиленно «леча» больную «голову» государства — реформируя его высшее и центральное управление, — юный царь утвердил при своем венчании на престол новую державную идеологию. Священные основы царской власти (а значит — духовные устои державы) выдвинулись на первый план, решительно затмив древний родовой, наследственный принцип.

Все изменения, внесенные в 1676 г. в чин царского венчания волей Федора Алексеевича по благословению патриарха Иоакима (и развитые в 1682 г. в чине царского венчания Ивана и Петра), служили одной цели. Старательное уподобление византийскому императору, причащение царя в алтаре со священниками, подчеркнутая передача инициативы патриарху, коему предписано было максимально ярко выделить божественную основу царской власти («От Бога поставлен еси, Богом венчанный царь» и т.д.), обретало смысл благодаря изменению одной, краткой, но главной

формулы чина венчания. Федор стал государем не просто Российского самодержавного царства, но Российского православного самодержавного царства. По убеждению нового царя, вполне разделявшемуся россиянами, этому священному, избранному Богом и хранимому Богородицей царству не было равных во вселенной.

Иные сильные автократические империи и королевства в мире тогда существовали, но они не были православными. Рассеянное по земле православие имело лишь одно царство. Некогда то была держава Ромеев (Византия), но россияне от мала до велика верили, что лишь царство Российское вводило народы в хранимый свыше удел Пресвятой Богородицы, издревле возлюбившей и избравшей Русь.

Юный царь получил слишком хорошее образование, чтобы надеяться потрясти христианский мир старой теорией «Нового Рима» (он сам рассматривал древний мир сквозь призму концепции «четырех монархий»). Неувядаемая идея «Святой Руси» выглядела сильнее, тем более что церковное понятие «Нового Израиля», вообще-то распространяющееся на все христианство, сужалось в XVII в. до рамок одной из основных конфессий, что само по себе отделяло православное Российское царство от Священной Римской империи германской нации, например.

Однако православие выходило за рамки объединенной Великой, Малой и Белой России не только на Западе (где православное духовенство подчинялось в 1676 г. патриарху Константинопольскому), но главным образом — на Ближнем Востоке. Святорусская идея годилась только для домашнего употребления, тогда как восточными православными понятие избранности неукоснительно переносилась на всю Церковь. «Святая Христова Церковь, язык свят и царское священство, Новый Израиль, — публично восклицал по поводу этого набора понятий греческий уни-

тель и московский придворный оратор Софроний Лихуд, -- святейший, глаголю, Вселенский собор Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и богохранимого сего царствующаго града Москвы святейший престол»¹.

Общепризнанного сакрального центра, вроде Мекки и Медины, установив контроль над коими турецкий султан смог объявить себя «повелителем правоверных», в православии не было. Иерархически в православии первенствовал Константинополь: его патриарх оставался старшим на Востоке с византийских времен. Однако Царьград, увы, давно именовался Стамбулом... А патриарх Московский, вследствие просчетов политиков конца XVI в., усугубленных отцом царя Федора, числился на Востоке едва не последним в ряду вселенских православных патриархов. В свою очередь, и патриарху Иоакиму вовсе не хотелось тесно связывать харизму «святого царствия» с вселенским православием и тем более с невероятными размерами «расточенного» с римских времен внешнего наследия.

Обоих по разному мыслящих, но, безусловно, умных властодержцев — царя Федора и патриарха Иоакима -- волновало, что понятие богопоставленности царя, при господстве родовой идеи наследия всех древних кесарей и великих князей, сводится к банальному признанию, что «всякая власть от Бога». Староверы, среди которых актуальным становился образ царя-Ирода и уже витала мысль об Антихристе (есть ведь и от него власть!), были своего рода барометром устаревания официальной идеологии. Неслучайно концепция «Нового» или «Третьего Рима», едва получив при Романовых признание на высшем государственном уровне, обернулась в устах староверов против самих властей².

¹ Памятники общественно-политической мысли. № 27. С. 215.

² Основной тезис концепции – «два Рима падоша, а третий стоит и четвертому не быти» (идущий от Послания Филофея: Идея Рима...

Но православного самодержавного царства (ведь царство могло быть, в глазах Федора, только самодержавным) нигде в окружающем мире не было. Российская держава была единственной, способной утвердить свою основу и миссию в качестве прообраза и предтечи земного царства Христа в мире православия и стать центром православной вселенной, надеющейся на освобождение от «агарянского мучительства».

Единственное во Вселенной Российское православное царство получило, по воле царя Федора, прочную и в принципе независимую от какого-либо наследования державного права (или трансляции империума) идеологическую основу. Абсолютное суверенное право существования прообраза и предтечи земного царства Христа позволяло претендовать на миссию центра православной вселенной, ждущей освобождения от «агарянского мучительства». При желании — учитывая потребность избавления народов от христианской схизмы вкупе с просвещением святым крещением мусульман, буддистов, иудаистов и язычников — Российское православное царство могло нести свет истинной веры по всей Ойкумене, до концов земли. Но в то же время законным становился тезис, что, как Уделу пресвятой Богородицы, России нечего больше желать и нет смысла расширять свои рубежи.

№ 24) – трактовался староверами как сбывающееся пророчество о «падении» Москвы (в никонианство), за коим следует приход Антихриста (эри: властей предержащих) и конец времен. См.: Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. – СПб., 1862; *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. – М., 1878, 1885. Т. 3–4, 6–7; *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. (Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным). – СПб., 1898; *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск, 1988; *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. – СПб., 1995; и др.

Россия в лице населявших ее народов¹, процветающих в лоне священного православного самодержавия, представлялась царю Федору и его современникам не просто одной из империй (бывших и существующих) и даже не лучшей из них, но — несравненной в истории Вселенной державой. Так полагал и царь Петр, вполне довольный идейным основанием своей власти, сформулированным в чине венчания на царство летом 1682 г., написанным на основе чина венчания его старшего брата. Лишь стремление к новым и новым почетям побудило Петра после окончания Северной войны именоваться также Императором (в ознаменование полководческих достижений), Первым и Отцом Отечества.

К статусу России на мировой арене (утверждавшемуся многолетними усилиями в дипломатическом церемониале) и тем паче к самосознанию россиян титул императора ничего не прибавил. Употребляя его, благонамеренные россияне продолжали неофициально именовать государя царем, а Россию — царством. Куда более радикальный шаг сделал как раз Федор Алексеевич — и именно его державная идея стала фундаментальной основой российской государственной теории. Когда граф Сергей Семенович Уваров (1746–1855) употребил в 1830-х гг. крылатую формулу «Православие, Самодержавие, Народность», он повторял расхожую со времен старшего брата Петра мысль, а вовсе не мнил себя преобразователем общества².

¹ Слово «Россия» было официально введено в название государства весной 1612 г. с целью выразить идею права выборных представителей **всех** уездов (административных единиц) страны решать ее судьбу и избирать государя. 7 (17) апреля 1612 г. страна, прежде именовавшаяся «Московским государством», была названа «Великой Российской державой». См.: Богданов А.П. Уроки Смутного времени // Благо. 2005. № 3. С. 50–61.

² Формулу граф впервые употребил в докладе Николаю I о ревизии Московского университета в декабре 1832 г.: для соединения науки с нрав-

Между состоявшимся и «несостоявшимся» императорами, между старшим и младшим братьями, один из которых царствовал чуть более 6, а другой — более 40 лет, много схожего и в образе мысли, и в направленности реформ. В частности, оба любили объяснять мотивы и смысл своих преобразований. Но если в указах Федора Алексеевича главным побудительным мотивом выступали «общее благо» и «всенародная польза» всех россиян, то Петр апеллировал к «государственной пользе» конструируемой им дворянско-крепостнической, военно-полицейской державы.

Различными были для подданных и итоги царствований двух энергичных братьев. Итог второму подвел Верховный тайный совет во главе с А.Д. Меншиковым. Собравшись после смерти Петра, он констатировал, что подданные из-за налогов, повинностей и свирепства военно-полицейского аппарата пришли «в непоправляемое бедствие»: еще немного усилий этих «волков» (по выражению светлейшего князя) — и брать налоги будет не с кого¹. Итог первому красноречиво изложен в надписи на стене Архангельского собора, над гробницей царя Федора:

ственностью необходимо, «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где сляться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование, правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества». В 1838 г., извещая попечителей учебных округов о своем вступлении в должность министра народного просвещения, Уваров писал в «Журнале народного просвещения»: «Наша общая обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Для верноподданных россиян в этих словах не было ничего нового, но они взбесили А.И. Герцена и были представлены в левой публицистике как призыв к «замедлению умственного развития».

¹ См.: Богданов А.П. Крепостная Россия // Автократов М.И., Буганов В.И. Сокровища документов прошлого. – М., 1986. С. 155–170.

«Тот, чей образ и гроб зрите, — благочестивейший великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, по отце своем... Алексе Михайловиче... восприял скипетродержавство царства Российского от рождения своего в 15-е лето.

Был от... Бога... одарен постоянством царским, незыбленным благоговением христианским истинным, бодростью в службе божьей, долготерпением и милосердием дивным. И в правду сказать можно, что он был престолом мудрости, совета сокровищем, царских и гражданских устоев охранением и укреплением, прениям решением, царству Российскому утверждением.

Кратко сказать — то ему любезно было, что мать нашу Православную церковь увеселяло, мир, тишину и всякое народа благополучие умножало. И во всем его царском житии не находилось такого времени, когда бы ему всему православию памяти достойного и церкви любезного дела не сотворить. К тому же неприятелям Российского царства был страшен, в победах счастлив, народу любезен. Он от многолетних войн царству Российскому мир достохвальный сотворил. Из тьмы магометанства и идолопоклонства множество людей не принуждением, но христианским благочестивым промыслом в свет православной веры привел.

Православных христиан, которые были магометанам подданные, многие села и деревни от их подданства освободил. И из басурманского плена много лет там страдавших многое число православных христиан выкупил. Многие церкви Божьи пречудно всяким благолепием украсил. О научении свободным мудростям российского народа постоянно помышлял, и монастырь Спасский, что в Китай-городе, на это учение определил, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написал.

Дома каменные для пребывания убогих и нищих с довольноым пропитанием сотворил и таковых упокоил многие тысячи. Царские многолетние долги народу простили и впредь налоги облегчил. Братоненавистные, враждотворные и междуусобные местнические споры прекратил. Царский свой дом, и град Кремль, и Китай-город преизрядно обновил, и убыточные народу одежды переменил, иное многое достохвальное и памяти достойное сотворил — и на все полезное и народу потребное все предуготовлял.

Пречудно со всяким христианским душеспасительным к исходу души своей предуготовлением жизнь сию скончал. Царствовал же этот благочестивейший и милостивый царь 6 лет, и месяца два, и дней 28. Преставился же... всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца апреля в 27 день в 13 часу дня в первой четверти¹.

Можно предполагать, что на появлении столь содер-жательной эпитафии Федору настояла его родная сестра царевна Софья, правившая в 1682—1689 гг. Но ее неизвестный автор был далеко не одинок в оценке выдающегося самодержца. Показательно, что текст надписи воспроизвели летописцы патриарха Иоакима — стойкого политического противника царя Федора и царевны Софьи². Надпись использовал в «Хронографце» (1688) и близкий к патриарху Чудовский иеромонах Боголеп Адамов, вскоре занявший место казначея патриаршой резиденции³.

¹ ДРВ. Ч. XI. С. 229–231; Тромонин К. Царь Федор Алексеевич. – М., 1836; Снегирев И.М. Архангельский собор в Московском Кремле. – М., 1865. С. 28–31; и др.

² ИРЛИ. Древлехранилище. Оп. 23. № 257. Л. 972 об.–975; ср.: РГАДА. Ф. 181. Кн. 20/25. Л. 826; и др. списки.

³ Богданов А.П. «Хронографец» Боголепа Адамова. С. 381–399.

Уже после падения Софьи, в 1690-х гг. автор Беляевского летописца утверждал, что строитель и реформатор Федор Алексеевич «был... государь кроткий, в делах рассудительный, премудростью и разумом подобный Соломону»¹. Тогда же высокая оценка царствования Федора была внесена в Латухинскую Степенную книгу — обширный исторический труд патриаршего казначея Тихона Макарьевского. Эти похвалы, основанные на панегирике Федору Алексеевичу в первой печатной книге по русской истории — «Синопсисе» (Киев, 1680) — присутствуют во множестве списков Латухинской Степенной², не исчезая из ее многочисленных переработок в XVIII в.³.

В начале самостоятельного правления Петра (с 1695 г.) появляется и новый взгляд на царствование его старшего брата, в котором упоминание реальных достижений сменяется жалостливым описанием слабого здоровья Федора. Уже в 1699 г. английский историк России Крюлль приводит сообщение одного из участников Великого посольства Петра за границу, что, несмотря на многообещающие качества, Федор из-за болезни и ранней смерти ничего, по существу, не успел⁴.

В чеканном виде позиция, на века завоевавшая господство в сознании общества, была сформулирована в летописи

¹ Богданов А.П. Россия при царевне Софье. С. 39–40.

² ГИМ. Синодальное собр. № 293; Российская национальная библиотека (РНБ). F.IV.221; ИРЛИ. Древлехранилище. Оп. 23. № 171; РНБ. Собр. Погодина. № 1559; РНБ. Собр. Толстого. F.221; РГАДА. Ф. 181. № 3/3; и др.

³ Ср.: Васенко П.Г. Трегубовская «Степенная» // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – СПб., 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 360–367; РГБ. Ф. 218 (собр. ОР). Пост. 1967 г. № 46. Л. 123–130 об.; РНБ. Собр. Вострякова. № 852. Л. 366 об.–367 об.; и др.

⁴ Crull J. The present conditions of Moscovite Empire, till the year 1699, in two letters. – London, 1699. P. 5–6.

1730-х гг.: Федор Алексеевич, «хотя весьма слабой комплекции и худого здоровья был, однако же славы родителя своего и попечения о пользе государства не утратил, но насколько сила его здоровья и краткость времени допустили, во введении лучших обычаев, в учреждении некоторых изрядных зданий и в перемене древней неудобной одежды, особенно же жестокого и вредного обычая местничества, который как закон почитали, заботу свою о государственной пользе показал. И если бы болезни и прекращение жизни не были ему препоной, то бы со временем и большую пользу государству своему сочинил»¹.

Нет ничего удивительного, что в новых по форме (и служебных по существу) исторических сочинениях XVIII в. культивировалось представление, что слабый и больной Федор явился лишь добрым родственником юного Петра. Впоследствии историки, не обращая внимания на отдельные попытки разобраться в личности и царствовании Федора, фактически вычеркнули старшего брата Петра из истории государства как «несостоявшегося» императора². Надеюсь, что эта книга отчасти устранит историческую несправедливость.

¹ ГИМ. Собр. Черткова. № 156.

² В «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, например, деяниям Петра посвящено 10 лекций, характеристике его «предшественников» – 3 лекции, а личности и трудам царя Федора – ни единого абзаца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА 1. КАТАСТРОФА ВО ДВОРЦЕ	11
ГЛАВА 2. ПРЕМУДРЫЙ ЦАРЕВИЧ.....	60
ГЛАВА 3. ЦАРЬ-ФИЛОСОФ.....	91
ГЛАВА 4. ВОЙНА И РЕФОРМА АРМИИ	142
ГЛАВА 5. ДВОР ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ.....	205
ГЛАВА 6. ПРАВОСЛАВНЫЙ САМОДЕРЖЕЦ	252
ГЛАВА 7. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ	280
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	309

Научно-популярное издание

Тайны Российской империи

Богданов Андрей Петрович

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ИМПЕРАТОР
ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.09.2009. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.

Гарнитура «PeterburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 4000 экз. Заказ № 409.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Как золотые годы благоденствия вспоминалось россиянами царствование старшего брата Петра I, мудрого и образованного государя, при котором Россия осуществила глубокие преобразования и утвердилась в мире в качестве великой державы. Именно царь Федор Алексеевич утвердил новую, имперскую концепцию Российского самодержавного православного царства, которая стала фундаментом государственной идеологии Российской империи. Однако царствование его было забыто, а личность преобразователя искажалась ради возвышения его младшего брата. Четверть века архивных изысканий позволили автору воссоздать истинный образ Российского государства XVII столетия. Вместо привычной картины «темной, непросвещенной предпетровской Руси» читатель знакомится с подлинным обликом богатой и цветущей России,ющего и быстро развивающегося государства.

ISBN 978-5-9533-4271-1

9 785953 342711

